

ANGOR

— БАРНАР —

МИР НА КОСТЯХ

3

Annotation

Друзьям Конрада предстоит сражаться за него. А наёмнику необходимо будет столкнуться в битве против самого себя. И кто знает, куда проведут они свои пути...

Глава 1

Это не было видением. Рыжеволосая ведьма действительно временно ослабила воздействие безмолвных на разум Конрада. Она стояла перед ним в красивой шубе, сильно расширяющейся книзу и в рукавах. Её одеяние наполовину имело тёмно-зелёный окрас, а наполовину чёрный. Кудрявые локоны собраны по бокам, за ушами. Но наёмник до сих пор не мог поверить в происходящее.

Амелия сосредоточенно, круговым взмахом правой руки открыла портал.

— Скорее уходим! — прозвучал властный голос чародейки.

Они успели ускользнуть от безмолвных. Но этот магический коридор не походил на остальные, что видели раньше мужчины. Вокруг в бешеном хороводе, взявшись за плечи, неслись звёзды. Древние голоса напевали всем на ухо старинную песню о зарождении мира.

Когда друзья очутились у заброшенной среди льдов и гор крепости. Конрад крепко обнял Амелию.

— Ты жива! Жива! — он уткнулся носом в её волосы.

— Да, — улыбнулась она, отстранившись после. — Боги помогли мне! Они заключили Узгулуна в иное измерении, куда я его отправила. И спасли меня... — тут же радость улетучилась с её губ. — Конрад, ты должен знать нечто важное... Создатели вернули меня для того, чтобы я убила тебя! — волшебница взглянула ему в глаза.

— Я понимаю, Амелия, — он опустил голову. — И чего же ты ждёшь?

Остальные, опешив, слушали их разговор.

— Я способна пожертвовать собой, но... Но не теми, кого люблю! Ты уже узнал правду о себе. И небесные правители хотят твоей смерти. Ты очень большая угроза для всех! Когда они поймут, что я не уничтожила тебя, то сами начнут охоту. На тебя начнут охоту и живые, и мертвые, Конрад! Именно поэтому мы сейчас здесь. Это всё тот же Барнар, но вернее, его теневая сторона! Не думаю, что боги догадаются сразу искать в этом месте.

— Теневая сторона? — вмешался, оглядываясь, Бэбкок.

— У всего есть тень, Иорик! У жизни тоже. Тут всё иначе. Я бы даже сказала, куда опаснее, чем в реальности. Сюда заключают самых жутких созданий вечности. Это их мир! Иногда они могут вырываться из него в привычные нам земли.

Поэт вздрогнул.

— Когда правители небес явятся, то нам придётся бежать дальше. Но пока что нам нужна передышка. И не для того, чтобы отдыхать, а чтобы Конрад начал учиться контролировать себя!

— О чём ты? — холодно спросил наёмник.

— Давайте укроемся внутри, — ведьма закусилла нижнюю губу и взглянула на заходящее в горах солнце. — Уже там я поведаю, что у меня на уме. Когда расплзётся тьма, от нас ничего не останется...

Никто больше не стал задавать вопросов. Чародейка не производила впечатление человека, к которому не стоит прислушиваться. Ватага выдвинулась взбираться вверх по скользкому холму, усеянному острыми кольями. Добравшись до высоких ворот, Конрад попытался взломать их.

— У тебя ничего не выйдет, — Амелия заняла его место. — Поможет только колдовство. Без него в сих краях никому не продержаться больше часа.

— Откуда тебе всё известно? — обратилась Фрида.

— Некогда могущественные волшебники проникли на тeneвую сторону, чтобы удерживать зло изнутри. И не так давно мне пришлось открыть в себе способности, чтобы общаться с предками.

Она коснулась пальцами жгучей морозной поверхности. Глаза её закатились так, что были видны только одни белки. Что-то внутри ограждения заскрежетало. Дверь со стоном сдвинулась в сторону. Образовавшийся просвет был узким, но достаточным для человеческих тел.

Внутри, на сквозняке длинные обвисшие паутины натянулись, словно паруса.

— Это похоже на какой-то жуткий большой склеп, — тихо сказал поэт.

— Если тебя что-то не устраивает, то можешь остаться снаружи, Иорик, — Амелия вошла первой.

— Ну уж нет. Ещё чего! — заверещал Бэбкок.

Ведьма затворила проход обратно. И заклинанием разожгла в земляном очаге большой огонь.

— Ночью нельзя будет всем спать. Кто-то должен стоять на страже! Я, конечно, сейчас наложу защиту на все входы и выходы. Но лучше не терять бдительности.

Пока волшебница обходила помещения крепости, все остальные сгрудились у языков пламени, отогревая окостеневшие конечности.

— Амелия, а куда потом делись маги, что были здесь? — спросила Бригида, когда та к ним вернулась.

— Их всех убили существа, что скоро явятся к этим стенам, — спокойно ответила она. — И с тех пор сюда уже никто не решался проникнуть из реальности.

У девчушки сжалось от страха сердце. Ведьма подумала сменить тему:

— А как тебя зовут?

— Бригида. Я вместе с Иориком учусь у Конрада боевому искусству. Он рассказывал мне о вас. Он вас любил.

Наёмник после этих слов старательно избегал глазами Фриду, уставившуюся на него.

— Конрад, мне нужно с тобой поговорить, — волшебница позвала его за собой в соседний зал с длинным пыльным столом.

Мужчина молча последовал за ней. По пути он заметил, как Бэбкок показал ему кулак в знак того, чтобы он держался.

— Ох, не завидую я сейчас ему, — вздохнул поэт.

— Это ты про то, что он сын безмолвного? — девчушка повернула к нему голову.

— Можно и так сказать, — не стал пояснять Иорик.

Фрида, понявшая, что имел в виду тот, злобно подняла одну бровь вверх.

Конрад тем временем смахнул грязь с лавки и уселся напротив подруги.

— Амелия, я тоже должен тебе что-то сообщить. Я думал, что ты мертва. И... В моей судьбе появилась Фрида. Она провидица из Саркена. Спасла меня от казни. В общем...

— Конрад, не стоит оправдываться! — замотала головой ведьма. — Это ни к чему. Я всё понимаю.

— Я всё-таки хочу объяснить, — мужчина печально обвёл чародейку взглядом. — Между мной и тобой ничего не было. Но... Тот поцелуй возле Торианвила. Он многое для меня значит. Я... Я не знаю, что ты чувствовала ко мне. Однако ты мне была не безразлична! И я не могу больше держать это в себе. Мне нужно, чтобы ты просто знала. И я счастлив, что

ты вернулась.

Амелия повернулась к нему спиной и молча водила пальцем по покрывшимся ржавчиной канделябрам. После чего она резким взмахом зажгла все свечи и уселась с ним рядом.

— Сейчас, — у неё в горле встал ком. Чародейка помедлила и затем продолжила. — Мы обсудим следующее... Профессиональные воители, капитаны, коннетабли, они заранее перед кампаниями назначают за себя непомерную сумму выкупа в случае их пленения, чтобы повысить тариф на свои будущие услуги.

— Я знаю, — наёмник поморщился. — Но...

— Дослушай, пожалуйста, — Амелия обхватила его руку ладонями. — В тебе от твоего отца, желаешь ты этого или нет, течёт одна из самых мощных сил во Вселенной. Да, она очень опасна. Так всегда бываем с чем-то наделённым таким могуществом. Но пойми важную вещь! Если ты научишься противостоять голосу безмолвных в твоей голове и начнёшь развивать то, что льётся по венам. Ты будешь способен помочь многим из живущих! И это не пустые мечты, Конрад! Твоя смерть в эти дни имеет огромную цену, и все готовы её заплатить, чтобы остановить безмолвных. Тебе придётся бороться с самим собой. И нет ничего тяжелее оного... Но если у тебя выйдет, то люди и боги поймут, что значение имеет только твоя жизнь, а не смерть. Все слишком напуганы... Все... И ты должен осознавать, что страх бросает всякое существо в пропасть неведения и глупостей. Сегодня, как бы это ни звучало, весь мир против тебя! Но не мы... Ты нам нужен, Конрад! Позволь нам помочь тебе... Если тебе станет легче, то вот в чем я клянусь, — она крепче сжала его руку. — Я сама убью тебя, когда пойму, что ты точно не справишься и не сможешь совладать с их голосами в разуме. Я не дам им забрать тебя! Верь мне! Ты никогда не станешь одним из них... Либо смерть, либо ты обратишься в самого великого из защитников. Другого не дано. Я лишь хочу, чтобы твоя гибель стала самой крайней мерой...

Конрад прижался головой к её голове.

— Я тебе верю, — прошептал наёмник. — И я надеюсь, что рука у тебя лёгкая.

— Если ты способен шутить, — она отстранилась. — Значит, медлить не будем. Завтра же на рассвете начнём занятия, — Амелия поднялась на ноги. — Готовься! Я буду пытаться твой разум! И это совсем не весело...

— Знаешь, я бы раньше с большим трудом поверил бы, что ты способна рисковать жизнью многих ради одного человека, — обронил ей вслед мужчина.

— Значит, ты так и не смог меня узнать, — безэмоционально отрезала Амелия.

— Возможно... Ты мне всегда казалась несколько холодной, хотя, вернее сказать, слишком рассудительной.

Ведьма не стала ничего опровергать, а молча вернулась к остальной команде.

Они перекусывали черствыми галетами с водой. Снаружи до них донёлся неистовый замогильный вой.

— Кто это? — Иорик вытер рот. — Голодные волки?

— Тебе лучше не знать, — волшебница пристроилась неподалеку. — Если нам очень повезёт, то мы никогда не столкнемся с тем, что находится сейчас за воротами.

Вой переходил в кровожадное приближающееся рычание. После всё стихло на несколько минут. И можно было распознать скрежетание чего-то тяжёлого об лёд. Двери затряслись под мощным ударом. Аппетит у всех разом пропал.

— А они точно не сломаются? — Бригада испуганно уставилась на вход.

— Не думаю, — неуверенно ответила ведьма. — Во всяком случае, у меня ещё хватает энергии, чтобы удерживать их при помощи наложенного заклинания.

— Амелия, ты говорила: попасть внутрь можно только с помощью магии, — заметил поэт. — Как те существа тогда проникли сюда в прошлом?

— Выходит, я не сообщила вам самого главного, — она отхлебнула из фляжки. — На теневой стороне с каждым днём силы магов начинают становиться слабее. Так что для всех нас будет лучше, если Конрад быстро научится понимать то, что у него внутри.

— То есть ваши жизни сейчас зависят от чего-то почти несбыточного? — наёмник выругался. — Я не хочу, чтобы вы рисковали! — он яростно сверкнул глазами.

— Хватит, Конрад! — аливитянка осадила его. — Мы пробудем в этом месте столько, сколько сможем. И прекрати уже решать за нас, что нам делать!

— Фрида права, — изрекла чародейка, грея руки над костром. — Мы не малые дети, чтобы опекать нас! Если, конечно, не считать Бригиду.

— А за себя я вот что скажу, — девчушка насупила брови, стараясь придать себе более серьёзный и взрослый вид. — Я хоть и ребёнок, но друга бросать не собираюсь! Тебе придётся убить меня, Конрад, чтобы отделаться от меня! — она пронзила наёмника немигающим взглядом.

— Да чтоб вас всех! — не выдержал Конрад и, раздраженный, удалился прочь, в одну из угрюмых опочивален.

В эту ночь никому из них не хотелось спать, хоть и липкая усталость смыкала веки. Но постоянные непрекращающиеся удары в ворота сводили с ума и заставляли волосы на теле подниматься дыбом.

Иорик нагнулся вперёд, чтобы расстегнуть гетры и дать расслабиться хотя бы ногам. Бригида, отогревшись немного у огня, сняла шубу и подложила под голову, оставшись в выкрашенных дешёвой вайдой рубаше и кофте из кашемира.

— Если вы хотите отдохнуть, то можете отправиться в дальние помещения. Там звук снаружи не будет таким громким, — сказала Амелия.

— Я не из особо трусливых, но мне как-то спокойнее находиться рядом с тобой. Всё-таки ты удерживаешь тех существ, — девчушка открыла глаза. — Всё равно сна ни у кого сейчас не появится.

— Да, это место такое жуткое, что оно, возможно, страшнее самой преисподней, — откликнулся поэт.

— Испуг всегда присутствует, когда имеется шанс что-то изменить, — Фрида исподлобья смотрела на полыхающие горячие языки. — В аду же уже ничего не исправить. Поэтому ты скорее всего, верно сказал.

Бэбкок, грустно улыбнувшись, кивнул ей, после чего спросил у волшебницы:

— Амелия, извиняюсь, конечно, за кафешантанный вопрос, но где здесь можно справить нужду?

— И что же такого непристойного в этом вопросе? — та удивлённо взглянула на него. — Мы все испражняемся. По мне, так это самый обычный вопрос. Возьми с собой свечи и после коридора справа поднимайся по лестнице наверх, затем сверни влево. Там будет специальный флигель. Думаю, дальше сам разберёшься. Только боюсь, что зад отморозится в отверстии.

— Благодарю, — Иорик поднялся и прихватил зажжённую свечу.

Когда тот ушёл, Бригида, сморщив лоб, поглядела на женщин.

— Я не понимаю, почему он всегда использует в своей речи какие-то сложные слова, о которых я никогда и не слышала? Хотя язык дорманцев я знаю с детства.

— Потому что он начитанный человек, — ответила чародейка. — А такие люди частенько любят изъясняться подобным образом. Я раньше тоже много читала, поэтому иногда понимаю его слова.

— Но ведь это не признак ума? Да? — Бригида потерла пальцами виски, будто стараясь унять головную боль. — Это я не к тому, что считаю Иорика глупым. Он точно не такой. Просто интересно. Мне кажется, что у взрослых свои представления насчёт умных людей.

Амелия замешкалась, не зная, как выразить мысли. У аливитянки получилось высказаться раньше:

— Никто не знает, в чем признак ума! Только глупцы способны давать кому-то такую оценку.

Женщина, слегка прищурившись, направила глаза на Фриду.

— Мне понравилось, как ты это сказала, — она добродушно улыбнулась. — Правда.

— Спасибо, — воительница провела рукой по волосам.

— Подождите, — Бригида облизнула нижнюю губу, раскрыв широко рот. — В таком случае, если глупцы знают, что есть ум, то выходит, что умные знают, что такое невежественность.

Амелия рассмеялась.

— Все-таки разум ребёнка способен любого взрослого поставить в тупик. Не знаю, Бригида, давать оценку чему-либо всегда опасно. Так как все люди совершают ошибки. Мы, как стадо овец, ведём друг друга к пропасти по дороге, выстроенной из собственной самоуверенности.

— Если мы не знаем, что значит быть умным, то и не можем знать, что значит быть глупым, — подняв брови, заключила ученица. — А как же тогда быть, раз уж никто ничего не знает?

— Мы не всегда знаем, что ведает наше сердце, но мы исполняем то, чего оно желает, — жительница Саркена потянулась. — Так и с разумом, возможно. Главное самому слушать добрые порывы сердца, а не определять, кто есть кто. Жизнь слишком коротка. В ней бы самих себя отыскать, прежде чем разбираться в других.

Иорик же брел вдоль длинного коридора, стены которого были увешаны обветшалыми картинами с пыльными драпировками по краям. Запах сырости проникал в ноздри и заставлял его идти быстрее. Лестница из тектоны великой, пожалуй, единственное в этой части замка, что сохранилось относительно хорошо. По ней пришлось долго подниматься, чтобы добраться до перехода, ведущего во флигель. Маленький огонёк свечи всё время судорожно дрожал от воздушных потоков, разгуливающих из комнаты в комнату. Поэтому постоянно приходилось прикрывать его ладонью, чтобы он не погас. Несколько раз Бэбкок чуть не расшиб себе подбородок, спотыкаясь в сумраке.

На верхнем этаже к самому потолку от пола тянулись ребристые пилястры. В некоторых местах те сильно посыпались. Поэт чувствовал, как под ногами хрустит песок. Наконец он едва смог различить впереди тусклые очертания входа на фоне темноты. Оттуда веяло заунывными ледяными порывами ветра. Иорик ощутил, как всё его тело съёжилось в один комок от холода. Он вошёл внутрь и увидел дыру в полу на большой высоте. Ему совершенно не хотелось пристраиваться над ней, но живот охватила резкая судорога. Бэбкок не мог больше терпеть. Ещё немного и всё вырвется наружу.

Внизу ни на миг не прекращались сотрясающие двери стуки, отвратительно действующие на и без того раскалённые нервы. Выражение лица у всех было крайне напряжённым. Лбы нахмурены, красные от изнеможения глаза опущены вниз. Каждая из них думала о том, как бы поскорее убраться отсюда. Ибо легче умереть ради друга в битве, чем томиться неизвестно сколько дней в страхе, раздирающем душу.

Из уст Амелии раздался испуганный вздох. Зрачки её молниеносно расширились. Фрида с Бригидой тут же вскочили на ноги, вопросительно уставившись на неё и готовые к самому худшему. Ведьма же уже сама со всей мочи мчалась по коридору.

— Что всё это значит? — кричала ей в спину девчушка, стараясь не отставать.

— Я не на все входы и выходы наложила заклинания! Будь я проклята! Я только сейчас осознала, что не была во флигеле! Там есть дверь, ведущая к спуску в скале! — прокричала она, не оборачиваясь.

— Но там же Йорик... — только и сорвалось с уст Фриды.

Глава 2

Конрад сидел, подперев голову руками, на такой холодной постели, что она казалась ему сырой. Огоньки на свечах канделябра запускали под кожу злость, ибо те не ощущали мороза, с разбега пинающего тяжёлым сапогом по скулящему сердцу. В спальне стоял затхлый запах, напоминающий сушёные грибы. Горечь пробиралась в глотку.

Он опустил ладони на зелёное бархатное покрывало. Пальцы с лёгкостью скользили по нему. Верхняя губы мужчины расплющилась о нижнюю. В области висков некто жужжал на скрипке. Лёгкие, запыхавшись, танцевали, как прекрасные дамы в белых одеяниях после многочисленных выступлений на сцене. Кисти их уже не совершали плавных движений. Всё это больше походило на дрожь отчаяния.

Наёмник хотел сорваться и выпорхнуть в дверной проём, как неугомонный и не сбиваемый со своего маршрута стриж. Но мозг его жарил над пламенем мысли. Мужчина ощущал себя в западне. Кто бы мог подумать, что карающий меч окажется в ловушке дружеской любви... И всё бы было ничего... Конрад счастлив находиться рядом с ними. Однако мог ли он позволить себе смотреть, как они разбиваются о скалы, падая вслед за ним...

Он осознавал, что Амелия во многом права и что ей стоит доверять. А легче всё же не становилось. И возможна ли беззаботность в его судьбе? Кого он пытается обмануть...

Кишки наёмника громко заурчали, напоминая звуками тонущие корабли. Он только сейчас полностью понял, что не готов к тому, что устроила для него судьба. Ему хотелось кричать, чтобы колесо Вселенной сжалилось над ним. Себя Конрад видел старым сухим деревом с потрескавшимися ветвями. И на него мчится буря. Страшная буря, сносящая города на своём пути. Копыта её разъярённых коней не замедляются. Они скоро доставят хозяйку сюда. Тогда дерево вырвет с корнями... Всё будет забыто... Ничего не останется.

Конрад поднялся, словно пьяный. Даже мгла перед глазами покачивалась. Он брёл по тёмному коридору, не стараясь держаться за стены. Кругом для него был туман... Душа таяла на руках, как комок снега, и ускользала сквозь раскрасневшиеся пальцы.

Наёмник потерялся в собственном разуме. И ему совершенно не хотелось, чтобы пропадали люди, верившие ему. Продвигаясь к яркому костру в земляном очаге, он лишь видел огненное трепыхающееся солнце в пасти у Смерти. Оранжевые тёплые переливы рвались к нему с воплями помощи. Но чем он мог им помочь, когда сам летел прочь от воспоминаний. Стоило ли ему их захватывать по пути, чтобы только быстрее покончить с их муками?

Его вертел поток... Где ему зацепиться за грань, разделяющую реальность и бесконечный запас знаний? Кто они были? Кто был он сам?

Безмолвные есть... А есть ли все остальные? Верил ли он ещё в это? Неужели мы всег лишь их сны, утешающие тех от скуки. И сейчас сновидения стараются изо всех сил не дать им проснуться.

Наёмник рассмеялся безумным смехом. Он коснулся огромных ворот. От них в ноздри пробивался живой запах. Но чей? Конрад не мог уже вспомнить... В отрывках всплывали размытые зелёные глаза. Какое ему теперь до них дело!

Какие-то призраки из прошлого кричали ему, чтобы он не покидал их. А ему стало так наплевать. Всё это не имело для него значения. Ибо он сам решал, кто есть кто.

Ему не требовалось волшебство, дабы вырваться наружу. Он догадывался краем сознания, что он и есть магия. Стены не остановят бушующие волны, которые несли в себе страшные вещи... Они несли ответы на все вопросы.

Конрад ступил на снег. Он был там не один. Кожа чувствовала приближение зла. Рычание билось справа и слева. Горячий влажный пар стучал по ушам. Скрежет лезвия через артерии сочился к извилинам, пульсирующим в черепной коробке.

Бригада же с остальными мчалась во флигель. Увидев впереди недовольного и ворчавшего Иорика, все выдохнули.

— Слушайте, я бы на вашем месте туда не заходил, — раскрасневшись и потупив глаза, сказал тот. — В этом клозете действительно можно заживо заледенеть. Поэтому я сделал свои дела внутри замка, неподалёку. Так что если у вас тоже нужда, то найдите себе другое помещение.

Ведьма, раскрыв рот, помотала головой и мягко оттолкнула поэта за плечо, чтобы пройти.

— Ладно. Возвращаемся назад, — с облегчением сказала Бригада. — Сейчас Амелия всё исправит.

— О чём это ты? Что исправит? — углы губ Бэбкока поехали вниз.

— Да пустяки. Это не так уж и важно! — отмахнулась девчушка. Она решила не говорить тревожному другу, что он мог умереть страшной смертью.

Когда Амелия явилась обратно к костру, то несколько мгновений молча смотрела на ворота.

— Всё в порядке? — напряжённо спросила Фрида.

— Я пока не понимаю, — не оборачиваясь, ответила чародейка. — Но я чувствую, что кто-то проходил через мою волшебную защиту. И... И, кажется, сквозь сами стены. Это невозможно! Если только... О, боги! — она развернулась. — Кто-нибудь найдите Конрада! Общайте все комнаты... — голос её дрожал.

Все ринулись осматривать замок, громко выкрикивая имя наёмника. Казалось, что о спокойствии можно навечно забыть. Будто день за днём, час за часом, минута за минутой некто гнался за ними с огромной сетью. А оказавшись в ней, уже никогда не отыскать свободу. Не узреть беззаботное порхание бабочек на ярких лугах, не окунуться с головой в прозрачные освежающие реки Барнара... Никогда...

Каждый страшился проиграть сам себе. Что, если с горизонта исчезнут все надежды? Как им продолжать бороться за дружбу и любовь, когда силы сочатся из глаз вместе с уверенностью?

Люди, увидевшие один раз необъятную широту мыслей и идей, не могут жить, как прежде. Им необходимо рваться к солнцу, чтобы сгореть, но стать частью его. Такие личности желают ярко светить. Они мечтают отогреть своим теплом тело каждого человека, ибо чувствуют, что страдают все одинаково.

Фрида, Иорик, Амелия и Бригада, все они были сияющими звёздами: указывающими дорогу в темноте остальным. И они жутко боялись разлететься на осколки раньше, чем смогут вывести друга из опасных земель.

— Порази меня, холера! — запыхавшийся поэт чуть не сбил с ног ведьму. — Его нигде нет! Он что сквозь землю провалился?

Фрида бешеным взглядом уставилась на Амелию. Зубы её скрежетали, пока она старалась найти нити разума, но в этот раз ничего не выходило.

— Конрад снаружи? Так ведь? Безмолвные вывели его! — выбросила она среди серых стен, на коих танцевали тени от костра.

— Послушай, Фрида, нам всем нужно успокоиться, — Амелия сделала над собой усилие. — Мы не можем с вами покинуть крепость до рассвета. Те создания убьют нас. Моя магия не выстоит против такого количества. И оружие вам мало чем поможет. Их слишком много. Но днём тварей становится меньше. При свете у нас будет шанс.

— Ты что, предлагаешь оставить его там одного? — аливитянка злобно вцепилась руками в шубу волшебницы. — Открывай чёртовы двери сейчас же! Или, клянусь, я перережу тебе горло!

— Ты, кажется, не совсем способна соображать? — холодно заметила Амелия. — Что ж... В таком случае, я тебе помогу с этим. Пойми: с ним там ничего не случится. Безмолвные не дадут ему погибнуть! Он нужен им живым! В Конраде течёт их кровь. Мы догоним его утром. Я использую портал.

— Откуда такая уверенность? — воительница дерзко задрала подбородок вверх. — Вдруг что-то пойдёт не так? Он ещё не научился отличать эти проклятые голоса в голове! Так что выпусти меня! Создай магический коридор наружу! Сейчас!

— Ты не продержишься там и секунды, — одна из бровей волшебницы поползла вверх. — Твоя жертвенность совершенно не принесёт никакой пользы.

— Открывай портал, сука! — аливитянка схватилась за рукоять топора.

— К чему вся эта экспансивность, Фрида? — вмешался ошарашенный Бэбкок. — Ведь в словах Амелии присутствует логика!

Чародейка безэмоционально щелкнула пальцами. Яркое-жёлтое облако вспыхнуло перед воительницей. Та не заставила себя долго ждать и скрылась в нём. Волшебный проход сомкнулся и, завертевшись, рассыпался.

— Что ты наделала! — вскричала Бригида. — Зачем ты послушала Фриду? Её же уничтожат!

На лбу Иорика выступили крупные холодные капли пота. Он, кусая до крови губы, раздражённо смахнул их рукавом.

— Вряд ли я когда-нибудь смогу общаться хорошо с аливитянкой, но такого она точно не заслуживает. Умереть на теневой стороне от каких-то монстров просто потому, что ты, Амелия, потеряла сдержанность?

— Я? — воскликнула ведьма. Грудь её под одеждами порывисто вздымалась. — Она назвала меня сукой и кричала, чтобы я выпустила её! Я всего лишь выполнила просьбу!

— Да... — Бэбкок исподлобья взглянул на неё. — Но ты исполнила безумное желание! Конрад бы этого не понял!

— Мне наплевать на то, кто бы и что там не понял! — Амелия сомкнула пальцы в кулаки. Те так побелели, что походили на алебастр. — Я никому не позволю так со мной обращаться! — гладь с изумрудных глаз исчезла. В них бушевал безудержный гнев. На миг Иорику показалось, что он захлестнет его своей волной.

Ученица приблизилась к волшебнице, заключив в свои руки её запястья.

— У нас есть только единственный правильный вариант, — сказала девчушка твёрдым голосом. — И этот же вариант самый глупый. Нам нужно всем отправиться за Фридой и спасти её, пока ещё не стало поздно!

Снежная буря бушевала во всю мощь. На темном небе не было ни одной звезды. Воительница произвольно старалась прикрыть лицо локтем. Колючие снежные валы на

большой скорости врезались в кожу. Колья и ловушки подсвечивал только тусклый свет, идущий от спрятавшейся за тучей кровавой луны.

Фрида нащупала ступней чье-то тело и взглянула вниз. Ей открылась целая тропа из трупов ализаринового оттенка. Грубые натянутые мышцы буграми выпирали из-под их липкой кожи. В самом низу Конрад бился с высоким монстром на мечах. Женщина с большим трудом представляла, как наёмнику хватает сил удерживать удары.

Она ринулась к нему на помощь. Но услышала за спиной рычание. Глаза её нервно трепетали и слезились. Чудовищная стая без края и конца неслась прямо на неё. Сердце жительницы Саркена рухнуло в груди. Впервые в жизни она ощутила дикий страх.

Из-за оглушающей численности существ казалось, что надвигается молниеносно стелющийся туман. Их ярко-синие глаза словно хватали за глотку, перекрывая дыхание. Они мерцали в этих клубках из плоти и будто кричали ей, что остался последний вздох... Последний вздох перед неизбежностью...

— Конрад!!!! — из её рта с воплем вырвалось белое облако пара.

Фрида не прекращала звать его. Она споткнулась и покатила вниз. Только чудом аливитянке повезло не напороться на колья. Ледяные кристаллы забились под вещи и в ноздри.

Наёмник не замечал её. Сейчас он напоминал женщине больше властного лендлорда, нежели ищущего укрытие беглеца. Действительно, можно было подумать, что Конрад — властелин теневой стороны, а все эти чудовища просто-напросто бесцеремонно вторглись на его землю.

Он не отражал удары врага, а сам атаковал того. Взмахи его меча имели уверенные линии, просчитанные с точностью до малейшего отклонения. Снег топился под их ногами. Конрад давно сбросил шубу и рубаху. От оголенных тел исходила горячая дымка.

Фрида не верила в собственное спасение. Чутье само несло её к наёмнику. Она оглянулась назад. Мириады клыков издавали тошнотворный лязг. Одно из существ с тремя пастями резко оттолкнулось для прыжка. Аливитянка едва успела подставить квадратный тарч. Ей удалось укрыться от укуса, но щит надломился посередине. Коготь твари оторвал с правого бедра кусок плоти. Воительница вскричала. Ноги её подкосились.

Чёрная кровь при тьме заливала снег. Она проломила топором монстру череп. Но уже в следующее мгновение мурашки покрыли всю кожу. Это шершавый язык Смерти пробовал её на вкус. Фрида поняла, что окружена. Твари слетались к её телу, как рой пчёл. Жительница Саркена не понимала, кому наносить удар. Всё смешалось в сплошную дикую стаю, смыкавшуюся кольцом.

Позади сверкнул меч. Наёмник прорвался к ней в круг.

— Держись за моей спиной! — быстро бросил он Фриде.

Клинок метнулся в бок. Шеи двух монстров хрустнули. Аливитянка прислонилась к нему сзади. Во взгляде её вспыхнули искры. Ещё не всё было потеряно. Она с трудом могла опираться на ногу, но это не мешало переламывать тварям рёбра.

Языкилюдей пересохли и походили на потрескавшееся полотно пустыни. Волосатые подмышки взмокли от пота. Лёгкие раздирали мятлые вихри. Слизистые сильно першило. Нервы же Фриды были натянуты, как канаты. Но руки знали своё дело.

Вокруг росли горы трупов. Конрад словно танцевал древний боевой танец. Он с ловкой скоростью кружился на полусогнутых ногах, размахивая мечом. Некогда оголённый торс его покрывала теперь кровавая рубаха с липкими кусками мяса теневых существ.

Но даже частично свободному сознанию наёмника и самой Фриде чудилось, что рассвет никогда не настанет в этих краях. Вечная ночь превратит их в своих стражников и оружие забудет о покое.

Яркая вспышка взвилась в нескольких шагах. С разъярённым криком из портала первой выбежала Бригида. Девчушка будто старалась не смотреть тварям в пасти. Она убивала, отсчитывая в мыслях число их конечностей, надвигающихся на неё.

И Бэбкок больше не трусил. Наверное, впервые в жизни выражение лица у поэта преобладало серьёзностью. Всё это очень шло ему. Даже требовательные к красоте дамы впечатлились бы его чертами. Аквамариновые глаза смотрели с несокрушимой уверенностью из-под совиных бровей. Ореховые волосы, рассыпанные по верх плечей, подпрыгивали, когда он совершал атакующие выпады. Ни один мускул не дрогнул от страха за всё то время.

Амелия вскинула руки вверх и тут же обрушила их вниз. От её тела с грохотом промчалась стена из столбов голубого дыма. Монстров снесло в груды к подножию скал.

— Скорее в проход! — ведьма с беспокойством обернулась к друзьям. — Я не смогу удерживать его открытым!!

Конрад подхватил Фриду на руки и проскользнул внутрь. Бэбкок и Бригида поспешили за ним.

Чародейка рухнула на колени напротив огня.

— А теперь мне кто-нибудь объяснит, какого чёрта я должна тратить и так ограниченный на теневой стороне запас энергии? — сказала она поникшим голосом, злобно уставившись на наёмника. — Ты возомнил себя паладином, служащим у совести? — волшебница вскочила, трясась от охватывающей агонии гнева. — Хватит уже играть в рыцаря! Что ты хочешь доказать, Конрад? Ты собрался пройти весь путь в одиночку? Но так не бывает! Дерьмо... — Амелия топнула ногой. — Я прошу только о верном решении, а не о безумстве! Скажи честно, Конрад... Ты ведь сам хотел погибнуть, чтобы мы не рисковали из-за тебя? Так?

— Амелия, успокойся, пожалуйста, — наемник склонился над аливитяжкой, распарывая штанину на раненом бедре. — Я не собирался погибать. Я думал, конечно, об этом... Но ты, кажется, тоже не успела меня узнать. Я привык бороться. Безмолвные проникли в мою голову сегодня, когда я был один. Эти ублюдки выдавали свои мысли за мои. Ты даже не представляешь, как жутко, когда ты не понимаешь: где ты находишься и что ты. Если бы не крик Фриды, то я так и не смог бы найти себя там. Помоги лучше залечить её ногу.

У ведьмы от его слов задергался глаз. Несколько секунд она молча смотрела на них, не двигаясь с места.

— Прости, Конрад, что так про тебя подумала... — Амелия прикусила нижнюю губу. — Я совсем измотана. Противостояние против Узгулуна изменило меня. Я уже не та, — она всплеснула ладонями. — Не та веселая девушка, что имела надежды. В душе сплошная пустота... Бесконечная борьба лишает чего-то ценного.

— Амелия, я не обижаюсь на тебя, — мужчина помотал головой.

Чародейка приблизилась к Фриде и, нагнувшись, провела по верху раны пальцами.

— Может, не стоит этого делать? — воительница взглянула на неё исподлобья. — Тебе нужны силы, чтобы удерживать существ, рвущихся снаружи. Со мной всё будет в порядке.

— Нет. Не будет, — произнесла чародейка. — Ты уже бледнее кости. Слишком много крови потеряла. И рана очень широкая. Её нужно зашить. Но так как подручных средств нет.

То придётся рассчитывать на меня.

Жительница Саркена коснулась её запястья.

— Извини, что назвала тебя сукой. Я была сама не своя, когда... В общем, ты понимаешь.

— О чём это вы? — Конрад перебежал глазами с одной на другую.

— Когда Фрида узнала, что ты покинул крепость, она грозилась убить меня, если я не выпущу её, — чародейка принялась залечивать бедро. — И в порыве чувств принялась браниться. А я, дура, пришла в ярость из-за этого. Позволила ей выйти. Хотя знала, что там ей долго не продержаться. Так что если кто и должен просить извинений, так это я.

— Сегодня, похоже, все творят глупые вещи. Кто-то по своей воле, а кто-то нет. Кроме нас с Бригидой, — улыбнулся Бэбкок, весело обняв девчущку за плечи. — Жаль, что вы не заметили, наверное, как мы с ней сражались с теми существами.

— Я видел, — довольный Конрад развернулся к ним. — Иногда чувства только мешают, но бывают редкие моменты, когда они придают храбрость и огромную силу. И сейчас, я думаю, вы сами в этом убедились. А ты, Иорик, можешь действительно стать отличным наёмником.

Дворец в Остбоне

Тисса вальяжно проплыла к ильмовому буфету и открыла дверцу за позолоченную ручку. Живот её в начале пятого месяца уже довольно заметно выпирал из-под бархатного халата. Она взяла пирожное с ореховым кремом и пышный розанчик с апельсиновым вареньем. Возле ног развалился четырехлетний желтый мастиф — Голиаф, привезённый из родительского имения. Вся прислуга жутко его боялась. Своенравный пёс терпеть не мог чужаков, приближающихся близко к кому-либо из представителей хозяйской семьи.

Миледи присела на изумрудно-белый диван и с аппетитом принялась уплетать сладости. Верный друг жалобно направил на неё свои круглые глазки.

— Голиаф, даже не надейся, — жуясь, пригрозила ему пальцем королева. — Ты и так располнел. Ничего не скажешь. Хорош защитник! Тебе приготовили порцию вкусного мяса. От стряпни тебя пучит. Я уже устала проветривать спальню. Весь ковёр пропах, негодник!

Беременность была Её Величеству к лицу. Тело приобрело приятные явные округлые черты. Чёрные глаза смотрели на всё с задором и весельем. В покои постучал лакей и приоткрыл дверь. Мастиф тут же вскочил и с рычанием помчался к нему. Напудренный парик мужчины скрылся за стеной.

— Голиаф! — хлопнула себя по колену Тисса. Пёс довольный, засеменил обратно. — Хватит уже пугать людей! Огюст, можешь заходить! Он тебя не тронет.

Камердинер, осенив себя святым знамением и промокнув платком вспотевшие виски, с опаской протиснулся внутрь. Мастиф изо всех сил старался не обращать своего внимания на чужака, а положил голову на бедро хозяйке. Тисса погладила его и ласково почесала за ушами. Голиаф расплылся в умиленной собачьей улыбке.

— Ваше Превосходительство, — поклонился Огюст. — Вас ожидают в зале советов нотабли и коннетабли. У них имеются некие важные вещи. И там творится настоящая кутерьма. Только вы можете это остановить. Безумцы даже дошли до драки.

Правительница Дормана закатила глаза.

— А если я пойду прямо так? В халате.

— Моя королева, я бы на вашем месте всё же набросил бы чёрную длинную накидку с красной каймой, — он заглянул в её гардеробную и достал нужную. — Вот, держите.

— Благодарю, Огюст.

Тисса расправила шёлковую ткань и, откинув волосы назад, царственной грозной походкой зашагала по навощенному полу. Верный мастиф, не отставая, бежал сбоку, заставляя шарахаться подданных в разные стороны.

Когда она добралась до тёмно-синего мраморного коридора, то услышала разгоряченные хриплые голоса советников. Стражники молниеносно пропустили её.

Покрасневшие носы с чёрными точками выпирали на пухлых лицах дорманцев. Они скалили крепкие, как у лошадей зубы, выкрикивая грозные речи. Но, заметив Её Величество, покорно уселись на свои трибуны, потупив взоры.

— Найдите хотя бы немного благоразумия, господа, — окинула их нравоучительным и самодовольным взглядом Тисса. — В ваших руках заключена военная сила и контроль над финансовым оборотом. Вы должны иметь чуткий ум и хладнокровие. Вам нельзя знать, что такое крайности. А вы же ведете себя, словно дерзкие невоспитанные отроки. Вы уже

достаточно взрослые люди, но всё же никогда не поздно начать воспитывать в себе дух мудреца. Мудреца, который способен одним тихим словом заставить развернуться перед ним горы и океаны, — она уселась на трон с высокой спинкой. — Криками ничего не добиться, — королева облокотилась о него, широко расставив руки и сцепив пальцы. — И чтобы сделать первый шаг к знаниям, стоит уничтожить гибрис, поглощающий ваши тела, как плесень. Но если вам нравится, когда уважают ваше мнение, вам придётся уважать и мнение других людей. Иного способа достичь мудрости нет, — миледи протяжно моргнула. — Так что давайте разбираться со всем по порядку и без глупых воплей. Уважаемый министр Летард Нигельмундский, поведайте-ка мне: что там с ответами от предполагаемых союзников. Только попрошу говорить кратко, по делу и без эмоций.

С места поднялся сухощавый низкий мужчина сорока пяти лет с проплешиной на затылке. Две глубоких морщины, словно русла рек, ниспадали по углам рта.

— Моя королева, — прокашлялся тот, сощурив сильно глаза. — Сокол, отправленный в Хайриан, возвратился обратно с абсолютно не вскрытым посланием.

Тисса резко взмахнула ладонью, чтобы остановить доклад. Она в задумчивости почесала подбородок.

— Хайрианцы до сих пор являются нашими врагами, — через несколько мгновений высказалась сама. — Но было бы разумным предложить им объединиться с нами на случай возвращения Узгулуна. Ведь как бы это и не звучало, однако им известны человеческие положения чести. У нас общие предки. И меня очень беспокоит, что письмо никто не открыл. Что-то здесь явно не так... В их земли следует немедленно послать опытных шпионов. Мы обязаны всё знать о своих соседях.

К выходу направился лорд с нафабранными жидкими усами и со шпагой на поясе.

— Ваше Превосходительство, я сейчас же передам поручение мои людям.

Тисса кивнула ему, перед тем, как он покинул помещение. Вместе со светом через множественные застеклённые эркеры внутрь будто проникал и сам ледяной Никс, презрительно хохоча над человеческой плотью.

— Затопите, пожалуйста, камелёк, что справа, — пожившись, не выдержала мороза королева. Она поджала ноги ближе друг к другу.

Придворный, стоявший позади, со рвением бросился исполнять её просьбу.

— Мистер Летард, можете продолжать, — в небольшом камине запыхала берёста.

— Жители Саркена, как аливитянки, так и мужчины, живущие от них отдельно, согласились сразу же вступить в конфедерацию, когда объявится повелитель хаоса. Они сообщили, что их войска пребывают в постоянной боевой готовности, — разлился невыразительный голос по ушам присутствующих, как безвкусное вино по бокалам. — В ратификации тоже участвовали вампиры и гномы. И из земель варваров также пришёл положительный ответ, но они запросили четырнадцать сундуков с золотом и сотню женщин, способных к вынашиванию детей.

Тисса принялась грызть ноготь большого пальца на левой руке. Для королевы такое поведение было неподобающим. Но в последнее время на все условности той стало абсолютно наплевать.

— Передайте им, что мы согласны только на четыре сундука с золотом. И что больше мы не намерены торговаться, — она сверкнула глазами. — И дополните строками о том, что союз против Узгулуна относится к интересам каждого живого и разумного существа. А я, как женщина, не собираюсь тянуть на себе ношу, заменяя собою их мужскую честь. Так что

пусть главарь подумает хорошенько о том: мужчина он или трусливая дичь, решившая прятаться за моей спиной.

— Будет сделано, моя госпожа, — министр тщательно записал чернилами её речь на пергамент. — А что касается орков... Они откликнулись и потребовали взамен за свою помощь две сотни людей. Желательно женщин и детей. Вероятно, затем, чтобы употребить в пищу.

По залу пронеслись возгласы недоумения и ироничные смешки.

— Я так полагаю: вы все против объединения с ними, — миледи, прикрывшись ладонью, зевнула. — Вы, наверное, считаете, что я не догадываюсь об опасности? И если так, то зря. Их раса не знает, что такое долг и честь. Но сколько можно повторять без конца эти трюизмы, господа? Вы вообще намерены жить и развиваться? Или решили застрять среди своих страхов и отсутствия знаний?

Советники с возмущением покосились на неё.

— Вы думаете, что я должна бояться вашей глупости? — Тисса, нахмурившись, властно переводила глаза с группы на группу. — Я готова умереть за истину. А собираюсь ли я поклоняться перед вами, чтобы понравиться вам? Конечно же, нет, — по её лицу расплылась улыбка, которой лучше не возражать. — Вы, кажется, не осознали, что на кону стоит всеобщее будущее. И это не время, чтобы трусить. Орки — превосходные воины. И мы очень в них нуждаемся. Когда врагом является некто могущественный, стоит забыть прошлое. Необходимо пытаться выстоять. И без риска здесь не обойтись. Орки в любой момент способны пойти против нас. Но земля под ногами также способна в любую секунду обвалиться. Нельзя встречать повелителя хаоса только в половину силы. Нужно встретить его всеми расами и народами. Так что не смотрите на меня, как капризные дети.

— Ваше Превосходительство, но что им написать? — Нигельмундский поморщился.

— Скажи им, что я не ставлю их выше нас, как и дорманцев не ставлю выше их.

Среди стен пробежали злобные шёпоты. Один вельможа не выдержал и воскликнул:

— Как же так, королева? Как вы можете ставить нас на равных с тварями, которым никакие законы и порядки не писаны?!

— А вам вообще знакомы идеи космополитизма, Иоханн Миле? Или про вас правду говорят, что вы сановники грубые и зазнавшиеся? Что, будто мозги ваши такие же деревянные, как те поленья, что трещат сейчас в камельке? — правительница Дормана рассмеялась, широко раскрыв рот.

— Вы что, собираетесь пойти на их условия? — губы вельможи искривились от нервной судороги.

— А я разве об этом говорила? Кажется, нет, — королева помотала головой. — Сэр Иоханн, научитесь, пожалуйста, внимательно слушать. А не выдумывать небылицы. Или вы слишком стары уже для исполнения своих обязанностей? Пора на покой? — она невинно похлопала ресницами.

— Моя леди, ну что вы... — Миле пошатнулся от волнения. — У меня просто несварение желудка. Я сам не свой сегодня. Простите, я всё не так понял.

— Мне не нужны извинения, — Её Величество взглянула на кольцо с жёлтым камнем. — Я хочу, чтобы вы знали, Иоханн, что я весьма признательна вам за службу короне. И я вас уважаю. А желаю я вот чего от вас... Заботьтесь не только о теле, но и о душе. Дабы душа оставалась чистой и здоровой, необходимо её кормить высокими чувствами и знаниями. Зайдите как-нибудь в мою библиотеку. Я приготовлю великие произведения.

Вельможа, пристыженный, уселся на трибуну под звуки смеха.

— И над чем вы смеётесь, друзья мои? — королева бросила на них ласковый взгляд. — Иоханн начнёт становиться лучше с каждым днём, а вам это забавно? Загляните в свои души! Что... Уже не так весело? — выражение её резко сменилось на гневное. — Летард, в новом послании оркам стоит указать, что мы готовы быть другими по отношению к ним, так как собираемся ожидать от них того же самого. И скажи им, что я никогда не стану губить кого-то из дорманцев ради осуществления подобных условий. Ибо так я обесценю жизни своих людей, а это равноценно тому, что я не буду считать и орков достойными существования. Но предложи им следующий вариант: — она провела языком по дёснам, — что мы поможем им с обучением сельскому хозяйству и животноводству. Что после удачного союза мы предоставляем им хорошие пашни. Так им не придётся находиться в постоянных вылазках и атаках. Если они, конечно, желают спокойной жизни.

На задних рядах нотабли закопошились.

— Ваше Превосходительство, — поднялся лысый подданный в белоснежном дорогом костюме с золотыми нашивками. — Почему всегда нашему народу приходится уплачивать остальным?

— А вы хотите жить, сэр Адамс? — миледи даже не оглянулась в его сторону.

— Ко-не-е-чно... — протянул тот.

— И я хочу, — королева постучала ногтями по подлокотникам. — А ради этого всегда приходится идти на некие уступки. И мы с вами идём именно на те, которые способны вынести. Или вы предлагаете дорманцам смерть? Или, может, вы предлагаете уповать на разумность остальных рас? Наш народ имеет мужество! Если остальные прячутся, как крысы, перекидывая обязанности с одного на другого, то мы же не станем стоять в стороне! Самым сильным, смелым и умным часто приходится брать вожжи в свои руки, чтобы спасти весь экипаж от падения в пропасть! Вы что, видите где-то на Барнаре ещё кого-то способного и желающего возглавить сопротивление? Вот и я не вижу... Выходит, нам стоит послужить примером для остальных. Чтобы и они затем стали лучше, чем есть.

Нотабль рухнул на скамью, раздражённо и крепко вцепившись пальцами в лакированное черное дерево.

Министр Летард громко вздохнул и исподлобья взглянул на Её Величество:

— На буллу отказом ответили только эльфы.

Все в помещении замерли. Советники с любопытством наблюдали за реакцией королевы.

— Чем обосновали? — она изо всех сил старалась сохранить в своей речи ноты спокойствия.

— Они считают, что слишком рано обсуждать такие вещи, как возвращение Узгулуна.

— И это всё? — брови правительницы Дормана съехались над переносицей.

— Да, моя королева!

Тисса поднялась с трона и, закинув руки за спину, начала расхаживать от стены к стене.

— Знаете... — произнесла, наконец, она после мучительного для подданных молчания. — Я их предупреждала, что в таком случае они могут не рассчитывать больше на помощь дорманцев в чем-либо. Но как часто мы забываем о том, что решения одного народа или одной расы ведь не всегда описывают всех жителей в целом. Это ответ их глупого короля Эриндела, а не всех светлых эльфов. Кто знает... Среди них наверняка есть разумные представители. Ох... Конечно, нам стоило бы прекратить с ними навсегда торговлю. И

забыть о существовании Лириана. Но я уже не малое дитя, чтобы принимать такие простые и детские решения, руководствуясь эмоциями. От торговли между нами никому не станет хуже. И если когда-нибудь светлые эльфы хлебнут горя, то мы, как мужественный народ, придем на помощь. Помните, господа, душу возвышает не жестокость, а умение понимать положение остальных. Так что не будем акцентировать на этом внимания. Мы с вами сделали всё, что могли. Наша совесть чиста!

— Но... — прохрипел, поднимаясь, коннетабль. — Миледи, вы не знаете ещё самого главного!

— Я слушаю Вас, Ричард Тол! — Тисса опять пристроилась на мягкую подушку престола.

— По вашему указу, моя госпожа, кузнечные меха пытели день и ночь не только для создания оружия, но и для кирок. Рудокопы неустанно...

— Используйте компендиум в своём повествовании! — прервала его замечанием правительница.

Мужчина провёл по русой жидкой бородке пальцами.

— Позавчера в окрестностях Бикингема удалось добыть залежи ценного магического камня — Илайя. Наши волшебники с помощью него способны увеличивать свои силы. Но и светлые эльфы тоже. Так вот... Вчера клика эльфов напала на работников и выкрала всё. В стычке одному из дорманцев удалось убить двоих остроу... Извините, убить двух представителей Лириана, что участвовали в грабеже.

Такая новость вызвала у королевы оскомину. Ладони её взмокли от пота.

— И как всё это объяснила пограничная стража? Когда по Дорману разгуливают, пусть и дружественные соседи, я должна об этом знать.

— В том-то и дело. Им удалось проскользнуть, словно мышам, незамеченными.

— Сделайте, пожалуйста, выговор столь слепым стражникам, — миледи говорила мягко, но глаза пылали злобным огнём. — Ещё раз так пропустят, полетят со службы на все четыре стороны и останутся без пожизненного жалования. Будут жрать помой после свиней!

— Ваше Величество, я могу и сейчас их наказать! По ним хорошенько пройдутся кнутами! Будут знать, как на страже спать!

— Нет, сэр Ричард, — она потерла лоб кулаком. — Все мы люди и все совершаем ошибки. Я прощаю их на первый раз, но сообщите им, что второго раза не будет... Если хотят жить в бедности, побираясь милостыней, то я им это с вящим удовольствием устрою! К тому же, кто знает, чем могли одурманить тех эльфы... С этого дня чтобы на каждой поставой стене присутствовали ведьмы! Они будут отвечать за магическое вторжение.

Коннетабль кивнул.

— Я обязательно поговорю об этом с леди Эрлин. Но как прикажете быть с данной ситуацией?

Тисса прикрыла глаза рукой, облокотившись о трон.

— Наши рудокопы трудились ради процветания Дормана. А я всегда уважала свой народ, сэр! Готовьте войска! Я напишу Эринделу письмо, где попрошу того объясниться и вернуть наши запасы Илайя или как-то иначе возместить ущерб. Но если мирно проблему не удастся рассудить, то начнётся война! Никто не смеет вторгаться в наш дом и обворовывать нас безнаказанно! Никто...

Тисса чувствовала, как сердце в груди изнывает от давящей боли. Уже какую ночь она не могла уснуть, заглывая жадно воздух. Но в то же время королева боялась, что если уснёт, то больше не проснётся. Вдруг качающий кровь насос попросту разорвется? Не выдержит терзающих её переживаний?

Всё веселье и счастье от предстоящего рождения ребёнка улетучилось. Правительницу покидали силы... Если бы кто-нибудь только знал, насколько та страстно желала быть свободной от царственных обязательств... Ей, как и многим женщинам, хотелось, чтобы рядом был человек, у которого просто можно выплакать всё своё горе на плече. Но Розгальд больше не здесь... Он сдался... Бросил жену. А ведь она очень в нём нуждалась. Она верила ему.

Её Превосходительство задумалась о новой любви в жизни. Тисса с трудом представляла, что повстречает в своей судьбе человека, способного вызвать в ней трепет, как делал это раньше супруг. Получится ли у неё восхищаться кем-то? Она не знала ответов. Тиссе показалось, что сейчас хлынут слёзы... Слёзы душераздирающего одиночества. Но глаза оставались сухими.

Реакция из Лириана до сих пор не пришла. Эриндел хранил ядовитое молчание. Миледи страшилась, что где-то уже разносятся удары заступа в руках у Смерти. Она явно готовила могилы для её подданных. По телу пробежали мурашки. Королева хлопнула ладонью по серому камню балконной балюстрады. Рядом с важным видом стоял коннетабль Ричард Тол. Он был выше королевы на много голов и потому больше походил на крупную статую титана, высеченную из костей и мышц.

— Финансисты выделили новые ежегодные средства на армию? — обратилась она к нему, задрав подбородок вверх.

— Так точно, моя госпожа. Восемьсот тысяч золотых монет.

— Прекрасно, — тускло произнесла королева. — Лучше обладать крепким вооружением и сытыми, здоровыми солдатами на всякий случай, нежели ползать на коленях и есть грязь, которой будут кормить нас враги, — изо рта и из носа вылетели клубы пара. — Чума, кажется, поутихла. Есть, однако, вероятность, что весной начнётся всё заново. Совсем не знаю, что делать с торговлей. В голове только идея насчёт изолированных постов для хранения товаров, которые долго не портятся. Чтобы хоть как-то контролировать распространение болезни, но при этом не терять прибыль.

— Это звучит разумно, — прокашлялся Ричард. — Вы обсудили это с нотаблями?

— Да. Некоторые из заграничных купцов уже ожидают заключения сделок в отведенных дальних крепостях. Если у них не проявятся признаки чумы, то будет выдано добро, — взор её упал на эспланаду, где рейтары в чёрных доспехах гарцевали на резвых кобылах. Они отдавали честь своему командиру и правительнице. — Сэр, а строители завершили работы под руководством мастерицы Люси? Я про пограничные крепости.

— Несколько дней назад пришла весть: что все амбразуры усовершенствовали. Их вытянули в высоту, сделав прямоугольными. И теперь из них можно палить навесным огнём, поражая цели за гласисом.

— И это всё? — удивилась Тисса.

— О, нет... Простите, я задумался. Слишком много в голове мыслей насчёт подготовки,

— Тол проморгался. — Эти прямоугольные отверстия проделали в деревянных цилиндрах, закрепленных на железных вращающихся обручах. Когда наши артиллеристы внутри будут перезаряжать пушки, то эти цилиндры повернутся, закрывая тех собой от обстрела противника.

Её Величество улыбнулась.

— Знаете, господин Ричард, ничто так не греет душу, как уникальные способности и умения людей, среди которых живёшь. Иногда я очень отчаиваюсь, видя злобу, невежество и отсутствие стремлений в дорманцах. Но стоит наткнуться на редкие алмазы, на людей, преданных своему ремеслу, как я и сама хочу становиться лучше. Они вселяют в меня веру и надежду о том, что всё вокруг имеет смысл. Что мы действительно меняемся и малыми шагами идём к счастью, скрытому за туманами.

Коннетабль благосклонно покосился на неё.

— Вы, госпожа, обладаете редкой мудростью. Истинное счастье, когда правитель уважает и ценит труд подданных. Слава богам, что вы у нас есть.

Королева нахмурилась. С неба медленно посыпались снежинки.

— Ни к чему сорить комплиментами! — она прохладно ощетибилась. — Скажите, что насчёт требюше и огненных горшков? Всего хватает?

— Метательных сооружений около сотни. Горящей смеси достаточно. Но, думаю, они нам не помогут при плохом повороте событий, если предстоит идти войной на Лириан. Так как у эльфов идеально устроена водная система внутри крупных городов и крепостей. Да и сами здания не горят. Вы ведь знаете их, Ваше Превосходительство. Те вечно проводят эксперименты с природными материалами.

— Но требюшеты очень понадобятся в случае нападения на нас со стороны варваров. Вы должны понимать, что мы находимся на острие ножа. Варварам явно не понравится мой ответ на их запросы. Они привыкли, что женщины трясутся от страха перед ними. Подумали, что я, поджав хвост, пойду на многое, только чтобы заручиться поддержкой, — королева опустила глаза на свои пальцы в бежевых перчатках. — Племена их настолько глупы, что даже не осознают, что тот, кто просит первым, не всегда находится в невыгодном положении.

— Если у них есть отличные шпионы, то нам желательно разделить войска. Но это слишком опасно. А вот другого выхода может и не случиться.

— Предлагаете уповать на удачу? — голос её дрогнул. — Нам действительно повезёт, коли Эриндел не выйдет из ума. Я не могу спать спокойно. Выдвинемся в поход против эльфов, а в этот момент дикари атакуют почти беззащитный Дорман. Как вы полагаете, верно ли я с ними обошлась в послании?

— Я думаю, что любой уважающий себя дорманец поступил бы на вашем месте точно так. Ибо те дикари слишком многое о себе возомнили.

— Но ведь орки и вовсе просили людей на съедение, — королева нервно усмехнулась. — С ними же я обошлась благосклонно. Не сказала резких слов.

— Ваше Величество, будем откровенны! С орками никто не ведёт торговлю. В них меньше человеческого, чем в камне. Вы постарались расположить их к себе доверием. В этом есть острый ум. Варвары же — попросту мерзавцы! Мерзавцы, знающие, как полагается жить достойным мужам, но пренебрегающие этим. Для орков вы станете светом. Для дикарей же несокрушимой стеной. Правильно, что вы не стали терпеть их дерзости. Раз уж нам суждено будет воевать на два фронта, то мы все пойдём на этом, чтобы отстоять

святые истины. Защитить своих людей, их труд, их время. Погибнем ли мы? Возможно! Но станем ли прятаться и терпеть унижения? Думаю, что ответ вам известен.

Тисса с гордостью смотрела на многочисленные войска внизу. Она понимала, что кровь, текущая по сосудам дорманцев, никогда не позволит им отступить. Как же все они похожи друг на друга. Что угодно, хоть смерть, но только не бесчестие. Больше королева не боялась... Совсем. Если потребуется, то она сама пойдёт в первых рядах и погибнет, но спасёт величественный дух своего народа.

От её губ разносился аромат прозрачных масел с корицей. Она с удовольствием облизала их.

— Если удача будет на нашей стороне, то после битв потребуется введение тезаврации. Рано или поздно запасы драгоценностей истощатся. Следует хотя бы частично использовать её в некоторых сферах. Чтобы подумать о будущих днях. Как вы на это смотрите, сэръ?

— Моя госпожа, я, конечно, не финансист, но я рад слышать, что в ваших мыслях уживаются идеи не только одного дня, но и долгосрочного периода.

— Хорошо... — она провела пальцами по переносице. — Что с новой партией спрингалдов? Я так полагаю, при осаде эльфийских рубежей от тех тоже будет мало толку? Они подходят только для прицельной настильной стрельбы?

— Всё так, Ваше Превосходительство.

— Что ж... Тогда выставим их для встречи варваров. Я сама буду руководить защитой Дормана. Как только вы выступите в Лириан, я отправлюсь к другой границе.

— Вы склоняетесь к самому худшему?

— В мыслях всегда нужно держать внимание на плохом исходе. И не для того, чтобы переживать и трястись от страха, а чтобы быть готовым переломить хребет ползущему несчастью.

— Кстати, хочу высказать вам благодарность, сэръ Ричард, — королева внимательно посмотрела ему в глаза. — То, что вы заранее попросили перестроить стены и бастионы, сделав их под наклоном, вызывает одно восхищение. Я сама вчера наблюдала за тем, как ядра с трудом поражают наклонную поверхность, нежели прямую. Рачительность — весьма важное качество для маршала.

Коннетабль улыбнулся радостно подкрутив короткие усы и поправив золотистую перевязь на плече.

— Я никому об этом не говорила... — правительница Дормана глубокого вздохнула. — Но мне хочется обычных вещей. Просто крепко почивать и по утрам поглощать, ни о чем не волнуясь, пирог с вареньем из крыжовника. А не вот это всё...

Красный плюмаж на королевской шапке из песка отклонился назад под порывом свежего ветерка.

— Истину стоит любить, — прищурился мужчина. — И когда на неё посягают. Когда границы личной свободы преступают, то нужно подниматься из тёплой постели, брать меч и идти отрубать негодям руки. Все мы мечтаем о покое. Но не всегда всё зависит лишь от нас самих. На Барнаре полно жестокости. И счастье обрести возможно только в борьбе. Но не беспокойтесь, миледи... Сражаться предстоит в отличной компании из славных дорманцев.

— Жестокость становится матерью для новых насилий. И мне это прекрасно известно. Я, правда, пытаюсь не встать на такой путь... Но когда я вижу опасность для себя или для подданных, то рука моя невольно сжимается в кулак. Голову застилает ярость. Как с ней бороться?

— Зачем же с ней бороться? — усмехнулся коннетабль. — Наша с вами совесть чиста. Это не мы насилуем женщин и грабим чужое добро. Но если мы перестанем оберегать своё пространство, то во что же его превратят те безумцы? Вы, как умный человек, никогда не бьете первой. Но, к примеру, светлые эльфы уже нанесли вашим людям удар. Так что бить в ответ с двойной силой звучит не так уж жестоко. Коли крысу, жрущую зерно, поощрять, так ведь она расплодится и вовсе оставит без пищи хозяина.

— Не знаю, сэръ Ричард, — Тисса опечалилась. — Мне такие взгляды совсем не нравятся. Особенно это ваше грубое сравнение эльфов с крысами. Не забывайте, что среди них есть и славные представители. Можем ли мы поднимать на них руку? Не запятнаем ли мы собственные души? Конечно же, запятнаем. Я тоже чувствую злость из-за той ситуации возле Бикингема. Но стараюсь сделать так, чтобы она не поглотила меня всю. Ведь та способна ослепить. И тогда меч в наших руках потеряет силу правосудия. Он будет рубить всех поголовно.

Коннетабль по-отечески похлопал её по плечу.

— Увы... Ваше Превосходительство, вы не в том положении, чтобы бездействовать.

Королева тихо пукнула. Во время беременности газы то и дело терзали кишки. Но нос маршала Тола уловил зловонный запах. Однако он, как настоящий джентльмен, совершенно не подал виду, что что-то заметил.

— Как всё обстоит с порохом для подрыва? — поинтересовалась она.

— Склады забиты до предела, — Ричард оперся о перила.

— Через сколько дней завершится постройка орийонов в восточной части?

— Утром почтовый голубь принёс вести, моя госпожа. Буквально через четыре дня всё будет готово. Они чудесно обеспечат на всём протяжении перекрёстный огонь.

Тол встал навтыжку, когда под балконом приступил маршировать его личный отряд умелых вояк.

— Вы возьмете в Лириан мортиры?

— Конечно, миледи. Навесный огонь чудесно работает при осаде.

— В таком случае могут пострадать мирные жители. Я знаю, что у нас есть карты. Но какой в них смысл? Мы же не способны видеть сквозь стены. Совсем неизвестно, как те перестроятся внутри. Им нужна гарантия в миг атаки. Что Дорман не собирается подчинять себе Лириан. Как же всё это тяжело... — брови королевы сдвинулись под острым углом. — Я готова без сна молиться всем богам, только чтобы Эриндел был благоразумен.

— Он превосходный стратег, — Ричард поворошил ногой хрупкий снег. — И правитель эльфов совершенно не думает о других народах и расах. А вы думаете... Я уверен, что тот не упустит возможности использовать вашу благородную слабость в своих целях.

— Я попрошу вас всё же прибегать к настильному огню. Я слышала, что наши литейщики отлили пушки такого калибра, который способен справляться с ядрами более тонны. Благодаря им можно сносить крепости. И погибнут только вооружённые. С огромной брешью легче контролировать пальбу, — она приложила облачённые в лайковые перчатки пальцы к своей шее и судорожно растерла ту.

— Я обязательно прислушаюсь к вашему совету, моя королева, — коннетабль шмыгнув покрасневшимся носом.

— Каково настроение у кутилье? Полное обмундирование уже выдали?

— С каждым разом вы всё больше поражаете меня, — игривым тоном заметил Ричард. — Только истинный мудрец догадывается, что результат зависит не только от известных

бойцов, но и от их достойных слуг. Без них они ничто... Нашим кутилье подготовили отличное жалованье. Крепкие копья, шлемы и доспехи пребывают в достаточном количестве.

— У каждого дела должен быть свой человек. А что насчет слуг... То все мы с вами слуги перед жизнью. Так не стоит же относиться и друг к другу, как к слугам или хозяевам. Как хорошо, что проклятое рабство отменили, когда наши предки фагрийцы раскололись. У меня же есть только подданные. А они либо хотят исполнять долг, который сами на себя берут, либо могут идти, куда глаза глядят.

Баннереты с квадратными знамёнами и в бацинетах руководили собственными отрядами на смотровой площади. Ратники их ровными узорами разливались вниз, завораживая взоры. Глядя на них, мозг пронизывало ясное ощущение, что нет ничего неподвластного для того, в чьей груди всё ещё бьётся сердце.

— Я всегда думала: а зачем боги создали мерзость в некоторых душах? Почему кто-то облачается в гордого светлого рыцаря, а кто-то тонет в грязи? Но, видимо, всё имеет место быть... На корабли загружают балласт, дабы обеспечить правильную осадку и устойчивость. Благодаря этому судно смело идёт вперёд. Мы бы с вами, сэр, сами никогда не сошли с места. Стали бы мы лучше, если бы вокруг всё было слишком просто?

— Занятная аллегория, Ваше Превосходительство, — Ричард хрустнул запястьями. — Некоторые же корабли превращают в брандеры для поджогов. И от ваших решений зависит: останется ли Дорман на плаву или канет в Лету.

— Без матросов корабль не сдвинуть с места, — брови королевы поползли вверх. Позади раздался поспешный стук, после которого через стеклянные двери на улицу вынырнул лакей с запечатанным посланием.

— Из Лириана, Ваше Величество! — он протянул его ей. — Только что доставили по небу.

— Спасибо, Сайман! — кивнула Тисса белокурому кудрявому молодому человеку. Она помедлила, глядя на печать. Но движением позвала за собой Ричарда во дворец. Не сбрасывая шубу, подняла с круглого стола цвета коньяка стилет и вскрыла письма, из-за которых так долго мучилась без сна.

"Уважаемая королева Дормана и сестра по власти, осмелюсь вас заверить в том, что никаких точных доказательств не было предоставлено, чтобы вы могли позволить себе обвинять моих подданных в убийстве и грабеже. Разве ваши стражники видели, что эльфы прорывались незаконно через границу?"

Вы, опираясь на слова нескольких работников, зачем-то черните лирианцев... Понимаю, что у вас имеются трупы нескольких эльфов, которые якобы участвовали при краже Илайя. Но о чем это может говорить? Где факты? С чего вы взяли, что те пришли прямо из Лириана? Ведь никто не видел. Может это светлые эльфы, которые уже давно отправились в путешествие по свету. Я же не держу народ на цепи! До чумы среди моих подданных частым опытом были скитания по Барнару, дабы набраться знаний о мире.

И вам известно, Ваше Величество, что трупы не говорят. С них не спросишь ответа. Так что я понятия не имею, где запасы вашего драгоценного камня. Но я весьма сочувствую вашим потерям в такие тяжёлые времена!

(И прошу заметить, что мы имеем на руках тела убитых эльфийцев, но я готов закрыть на это глаза. Для начала стоит выяснить, кем они были. Отправьте нам их останки, чтобы мы разобрались в этом. А у вас есть только слова... Вы же достаточно

умны и осознаете, что в политике такие устные вещи не имеют веса!) "

— Как я и говорил, — зааплодировал коннетабль, когда Тисса закончила чтение вслух. — Отличный стратег! Ваши же слова использовал против вас. Но Эриндел жестоко обманывается, если надеется, что его крепости выстоят от нашей атаки! Мы заберём силой то, что принадлежит нам!

Королева расплылась в сладостной улыбке, повернувшись к нему в кресле.

— Неужели вы, сэр, не догадались, чего на самом деле добивается Эриндел? — женщина сняла перчатку с правой руки и закусила ноготь на указательном пальце. — Он превосходно знает храбрость дорманцев. Эльф слышал, каким гневным огнём пылают наши сердца при виде несправедливости. И он своим ответом хочет вывести меня на войну! — правительница громко рассмеялась.

— Я ничего не понимаю, — быстро заморгал сэр Ричард. — Зачем им ввязываться в бой? Неужели они недооценивают мощь Дормана! Это же смешно! Наша армия одна из самых сильных на континенте!

— Запасы Илайя у них, — миледи поднялась и закружилась радостно на месте.

Мужчина сначала было испугался за душевное состояние госпожи. Не лишила ли безумная дерзость Эриндела её холодного рассудка...

— Что? — остановилась она, глядя ему в глаза. — Сэр Ричард, плохая гибкость вашего ума начинает беспокоить меня! С этими драгоценными камнями эльфы куда могущественнее. Теперь и на их стороне высшая магия! Эриндел ждёт, когда мы нападём, чтобы окружить нас и разбить. В открытое завоевание лирианцы, конечно, не выдвинутся. Ведь к центру Дорман неприступно защищён. Но они хотят с лёгкостью одолеть нас на своих территориях, которые очень хорошо знают. Нас заманивают в ловушку... Так что вы, Тол, лучше отправьте войска на восточные границы. Устройте сюрприз для варваров. Пустите слухи, будто мы войной идём на Лириан.

Маршал раскрыл рот в изумлении.

— С-слушаюсь, — протянул он. — Но... Как же быть с эльфами?

— Чтобы прогнать с огорода вредных муравьёв, нужно убить их матку. А вот остальных не стоит трогать. Зачем же мне их муравейник? Я же не грабитель. Я лишь хочу наказать сволочь, которая решила захватить мою землю!

Карлин ворочалась дома в постели. Через боковой разрез сорочки виднелась загорелая кожа на бедре. Ткань же одеяния была вся замызгана пятнами из-под разлитого вина. Светлые, с отеками веками глаза казались очень яркими, так как за пределами радужной оболочки расползались, извиваясь, словно черви, кровяные капилляры.

Молочно-миндальные предрассветные тени расползались по стенам комнаты. Сердце её курило трубку, закинув ногу на ногу и подперев подбородок рукой. Все органы ведьмы, вся плоть будто понимали, что гложет мысли носительницы.

По всей поверхности чистых душистых волос выпирали вихри, придавая лицу воздушную нежность.

Чародейке совершенно не хотелось подниматься, но голодный желудок ударял ту изнутри, недовольно ворча и сотрясать в нетерпеливых припадках.

Она не понимала, как жить эту серую жизнь дальше... Кромешная тишина дома сводила с ума... А ведь когда-то у неё для счастья имелось абсолютно всё. Рядом находились люди, дарующие тепло и уют. Они разноцветными красками раскрашивали однотонное мерзкое однообразие. Тогда ей хотелось дышать и смеяться. Ради них Карлин не желала стоять на месте.

Сейчас же волшебнице требовался духовный толмач, способный объяснить речь остальных. Ибо ей чудилось, что она забыла человеческий язык из-за ненужности. Карлин надула сухие потрескавшиеся губы и всерьёз задумалась над тем: а к чему слышать других. К чему теперь ей что-то знать о всех остальных? Что такого важного она получит от народа, когда Тары больше нет. Они же с детства строили планы на жизнь вместе... Мечтали, как найдут себе хороших мужей... Как поселятся в соседних домах... О том, как их дети будут крепко дружить... Неужели все такие искренние и простые мечты пришло время разбить? Но за что?

Из углов глаз покатались солёные капли. Они закатывались в ушные раковины и пробирались через каналы в нос, заставляя ведьму шмыгать. Отвратительное состояние беспомощности...

Чародейка разразилась безысходным смехом. Ей предстояло поставить перед собой задачу: отыскать в этом мире нечто важное. А в руках для поисков, словно маленькая ложка... И этой ложкой Карлин предстоит перерыть горы, водное дно и небо! Сможет ли она сама себе помочь? Сможет ли спасти себя? Если бы сестра была жива, то сказала бы, что для Уиллгармских нет ничего невозможного.

Ведьма поднялась и босиком по медвежьим бурым шкурам подошла к зеркалу, встав анфас. Она ловко сбросила через голову грязную одежду. Крошечные волоски на груди и животе засветились оранжевым оттенком из-за упорно прорывающегося сквозь тучи солнца. Шоколадный лёгкий загар заканчивался возле ключиц. Мраморные же груди покрывались розовой дымкой при лучах, бьющих через окна.

Явная заметная талия делала её тело похожим на хрустальный бокал, из которого пил воду, утоляя жажду, первый бог. Когда, покрывшись благородным потом, взирал на творение своих мыслей. На бескрайние океаны и сочные зелёные луга. Только в области пупка у волшебницы выпирала мягкая небольшая прослойка кожного жира.

Чёрные, коротко подстриженные волоски на лобке послушно лежали каждый на своём

месте, образуя своими изгибами узоры, словно с картины, посвящённой древнему мудрому лесу.

Карлин аккуратно расчесала гребнем копну волнистых волос, достающих ей уже до самых бёдер. После чего, воскресив в голове образ Тары, потянулась за большими серебряными ножницами. Локоны, скручиваясь, повалились на широкие доски. Короткая стрижка, едва достигающая края плеч, как у сестры, обострила её черты и подчеркнула гетерохромные глаза.

Красивые притягательные губы расплылись в довольной улыбке. Ведьма надела шерстяные подштанники и широкие, горчичного цвета брюки. Поверх крахмаленной рубашки с рюшами пристроила кожаную куртку, с наружной стороны покрытую серым длинным мехом.

Она натянула на тёплые носки сапоги с высокими голенищами. И быстрым шагом сбежала по лестнице. Взяла с не успевшей ещё остыть печи ячменную лепёшку. Насыпала в корзину кедровые шишки и орехи. Распахнула дверь, ведущую на задний двор, и уселась на брикет сена, валяющийся под навесом. Возле маленькой ёлки покоился труп щенка. Чародейка откусила лепёшку и рассыпала над крошечной могилой орехи и цельные шишки. Малиновые клесты слетелись на её дары. Они принялись радостно поглощать угощения и выковыривать пищу из шишек своими приспособленными клювами.

Волшебница самодовольно уставилась вдаль. За невысоким забором огорода, на опушке кривились оголённые ильмы.

— Ну что, суки, каждому воздалось! Каждому... — прошептала она вслух.

Слова её были обращены к мертвецам, закопанным на той самой опушке. Ими являлись разбойники из шайки, что ворвались в дом и убили Терезу. Леди Эрлин сдержала обещание, разговаривая некогда с Конрадом на данную тему. Маги разыскали преступников, орудующих в доме сестер Уиллгармских. Смерть их была страшной... С них сдирали кожу сантиметр за сантиметром. С помощью заклинаний преступникам не давали погибнуть несколько дней. Дни для тех стали кровавой вечностью. Они молили о пощаде, но было поздно... Терезу и Пушистика уже не вернуть. В ковене же к врагам друзей никогда не знали прощения. Директриса струнами играла на пульсирующем мясе убийц, будто на скрипке. Ведьмы умеют со сладострастием упиваться болью и муками отвернувшихся от собственной совести людей.

Карлин не знала, что Амелия жива. Об этом никто не ведал. Единственное, что ей удалось услышать о ком-то из друзей. Так это то, что Конрад и Бэбкок отправились в странствие на север.

Волшебница зашла обратно через кухню и чуть не запнулась о лохань, заполненную грязной посудой. Она взмахнула пальцами. Тарелки взлетели, закружившись в пространстве. Скребки, губки прилипли к ним и начали очищать от кусочков пищи. Карлин, занимаясь магической уборкой, затянула песню, которую они с сестрой частенько напевали, возвращаясь из битв:

— *Я не вернусь уж боле к водам,*

Где мы рыбачили с тобой.

И не увижу взор под сводом

Нашей матери родной.

Не смоешь кровь, она везде.

Прошу тебя, беги скорей.

*Ты не ищи меня уже нигде!
Скажи отцу: слезу не лей.
Ведь сын твой с честью пал.
Вина ты за него отпей.
Его Валькирия ведёт на бал.
Среди божественных теней.
Меня накормят и напоят там,
И возле звёзд уложат спать.
Я ветром прошепчу на ухо вам:
Не стоит по душе моей страдать.
Я правдой жил, ценил, что было.
Я вас любил, друзьям я верил.
И пусть уж всё теперь уплыло.
Но не горюй, отец, среди могил.
Ведь сын твой с честью пал.
Вина ты за него отпей.
Его Валькирия ведёт на бал.
Среди божественных теней...*

До носа чародейки донёсся пленительный аромат благоухающей сирени с древесными нотами дорогостоящей амбры. И только засим последовал стук в гостевую дверь. Ведьма щелчком пальцев поставила посуду вертикально, чтобы та обсохла.

— Здравствуйте! Кто вы? — она вышла на крыльцо.

Перед ней в пышном бархатном плаще с капюшоном, склонив голову, стояла некая женщина.

— Карлин, я рада видеть вас в здравии, — добродушно прозвенел голос незнакомки. — Особенно после тех слухов, что мне известны насчёт вас, — она, наконец, открыла своё лицо.

— Ваше Величество, — угрюмо выдавила волшебница, но меж тем невольно поклонилась.

— Ты одна дома? — серьёзным тоном спросила Тисса.

"Конечно, одна... Кому же тут ещё быть? Ведь по милости вашего обезумевшего проклятого мужа Тереза мертва! И Тара, возможно бы не погибла, если бы им не пришлось вдвоем бежать из столицы и спасти магов самим!" — Карлин так и хотелось выкрикнуть всё это королеве. Злость до сих пор не отпускала её. Но она понимала, что вины самой миледи в данной ситуации совсем нет. Поэтому чародейка лишь натянуто произнесла:

— Да.

— Что ж... В таком случае, ты не против, если я войду? Я явилась к тебе келейно для одного слишком важного разговора.

— Тайно? — удивилась ведьма. — Простите, Ваше Превосходительство, но ваш парфюм за милю учует любой дорманец. Такой только вы можете себе позволить.

Щеки Тиссы зарделась от стыда. Карлин всё верно подметила.

— Проходите, пожалуйста, — хозяйка пригласила её. — Сделать чай? Или кофе?

— Нет. Ничего не нужно. Благодарю! — остановила её рукой правительница.

— Тогда прошу в новую библиотеку. Только не обращайтесь внимания на строительный мусор. Я решила многое здесь изменить, чтобы...

— Чтобы стало хотя бы немного легче, — продолжила за неё гостья. — Я тоже попросила сменить облицовку во дворце после казни Розгальда. Это как побег от счастливого сна, который уже не вернешь. Пытаешься окружить себя новыми декорациями, будто через них не просочатся любимые запахи. И до последнего надеешься, что тоска по потерявшему человеку прекратит раздирать сердце в клочья. Но только кровь свернется, как память принимается раскрывать свою пасть с клыками, — она уселась в кожаное кофейное кресло.

Стеллажи с книгами достигали самого потолка. Всюду витал воздух, пропитанный сладкой стружкой, оставленной от работы мастеровых. Трапециевидный камин был облицован новыми керамическими изразцами. На них изображались выпуклые серые попугаи на оранжевом фоне.

Сама ведьма пристроилась на краю дубового стола, скрестив руки на груди.

— Я слушаю вас, миледи.

— Для начала прими вот это, — Тисса вынула из-под плаща очень увесистый коричневый мешочек, обшитый золотом. — И отказа я не приму! Этих монет должно хватить на возмещение материального ущерба. Я имею в виду грабёж, проведённый разбойничьей шайкой в вашем доме. Если бы не указ бывшего короля, то, скорее всего, ничего бы не случилось. Но и ты пойми, Карлин... Розгальд правил Дорманом. Твоя сестра с другом ворвались к нему в покои и связали его. Я думаю, что обращение к проскрипции на тот момент имело веские основания. Если кто-то вломится ко мне во дворец и свяжет меня, как поросёнка перед забоем, то головы тех людей сразу же полетят с плеч! И меня не должны волновать причины смельчаков, толкнувших их на это. Как мы уже знаем, Розгальд, будучи вурдалаком, потерял над собой контроль. Договориться Таре и Бэбкоку с ним точно бы не получилось. Но если бы они решили попросить о помощи меня. То я бы ввязалась в это дело. Я бы приняла сторону твоей сестры. Даже если пришлось бы испытать на себе безумный гнев мужа. Я лишь хочу, чтобы ты понимала... Что всегда можно всё обсудить. Хоть я и королева, но я же такой же человек, как и все остальные. У меня есть чувства... Я умею любить. Но не дикой, больной любовью, а истинной. Я бы легко поняла, что означало для Тары твоё спасение. Говорят, что бремя правителя тяжело тем, что ему приходится кем-то жертвовать ради всеобщего блага. Что правитель обязан выбирать большинство... Но я тогда отказываюсь находиться в таком мире, где судьбы множества перевешивают судьбу одного. Потому что само по себе это уже глупость! Это путь животного выживания, не более того.

Чародейка терпеливо выслушала сердечный поток мыслей Её Превосходительства. После чего хрустнула шеей.

— Сейчас, я полагаю, перейдем к аверсу? Почему вы скрытно приехали ко мне?

Королева быстро сняла длинную перчатку и почесала затылок. Парфюм её вскружил голову Карлин. Та сжала руку, и створка у окна позади отворилась.

— Леди Эрлин сообщила мне, что вы одна из сильнейших ведьм. Я ездила в ковен на днях под предлогом того, чтобы просмотреть старинные карты в хранилище. Но на самом деле там я читала книгу сказаний Беренгарийя Гунфрида. Не без помощи директрисы, само собой. Ибо мне не знаком язык мёртвого колдовского племени из равнин Табольда. Ты, скорее всего, считаешь, что я лишилась рассудка... — Тисса сжала губы зубами. — Но я ничего не утверждаю. Я просто-напросто пытаюсь проверить нечто серьёзное. И, к сожалению... Такие размышления только сейчас пришли ко мне в голову. Потому что

раньше поводов не имелось.

— Сказания Гунфрида? Это же сказки и страшилки для детей, — волшебница совершенно не догадывалась, к чему всё идёт.

— Карлин, я попытаюсь объяснить тот странный водоворот, который душит меня. Тебе ведь известно, что эльфы убили нескольких дорманцев и украли наши залежи Илайя?

— Да. Про это во всех тавернах сутки напролёт идут пересуды.

— А насчёт силы самих камней тебе стоит рассказывать?

— Не стоит. Я изучала все магические породы еще в школе. Так какая официальная позиция у лирианцев?

— Эриндел даёт честное слово, что ничего об этом не знает.

— Полагаете, что их правитель не такой благородный, как кажется на самом деле?

— Внешность и манеры всегда очень обманчивы, Карлин.

— Здесь и не поспоришь, — ведьма расстегнула куртку. — Вы уже задавались вопросом: зачем ему такие запасы Илайя! И я даже догадываюсь, к какому выводу вы пришли.

Миледи ждала, когда та продолжит свою мысль.

— Эриндел в первую очередь мужчина. И, как и большинство из них, он падок на славу. Причём на безоговорочную. Это я, конечно, не про всех представителей мужского пола говорю, а только про глупых. Умный мужчина никогда не будет делать что-то только ради признания. Умный мужчина двигает горы с места только в одном случае: ради тех, кого любит, — взор волшебницы потускнел. — Ему явно давно не нравились успехи дорманских правителей. Ульфгард и Розгальд пользовались огромным почётом среди народов и рас. Но не Эриндел. И кто же виноват в этом, кроме него самого?

— Если говорить кратко, то да... Мне кажется, что он хочет вызвать нас на атаку. Заманив тем самым в ловушку. И тогда Дорман будет принадлежать эльфам. Эриндел науськал своих приближённых, а те и рады. Им же есть выгода. Но вот насчёт остальных лирианцев я уверена, что они ни о чем подобном не знают. Это всё же разумный и хороший народ. Они не похожи на дерзких захватчиков. Если бы я отдала приказ коннетаблю выступить с армией, то, само собой, им бы пришлось защищаться. Кто знает, что бы нашептал эльфам Эриндел о нашем походе.

— Это я всё поняла... Но как со всем этим связана я и сказки Гунфрида?

— В сказаниях говорилось о таком лесном народе, чья кожа была цвета манго...

— О баньянах! — воскликнула Карлин и широко улыбнулась, оголив нечищенные желтоватые зубы. — Отец в детстве меня ими пугал в шутку. Они были злые, с острыми клыками. По ночам баньяны похищали путников, и больше тех никто не видел.

— Да, — поднялась с кресла Тисса и направилась к окну. — А потом в леса явились эльфы и уничтожили опасных людоедов — баньянов, за которыми никто никогда не мог угнаться, кроме них. Красивая история? — не оборачиваясь, спросила она.

— Кое-кто недавно научил меня не верить полностью тому, о чем говорят все, — ведьма засунула руки в карманы брюк, уставившись взором в пол.

— Полностью поддерживаю эту позицию! Так кто-нибудь знает, сколько точно лет Эриндлу? И прочим его советникам?

Чародейка не стала отвечать на риторический вопрос. Правительница Дормана продолжила:

— Что если баньяны не ели людей и эльфов? Что если это был хороший народ? А

сейчас они сидят в каких-нибудь лесных подземельях, работая веками на лирианцев.

— Никто из нас не может этого отрицать, — Карлин приблизилась к ней, прислонившись к оконной раме. — Вы с кем-нибудь говорили о своих чокнутых мыслях?

— Нет... Только Леди Эрлин всё знает об этом.

— Это хорошо, — кивнула волшебница. — Ваши приближенные бы посчитали всё это просто причудой женской фантазии.

— Да, я тоже так подумала, — она повернула голову на собеседницу. — Карлин, я хочу попросить тебя о том, о чем вообще не смею просить. Но я не хочу решать проблемы кровопролитием. Директриса сказала, что когда-то давно у тебя у одной получалось использовать магию, чтобы оставаться невидимкой.

— Это было в детстве... Я не знаю, как у меня выходило. Всё случайно получалось. Мы пытались затем с учителем тренироваться в этом, но безуспешно.

— У тебя есть несколько недель, чтобы вновь научиться делать это, — королева нервно усмехнулась.

Карлин обожала такие ситуации в жизни, когда всё кажется совершенным безумием.

— Допустим, я рискну осуществить это. Что же дальше? — глаза ведьмы довольно заискрились.

— Среди приближённых Эриндела в Совете есть только две женщины-эльфийки. Это Маргарита Лафф. Её, думаю, все знают. Увидев взгляд чёрных глаз с медными волосами хотя бы раз, их уже невозможно забыть никогда. Она как-то приезжала к нам в Остбон пять лет назад. Вторую зовут Мабалия Тю. Ты, скорее всего, видела её на всеобщем празднике Луны.

— Да, у неё ярко-жёлтые волосы с розовыми косами по бокам. И глубокие синие глаза. Тоже очень запоминающаяся внешность. Дайте угадаю, Ваше Величество... Вы хотите, чтобы я проникла незаметно на земли лирианцев. И чтобы с помощью магии скрывалась в городе, полном эльфов. И затем выкрала одну из советниц. Передала её вам, а сама заняла бы место той. И всё это для того, чтобы я настроила эльфийцев против Эриндела? Чтобы я свергла его без крови? Чтобы я раскрыла тайны ублюдка?

Королева только раскрыла рот, дабы подтвердить сказанное Карлин. Но чародейка не стала дожидаться:

— Я в деле!

Пять дней спустя

— Уйдите от меня! Проваливайте! — кричала в безумном приступе Карлин.

Тело её всё сотрясалось от рыданий. Слезы вперемешку с содержимым носа сочились по лицу и, достигая дрожащего, широко раскрытого рта, обрывались на тёмно-синие каменные плиты.

— Я бесталанное ничтожество! — продолжала завывать она, корчась на коленях. — Ни на что не гожусь!

Тисса молча застыла неподалёку. Во взгляде её читалось сострадание.

Над ведьмой, склонившись, стояла директриса.

— Карлин, я бы на твоём месте не выражалась так при мне и при королеве, — леди Эрлин подняла голову и помотала той. — Но я понимаю, конечно, что ты это не специально. И потом пожалеешь о сказанном. Ты устала и измучена от тренировок... — глава ковена положила ей на плечо ладонь. — Милая, магия исчезновений самая редкая и самая сложная. Тебя никто не станет винить в том, что что-то не выходит. И зря ты про себя говоришь, что ни на что не годишься. Просто смешно! У тебя добрейшее сердце! Неужели этого недостаточно, чтобы уже любить себя? — она убрала локоны её волос за уши. — Тебе нечего себе доказывать! К чему ты так близко всё воспринимаешь?

— Я согласна с директрисой, — откликнулась правительница Дормана. — Мне жаль видеть твои страдания, Карлин. Если ничего не выйдет, то мы придумаем иной способ, как вывести Эриндела на чистую воду. Не стоит взваливать на себя одну всю ответственность.

— Да, дорогая, — леди Эрлин выпрямилась в полный рост, — мы ведь живые. А значит, абсолютно нормально, что у нас не будет всегда выходить задуманное.

Чародейка обернулась на неё со злобным взором лесной кошки.

— В моей жизни нет смысла... Я лишь надеялась, что это задание поможет мне хоть как-то продержаться на плаву и не сойти с ума, — прохрипела она.

— Карлин, — глава ковена, задумавшись, вытянула губы в трубочку, — разве смысл в победах и соревнованиях? Разве он в побегах от себя?

— Вы предлагаете мне довольствоваться жизнью обычного бонома? — волшебница резко вскочила на ноги. — И не иметь чего-то более важного и глубокого? Я хожу по краю обрыва только для того, чтобы услышать нечто большее, чем все остальные.

Директриса не выдержала и рассмеялась. Её смех подействовал на ведьму, как пощёчина. Она насупила брови, словно тигр перед прыжком.

— Послушай, Карлин, ты ведь уже взрослая женщина. Но почему ты мыслишь так, словно ещё забавный подросток? Я не знаю, кем ты восхищалась и с каких выдающихся людей брала пример, полагая, что тем известны настоящие истины. Не знаю, о чем ты грезила, когда твой юный раньше мозг впитывал в себя, как губка, речи исключительных людей, говоривших красивыми высокими фразами. Но вот сейчас мы пришли к тому, что на глазах твоих по сей день фиглярство, — главная колдунья добродушно улыбнулась. — У тебя есть целый мир, милая! А ты стараешься найти что-то ещё. Но у тебя есть ты! Не сможешь любить себя такой, какая есть, то никогда ничего и не увидишь. Только представь... Бескрайний океан, вода тёплая-тёплая... Ты босая бежишь по его поверхности навстречу солнечной вспышке. Ты одна, но внутри весь мир. Так нужно ли бродить у пропасти и с

отчаянием смотреть в ледяную даль? Когда всё, что необходимо, уже есть, — она мягко ткнула пальцем её под ребро у левой груди. — Отдохни, Карлин. Продолжишь позже!

— Нет, я ещё потренируюсь, — чародейка обтерла лицо рукавом и высморкалась.

— Ну, как хочешь, — директриса перевела взгляд на королеву. — Ваше Превосходительство, я предлагаю нам подняться на башню и выпить чаю. С неё открывается чудесный вид.

Тисса подхватила подол, и они вдвоём зашелестели пышными юбками, поднимаясь по витым лестницам. Женщины шли не спеша и постоянно останавливались, так как беременной на таком сроке миледи постоянно требовалась передышка. Однако она с упорством отказывалась от порталов, стараясь по возможности двигаться самой.

Комнату под самой крышей, через длинные прямоугольные окна пронизывали радостные потоки света, но их яркость наводила и грусть. Ведь дни были короткими, потому частичка печали каждый раз падала нам в ладони, напоминая о предстоящей тьме.

Искрящиеся заструги ползли по белоснежному морю, будто под снегами рыли свои ходы крупных размеров кроты. Возле голых пурпурных кустарников расплзалось большое число птичьих следов. Прыгающих в поисках сушёных ягод.

Её Величество уселась в кремовое кресло со спинкой в форме лепестков ромашки. В завитых и уложенных волосах той сверкал драгоценный эгрет с изумрудным пером. Леди Эрлин подала ей чайную пару с душистым тёплым напитком и пристроилась за столиком поблизости.

— У неё всё выйдет, можете в этом не сомневаться, — произнесла глава ковена, отпив из чашки. — Я почти с самого детства знала Карлин. Не умеет она отступать. Только вот слишком в себя не верит.

— Вы так тепло о ней отзываетесь всегда. Она ваша любимица?

— Я люблю всех своих нынешних и бывших учащихся. В каждом есть сильные стороны и великолепные человеческие качества. Я безумно всеми горжусь... Но себя ведь не обманешь, верно? — колдунья поджала губы. — Эта троица: сестры Уиллгармские и Амелия. Они часто умели разительно отличаться от других. Ох... Бедные Тара и Амелия... Погибли с честью, жертвуя собой ради остальных. В этом все они. Кто бы мог в таком сомневаться! — ведьма встрепенулась. — Так о чем я? Троица неугомонных чародей доводила меня и до негодования, и до смеха. Более непослушных учениц день со днём не сыщешь. Характер у них такой же колючий и неприступный, как чертополох. Вечно опаздывали на занятия. То собаку спасут от побоев злого хозяина. То какого-нибудь мальчишку бросятся защищать от толпы грубиянов. То старушке какой-нибудь по дому помогут и вовсе по три урока пропустят. А ведь умудрялись учиться лучше всех, — она смахнула платком выступившие от воспоминаний слёзы умиления. — В общем, за все те годы привязалась я к ним, как к родным детям. А по-другому и быть не могло. Чуть что случится, где важное, так та троица всегда раньше всех на месте. До чего же любопытные девчушки. Я как-то Карлин отчитала и прогнала из класса за то, что она с большой высоты портал использовала без разрешения. А я ведь за неё отвечаю. Она ещё только училась и могла убиться насмерть. Так она мне язык показала, да как дверью хлопнула, что стены вздрогнули. Их славной матери и достопочтенному отцу точно скучать дома не приходилось, воспитывая двух неугомонных сестёр.

На улице поднялся ветер и принялся дерзко кривить макушки скрипучих деревьев, будто обиженный невежда. Пурга расходилась всё пуце.

— Здесь действительно отличный вид, директриса Эрлин, — Тисса медленно поднялась, поставив блюдо на столик. — Но боюсь, что мне пора ехать в храм. Пауперизация несчастных земледельцев не терпит. Мы хотели сегодня со святым отцом заняться третьей волной выдачи продукции из хранилища. И ещё не всем удалось вручить живность с моего двора. А что касается Карлин, то передайте ей, что я верю в неё.

Колдунья проводила госпожу до кареты. Когда они распрощались, она вернулась в учебный подвал с магическими отражателями.

Волшебница стояла в центре, удерживая атаку своих же собственных заклинаний. Из носа её на пол лилась тёмная кровь. В гетерохромных глазах били серебряные фонтаны. Мышцы на руках напряглись до предела. Ещё секунда и она сама испепелит себя лучами. Карлин вскрикнула и с трудом сдвинула ладони в сторону. Колдовская мощная энергия раскрошила в песок кассии на двух колоннах и пробила стену насквозь.

— Сегодня ничего не выйдет. Хватит доводить себя до предела, — изрекла директриса. — А то скоро от башни и камня не останется.

— Если я достигну границы выносливости, то мои способности выбьют потерянную искру. Тело вновь вспомнит, как контролировать исчезновение, — отдышавшись, парировала Карлин.

— Как была вредной, так и осталась, — глава ковена принялась растирать пальцами правый висок. — Тебе необходимо съесть что-нибудь сладкое и хорошенько выспаться. В нашем распоряжении есть ещё несколько дней. К тому же королева сказала, что совершенно не обязательно так торопиться. Эриндела можно дискредитировать и позже. Поехали в имение. Сегодня на кухне ученикам подавали творожные пироги со смородиной, а ещё с грушей и бананами. И я полагаю, что для нас там что-то осталось. Так что собирайся. Попрошу постелить тебе в гостевой комнате.

— Ради пирога со смородиной я хоть в преисподнюю, — улыбнулась волшебница, вытирая полотенцем пот с шеи.

— То, что ты любительница пирогов, это я прекрасно помню. Ты в школе такой милой пышечкой была. Просто прелесть! Щёчки такие красивые были. А сейчас одни кости да кожа.

— Ну, вы и вспомнили... — чародейка хлопнула себя ладонью по лицу.

Два дня спустя. Дворец.

Директриса взлетела по ступеням с напряжённым выражением. Брови её под углом смыкались над переносицей. На лбу же, пульсируя, вздрагивали продольные морщины.

— Её Превосходительство у себя?

— А разве вам назначено в книге для аудиенции? — осведомился старший лакей.

— У меня срочное сообщение! — отрезала она.

— Хорошо, леди Эрлин, я сейчас доложу о вас госпоже.

Через пару мгновений глава ковена с испуганным взглядом появилась в будуаре Тиссы.

— Что стряслось? — сразу же первой спросила королева, не теряя времени на приветствия.

— У нас проблемы, Ваше Величество, весьма серьёзные, — отвечала колдунья.

Миледи приготовилась к самому худшему, но в эту же секунду заметила, как перед ней в воздухе проплыл поднос с пирожными.

— Карлин? — вырвалось у неё.

Волшебница материализовалась и, взяв угощение, принялась довольно жевать.

— Так у тебя получилось! — Тисса постаралась улыбнуться. — Я не сомневалась в тебе! А в чем тогда проблема? Зачем вы меня так напугали, директриса?

— Оу, моя королева, это была идея Карлин. Я тоже против подобных шуток. Она просто хотела вас удивить, — леди Эрлин строго взглянула на ведьму.

Правительница Дормана с нежностью пожала руку поедавшей её пирожное чародейке.

— Карлин, ты очень меня порадовала. Я горжусь тобой! Но впредь давай без детского поведения, пожалуйста. Я и так слишком много нервничаю. Мне кажется, что каждый день небо вот-вот обрушится сверху. Ты же взрослая женщина... Должна понимать, что в нашем возрасте не выкидывают подобным способом сюрпризы. Хорошие вещи стоит говорить как есть, а не шокировать перед этим, — она обернулась к главной колдунье. — Ну а вы не слушайте все её идеи, — Тисса устало усмехнулась.

Директриса покрылась красными пятнами и почувствовала себя глупой.

— Простите меня, Ваше Превосходительство! Я не знаю, чем думала, — только и пролепетала она.

— Не обращайтесь внимания на моё недовольство, — миледи махнула рукой и помотала головой. — Из-за беременности у меня часто меняется настроение. Всё так раздражает!

— Да, — стряхнула крошки с губ Карлин. — Извините, Ваше Величество. Я никогда не отличалась адекватным чувством юмора. А что касается самочувствия. Так я могу сделать для вас отличный отвар. Ребёнку он никак не навредит. Но от него вам станет гораздо лучше.

— Благодарю. Мне бы что угодно в данный момент не помешало, — миледи заметила на открытых руках волшебницы жуткие шрамы. — Что с тобой произошло? — она участливо подняла к ней ресницы.

— На спине ещё хуже. Она изуродована до ребер, — ведьма почесала лоб. — Кровь удалось остановить, но шрамы останутся навсегда. За всё приходится платить, моя королева. Раны нанесены моей собственной магией во время попыток по восстановлению возможностей исчезновения.

— Неужели иных способов не имелось?

— Возможно, и есть. Но никто из нас о них не знает, — пожала плечами ведьма.

— Что ж... Во всяком случае, ты не стала быть с ними менее красивой, — госпожа уверенно кивнула своим же словам.

— И я так думаю, — легко выдала Карлин, действительно так считая.

Они принялись обсуждать план дальнейших действий. И ночью того же дня эмиссара отправили в путь.

— Коростель покинула гнездо, — вздохнула Тисса, вглядываясь в яркую, притягивающую к себе взор луну.

На границе с эльфийскими землями

— Черт! — выругалась Карлин, врезавшись в невидимую стену. — Хитро придумали!

На вышке переглянулись два эльфа-стражника.

— И ты это слышал? — спросил один у другого, сверкнув сиреневыми глазами при звездном свете.

— Я схожу проверю! — воин обнажил меч.

— Возьми с собой кого-нибудь внизу. Нынче всякое можно ожидать.

Карлин же никак не могла пройти сквозь волшебную защиту лирианцев. Она начинала нервничать. Но быстро вспомнила, что для неё теперь не составит никакого труда скрыть следы на снегу и стать невидимой. Значит, время подумать будет всегда в запасе.

— Звук раздавался где-то у третьей, четвёртой куртины, слева от бастиона, — прошептал лирианец, поправляя шлем с пышным зеленым хвостом.

Пламя факелов резко дергалось в их руках. Снежная корка громко хрустела от шагов.

— Я никого не виж...

Карлин отключила эльфа, стоявшего ближе к ней, дотронувшись до его висков.

— Тиану? — соратник, не понимая, почему тот потерял сознание, подскочил к нему.

Ведьма взмахом ладони заставила его рот срастись. Тихое мычание разнеслось в ночи. Он попытался убежать, рубя наугад клинком. Но она выбила оружие и со всего маху прижала лирианца лицом к стене.

Карлин вонзила короткую иглу с волшебным кристаллом в мочку его уха. Капли крови было достаточно для того, чтобы управлять сознанием другого. Леди Эрлин вовремя поручила ускоренный метод разработки по управлению живыми существами. Однако тот отнимал силы самого мага.

— Открывай проход, — приказала чародейка.

Воин прижал пальцы к ограждению. Во все стороны поползли белые трещины, как при наступлении на лужу, покрытую льдом. Дальше Карлин могла беспрепятственно с помощью портала проскочить сквозь бастионы. Но необходимо ещё успеть стереть память у тех двоих. Если раньше на этот ритуал уходило много времени, то благодаря ведьминскому кристаллу и обряду, проведённому над ним в ковене, такое заклинание не отнимало и нескольких минут.

После всего сделанного ведьма аккуратно стёрла следы крови с их кожи.

— Ну, вы чего там? — басом прокричал командир, шагающий к ним навстречу с пятью подчинёнными. — Почему так долго? Есть нечто подозрительное?

— Нет, сэр, всё в порядке! — одновременно ответили двое лирианцев, пришедших в себя. — Мы на всякий случай прошлись дальше, чтобы всё хорошенько обследовать.

Капитан гарнизона одобрительно кивнул. Карлин, в данный момент, ехидно улыбаясь, мчалась из одного колдовского коридора в другой.

Для неё всё это было глотком свежего воздуха после того, как она вырвалась из камеры, которую сама выстраивала вокруг себя. Но сейчас чародейка знала, что уже никогда не остановится. Переломав все кости и стерев сознание в пыль, ты больше не сомневаешься, не страшишься. Шаг твой не сдвинуть с места. Никто не способен сейчас толкнуть назад. Волшебница понимала: дважды не распадаются на осколки. Расплющенное сердце, не боится молотка.

Она радовалась опасной игре, в которую с такой лёгкостью ввязалась. Мозги будоражило, словно те вот-вот чихнут. Ей нравилось, что от неё одной будет зависеть спасение, возможно, нескольких народов. А это говорит о том, что тщеславие присуще не только некоторым мужчинам. Но Карлин имела достаточный ум, чтобы не показывать истинные эмоции на людях. У всех есть слабости. Вопрос лишь в том, насколько человек способен их контролировать и направлять в иное русло.

Ведьма же за все дни магических тренировок успела прочитать многие рукописи из архивов ковена. Она практически не спала ночами, так как поставила перед собой цель: стараться стать как можно могущественнее. В ней до сих пор кипела ярость и обида на мир за то, что тот отнял самое дорогое. Хотя и часть её мышления осознавала, что таков путь.

Карлин лишь желала преобразовать весь гнев и недовольство на помощь тем, кто страдал. Ей доставляло огромное наслаждение балансировать на грани между силой и направлениями, которые она выбирает. Каждый рассвет приносил новую страшную схватку

с демонами из глубин души. И она с огромным самодовольством брала в руки щит и меч, отправляясь на кровавую арену против личной тьмы.

Теневая сторона

Рана Фриды затянулась. Остался только едва заметный шрам в форме почти прямого угла от разрыва тканей. Она закончила принимать ванну из растопленного и подогретого на огне снега.

Одевшись, аливитянка быстро промчалась по ступеням вниз. Друзья обедали возле костра гороховой кашей и лепешками из каштанов.

— А где Конрад?

— Отдыхает, — ответила Амелия. — Ему сегодня на испытании стало дурно. Но выбора нет. Чем скорее он научится бороться с чужим проникновением в свой разум, тем больше шансов появится на лучший исход.

— Фрида, садись кушать, пока не остыло, — улыбнулась ей Бригида.

— Позже поем. Ничего страшного, — подмигнула воительница. — Пойду проверю, как он там.

Поспешно пролетев через частые повороты коридоров, жительница Саркена добралась до спальни, занимаемой наёмником. Мужчина лежал на спине, закинув кисть на чело. Аливитянка притулилась поблизости. Он обвинил её другой рукой вокруг талии. Через решётчатые окна врвался бледно-жёлтый свет. В его редких лучах было заметно, как кружатся в хаотичном танце пылинки.

— Паршиво выглядишь, — кинула ему Фрида.

На усталом лице Конрада один край рта пополз вверх от услышанных слов. Он приподнялся, приняв сидячее положение.

— Прости меня, что я, как дурак, уже несколько дней избегаю тебя, — наёмник взглянул на неё исподлобья.

— Мне всё равно, — пожалала та открытыми плечами с изящными ключицами.

— Понятно. Значит, ты все-таки обиделась, — рассмеялся он, проводя ладонью по своему затылку.

— На что это я должна обижаться? — Фрида забавно сморщила лицо, будто лизнула дольку кислого лимона. — Я просто зашла проверить, как ты тут. Не сбежал ли ещё к безмолвным.

Она вскочила и уже мотая головой, хотела направиться к выходу, но мужчина подхватил её и повалил на постель.

— Мне нужно с тобой поговорить, — он откинул локон волос воительницы за ухо.

— Я слушаю, — она напустила на себя серьёзный вид.

Конрад сам не понимал, почему ему всегда хочется смеяться, глядя на её поведение. В ней имелось некая удивительная способность: вызывать в людях те эмоции, которые она хочет.

Фрида напоминала ему бриз, меняющий своё направление в зависимости от смены дня и ночи. Её невозможно наблюдать слишком долго в одном настроении. Но от этого аливитянка становилась только притягательнее. Ведь кто бы из живых с радостью не встретил освежающий ветерок в жаркую погоду?

Когда глаза становятся замысленными от зноя и всё вокруг давит надоедливой рутинной... Вдруг врывается она... Такая лёгкая и игривая. Дотрагивается до тебя своими щекочущими и

захватывающими дух прикосновениями. И ты не успеваешь ими пресытиться, как она уже ускользает прочь. А затем приходится с нетерпением ждать повторного бриза, чтобы вновь увидеть её. Она слишком умна... Возвращается только тогда, когда ты на грани. Когда ты уже остываешь, когда воспоминания начинают исчезать. И тогда дыхание её снова врывается в сердце, заставляя плакать от счастья.

— Фрида, я сразу должен был с тобой обсудить ту историю с Амелией. Я был влюблён в неё... Или, вернее, думал, что это так. Знаешь, она хороший человек...

— Я знаю, что она хорошая, — кивнула воительница. — Плохой человек ни за что бы не пошёл на такой риск ради кого-либо.

— Д-а, — протянул на выдохе мужчина. — До встречи с ней я никогда никого не любил. И ничего особо не знал о такой крепкой духовной связи. А Амелию я сразу же зауважал. Потому что действительно есть за что. Но между нами ничего не происходило... Кроме одного единственного поцелуя. Я же совершенно не представляю, что творится у неё внутри. Мне кажется, что это тайна за семью печатями.

— И эти загадочность и отстраненность тебя-то в ней и притягивают? — жительница Саркена пронзила его своим взором. Он почувствовал нутром, с каким трудом ей удалось произнести такое предположение.

— Притягивали! — чётко отрезал Конрад. — Сейчас я воспринимаю Амелию только как друга. Нет больше того желания, чтобы стать с ней ещё ближе. Я лишь хочу, дабы у неё всё сложилось замечательно, как и у всех остальных.

— Это чудесно, — аливитянка с радостным настроением провела пальцами по его волосам. — Что ж... Я пойду. Пора перекусить. Тебе принести?

— А ты сильно проголодалась? — наёмник, обняв её, не отпускал.

Фрида прислонилась лбом к его виску.

— В чем дело, Конрад? — мягко спросила она.

— Если бы у меня имелся талант, как у Йорика, то я бы сочинил в твою честь кучу мадригалов, — он поцеловал её в плечо. — Возможно, я попрошу его написать их.

Воительница звонко рассмеялась, сидя у него на коленях.

— С чего бы вдруг? — спросила она после.

Мужчина повернул её лицом к себе.

— Я люблю тебя, Фрида!

Он заметил, как глаза той заблестели.

— Но ты ведь сам только говорил, что практически ничего не знаешь об этом чувстве.

— А зачем мне знать, когда я полностью уверен в том, что ты для меня значишь.

— И что же я значу для тебя? — ей чудилось, что стук её сердца слышен на всю застывшую округу.

— Всё!

Прижавшись к ней, Конрад забыл в точности, где они находятся. Он видел лишь, как пёстрые стены из цветущих кустарников жимолости скрывают их от мира, источая при этом сладкие цитрусовые запахи.

Кровь прилиwała к лингу наёмника, отчего гульфик на брюках выпирал до предела. Наёмник был обуян грозowymi импульсами из-за созерцания её губ бледного верескового цвета. Конрад припал к ним ртом. Грубые пальцы обвили тонкую шею Фриды сзади.

Воительница словно вырвала его у мира, по которому тот бесцельно мчался на коне. Она подцепила наёмника с помощью гизармы и сорвала из седла. И теперь Конрад,

отряхнувшись, узрел, как пыль оседает. На горизонте маячила мечта: женщина, дарующая океаны тепла истерзанной душе.

Он скользнул к крючкам на её атласном чёрном корсаже. Прерывистое дыхание Фриды на своей шее приводило его в приятное волнение.

Аливитянка напоминала ему самого опасного среди птиц — хищного кречета. От захвата которого никакой добыче не скрыться. Где она, там только её земля и воздух. И он был рад раствориться в её власти. Однако не до конца понимал, кто из них двоих на самом деле охотник. Возможно, это именно он все прошлые годы выслеживал Фриду, чтобы навсегда быть рядом.

Если раньше он страшился привязанности к Амелии, которая походила на уничтожающее всё живое пламя. То эта привязанность к воительнице, наоборот, с упоением тянула его к себе с такой силой, что он даже и не думал сопротивляться. Ему не хотелось больше бежать. В серо-голубых глазах жительницы Саркена он обрёл всё, что веками искали выброшенные на Барнар из материнского чрева народы. Конрад нашёл свой оплот. И ради неё он сам готов становиться лучше.

Наёмник стянул с неё брюки и принялся покрывать поцелуями бёдра, запуская пальцы под ягодицы. Кожа была такой мягкой, будто он погружал руки в сыпучие успокаивающие барханы пустыни. Конрад ощутил сладкую боль от того, что фуа, обращённая к ней, выжигалась сейчас в его сердце навечно.

Она прильнула к нему, обхватив ногами вокруг торса. Пока их влажные губы сливались друг с другом. До него донёсся аромат её волос. От них веяло душистыми гелиотропами, несущими всплески пряной гвоздики и миндаля.

Наёмник прижался носом к её щеке и счастливый, приоткрыл веки. Отныне он не дрейфует, потерянный среди вод жизни. Берег найден... И он готов потопить корабль, если это потребуется, но ни за что не покинет её гавань.

Глядя на обнажённые изгибы тела Фриды, Конраду не верилось, что, будучи такой subtilной, та способна сражаться долгое время с противниками, превосходящими числом. Она казалась ему очень хрупкой и нежной. Всё это поражало воображение. И перо способно разрубить меч... Как же бывает порой обманчива внешность. Под глупыми лицами прячутся мудрецы. Под пугливым взглядом — тот, кто в конце победит. Под холодностью — самое доброе сердце. Под весёлой улыбкой — страшная боль. Под тёплым общением и преданностью способны скрываться несокрушимые гордячки, которые выплюнут вас и забудут, как только вы начнёте горчить у них во рту.

Но почему? Почему нам приходится часто показывать совершенно другое чувство? Наёмник не знал ответов... Он только осознавал, что любовь аливитянки правдива, и этого ему было достаточно. Ему было всё равно, что она не всегда говорит то, что испытывает на самом деле. Его не волновали её игры в поведении и то, как желает она поставить себя в том или ином месте.

Главное, что любовь к нему не была представлением. Пусть она меняет грим и эмоции, пусть она то кричит, то смеётся. Но её чувство к нему совершенно не меняется. Конрад знал, что любовь Фриды не уменьшится. Он обрёл того единственного человека, которому верил...

Наёмник не находил в себе сил, чтобы оторвать губы от белоснежной шеи воительницы. Ибо она завораживала, словно древовидная камелия с её безупречными цветками, источающими тонкие, едва уловимые жасминовые и лимонные ноты.

Руки Фриды стянули через его голову рубашу и обвили спину. Её горячие груди слегка обжигали ему кожу, заставляя Конрада улыбаться от трепетного наслаждения.

Линг мужчины стоял пылающим крепким колом. Но тот не собирался торопиться. Он целовал её колени, обхватывая с нежностью бёдра. А после вновь возвращался наверх, прикладывая губами к векам аливитянки. И стараясь подарить свою любовь каждой её ресничке, дабы не упустить и крупитцы Фриды.

Ладони жительницы Саркена скользили по его брюкам. Она старалась их сбросить. Он помогал сделать это, но не отрывая своего языка от её сосков.

Конрад парил под звёздным чудесным небом, несмотря на то, что был день, и на то, что небо на теневой стороне довольно жуткое. Воительница уютно обнимала его своими выразительными глазами, а значит, всё точно хорошо. От её кожи исходил свет, изгоняющий колючий мрак из мыслей.

Да, мало кто способен наслаждаться волшебством во время соития тел. Но когда нет высоких чувств, есть лишь похоть. Короткая и несчастная. Она не дарует нам вечность. Она наоборот, показывает серую безысходность. И чем больше мы в неё погружаемся, тем больше покрываемся грубой коркой. Расставляя и деля своё существование на обязанности и рутину. Мы мчимся без передышки вперёд, ища новые прелестные образы. Но находим всё старое. И виним в этом жизнь... А виновных нет. Вопрос только в том: кому стоит открыть своё сердце нараспашку. И если выбор однажды окажется верным, то сплетение влажных тел до самой гибели не перестанет приносить ароматы цветов вместо короткого дикого выплеска семени и судорожного, конвульсивного, но испаряющегося на глазах удовольствия.

И, несмотря на все свои многочисленные половые связи в прошлом, наёмник в первый раз брел с кем-то по цветущему саду. Он знал, что когда всё подойдёт к концу, то эти цветы не завянут. Их не придётся сажать каждый раз в периоды повторных утех. Они будут благоухать, пока лёгкие насыщает воздух, пока по сосудам течёт кровь.

Лицо Фриды находилось так близко от его, что носы соприкасались. Языки их ласкали друг друга. Линг Конрада упорно пробивался в её тёплое лоно. Она прикусила кончик его носа и широко улыбнулась, оголив крепкие ровные зубы. Мужчине передалось её игривое настроение. Углы рта тоже поехали вверх.

Аливитянка водила пальцами по его напряжённым рукам, также стараясь не упустить ни одной частички тела. Ей хотелось находиться в полном слиянии с ним.

Он нависал над ней, крепкий, как могучий дуб. Укрывая собой жительницу Саркена от суетных проблем. Толчки его ускорялись. Они с каждым мгновением вызывали у неё всё больше мурашек в области пупка. Наёмник почти не отнимал губ от впадин рядом с её шеей. Он словно пил из них невидимый эликсир счастья.

Воительница же учащенно дышала, расслабив свои бедра в его ладонях. Она не расстраивалась, что скоро это всё закончится. Ибо взгляд Конрада выдавал его. Их пламя уже невозможно потушить, вне зависимости от того, чем бы в дальнейшем оба они не были заняты.

Им удалось стать частью друг друга, но при этом не ослабнуть, как отдельным личностям. Они с удовольствием потерялись, но у них есть карта. Наёмник поделился с ней порцией своей силы, а она в ответ — своей. Теперь он знает о ней всё, что нужно, так как половина души у аливитянки похожа на его собственную.

Конрад слегка прикусил мочку её уха и впился в неё страстным поцелуем. Фрида сладостно и тихо застонала. Но этот звук заставил биться сердце мужчины с двойной

мощью, от чего кровь по сосудам понеслась с бешеной скоростью.

Её приоткрытый рот, её влажные облизанные губы, её отрывистое дыхание и приглушенные стоны вскружили ему голову. Они уносили их обоих в бесконечность.

Конрад гладил впадину воительницы на животе, под рёбрами. Он с удовольствием водил ладонями по её мягким упругим грудям.

Волосы её, раскинувшиеся по подушке, съезжали назад и вперед в такт движениям наёмника. Фрида, вспотевший рукой ласково ухватилась за его запястье.

Прохладный воздух наполнялся от них жаром. Они будто пребывали в иной реальности, а здесь лишь на миг материализовались, как путешествующие призраки ради забавы. Конрад целовал её точеный подбородок. Каждую линию и каждую пядь жительницы Саркена покрывал его поцелуй.

Он обхватил её голову по бокам пальцами. Движения наёмника участились. Из линга вот-вот вырвется фонтан семени. По коже их пробежала будоражащая электрическая волна. Фрида резко выгнулась назад, широко раскрыв рот и застонав так громко, что чуть ли не эхо пронеслось по крепости.

Конрад с протяжным вздохом вынул линг из её лона. Липкое семя хлынуло на живот воительницы. Она радостно взглянула ему в глаза.

Мужчина не желал прекращать свои поцелуи. Губы его с жадностью прикладывались к её румяным щекам, лбу, носу и к макушке головы. Он вляпался руками в семя и размазал белую массу. Они рассмеялись, словно безумцы. Голые их тела долго ещё резвились на кровати в объятиях друг друга.

Несколько минут назад, никем не замеченная, на порог спальни ворвалась Амелия. Она не хотела терять много времени, поэтому решила позвать Конрада на новое испытание. Ведьма никак не ожидала увидеть то, чем они там занимались вдвоём с Фридой.

Заметив их нагими на постели, чародейка резко скрылась за стеной. И, сделав один вдох, со всех ног помчалась в самую дальнюю башню. Ей было страшно, что она не сможет удержать в груди крик боли.

Волшебница хорошо понимала, что наёмника винить не в чем, как и аливитянку. Амелия никогда не была его девушкой. Но от этих мыслей ей вовсе не становилось легче.

Ярость наполняла всё существо. И обращена та была только к ней самой. Она обвиняла себя за молчание, за закрытость. За собственную боязнь и за опасения в прошлом.

Ведьма точно знала, что любила его в глубине души. Не только наёмника раньше пугало его влечение к ней. Но и ей тоже было страшно. Ей не хотелось попадать в ловушку любви. Потому что это чувство она представляла себе именно так.

Сейчас же чародейка свободна... И холодные слезы градом несутся из глаз. Она старалась сдержать отчаяние и гнев, перекрывающие кислород. Однако ладонь её невольно раскрылась. В башне, где Амелия заперлась, вся мебель разлетелась в щепки.

Волшебница лишь надеялась, что на шум никто не придёт. Ей совершенно не хотелось, чтобы её узрели в таком состоянии. Но замок был достаточно огромным. До посторонних ушей не доносились сладострастные стоны влюблённых, как и подозрительный треск от разрушений.

Два дня спустя

Иорик прогуливался по третьему этажу с деревянной площадкой в руках, из которой он периодически хлебал тёплый бульон.

Поэт присел на край шаткого кресла, покрытого толстым слоем пыли. В комнату к нему уверенным шагом вошла Амелия и замерла визави.

— Что-то случилось? — Бэбкок уставился на неё. Мышцы у него напряглись, как у испуганного кролика.

Но ведьма молча помотала головой и приблизилась. Красивые руки с длинными пальцами ловко развязали кушак на его кафтане. Мужчина совершенно не понимал, к чему она проделывает такой кульбит. Не успел он ничего толком спросить, как чародейка спустила со своих плеч заранее расшнурованное чёрное блио. Нежно-розовые груди её оголились. Соски стояли торчком.

— Амелия! — вскричал Иорик. — Что за гривуазные выходки? — он хотел убежать, но ноги не двигались с места, словно у замороженного.

Поэт сильно сконфузился. Тарелка выпала из его хватки. Содержимое забрызгало сапоги. Полуобнаженная волшебница же прижалась к нему. Платье вот-вот сползёт с её округлых бёдер.

— Ты не хочешь меня? — она облизнула Бэбкоку правое ухо.

Тот, наконец, вздрогнул и отскочил.

— Послушай, — нервно начал он. — Мне не нужно нечто подобное! И я... Я дезавуирую не потому, что не имею желаний... Или не потому, что ты не соблазнительная. Просто это всё так дико! Оденься, пожалуйста!

Ведьма взглянула на него с отчаянием, сменяющимся холодной злобой. И поспешно набросила верхнюю часть блио обратно. Поэт метнулся к двери, обогнав её.

— Кажется, ты не так поняла меня! — он замахал ладонями, намереваясь не выпускать чародейку, пока не объяснится. — Амелия... Что на тебя нашло?

Она не отвечала. Лишь продолжала сверлить Бэбкока глазами, сжимая кулаки.

— Хорошо... Что ж. Ладно, тогда говорить буду я, — Иорик перевёл дыхание, намереваясь собрать разлетающиеся мысли воедино.

— Я ведь не краснойбай, ты знаешь. Хотя разве только малость. Но если посмотреть на мир с отстраненной точки зрения, то всё само по себе довольно пустое. Если ты понимаешь, о чем я, — поэт оперся спиной о косяк у входа. — Не знаю, что толкнуло тебя на такую разнузданность. Однако, отбросив деликатность, могу заявить, что догадываюсь. Но всё же это совершенно на тебя не похоже. Ты исключительный человек, Амелия, в самом отличном смысле этого слова. При атаке крепости, у которой бастионы кишат пушками, осаждающим приходится рыть траншеи, чтобы не пасть под обстрелом.

Она рассмеялась и откинулась на обшарпанный диван возле окна.

— Продолжай, — объявила Амелия царственным тоном. — Интересно, к чему ты подведешь свои теоретические знания о военном деле. В котором я, кстати, разбираюсь гораздо больше, чем ты.

— Ох... — поэт так потёр свои веки, что перед взором всё заискрилось. — Сиречь: я уже не тот, что раньше. Утехи от соития не вызывают интереса без такого важного чувства,

как любовь. Кто-то возможно, скажет, что я парю в эмпиреях. Однако лучше мечтать о достойном, нежели бросаться в омут обыденной скучной страсти, которая ничего не оставляет после себя.

Волшебница вставила ноготь указательного пальца между двумя передними зубами и задумалась.

— Решил стать степенным? — поникшим голосом спросила она.

— Пожалуй, это куда лучше, чем то, что ты предлагала сейчас, — с серьёзным видом ответил Иорик. — Когда крепость захватывают молниеносно и легко, то это не вызывает того удовольствия, как, например, при долговременном бое. При таком сражении, когда нет уверенности ни в чем. Я это к тому, что всё высокое даёт высокое. А низкое даёт только низкое. Если пару лет назад я беззаботно плыл по прозрачному узкому руслу на рыбацкой лодочке и восторгался пышными грудями любой женщины, которая проявит ко мне внимание. То теперь же... Моя жизнь похожа на фарватер. В нём значение имеет уже большое судно, несущее истины. Потому мне не нужно соитие с красоткой. Я ищу улов крупнее. Я ищу любовь.

— Ты просто смешон! — ведьма презрительно скривила губы. — Жалкий дурак!

— Ну, я хотя бы не лицемер, как ты! — парировал поэт. — Может, хватит казаться сильной? Думаешь, что я не смогу понять тебя? Долго ещё собираешься носить маску или всё же не испугаешься и откроешься?

— Считай меня просто фривольной, — безэмоционально отчеканила чародейка и поднялась с места.

Иорик преградил ей дорогу.

— Хватит, Амелия! Когда ты выйдешь через дверь, так и не описав того, что творится на душе. То твоим другом я больше называться не буду. Своё презрение оставь для чужаков. Но ко мне так относиться не позволю.

Она пожала плечами. По лицу её пробежала нервная дрожь. Он заметил, как глаза подруги с каждой секундой намокали плотнее.

— Я любила его, — натянуто выдавила чародейка. Бэбкоку не требовались уточнения, чтобы понимать, о ком идёт речь. — Но либо я слишком самовлюбленная и гордая, так как никогда бы не созналась в подобном. Либо я настолько не люблю саму себя, что избегаю любви к другим. С детства я из кожи вон лезла, чтобы родители сказали мне хотя бы одно доброе слово. Мать изменяла отцу направо и налево. Ей не было до меня никакого дела. Её волновали только пышные дорогие наряды и изливания ухажеров. Я же почти всё время проводила сначала с няньками, затем с гувернантками. А отец думал только о политике и о золоте. Он рассчитывал выдать меня удачно замуж за титулованного мужчину, чтобы стать ближе к королевскому двору, — слезы затекали ей в рот, а иные капли срывались с подбородка. — Внимание они обратили на меня только тогда, когда поняли, что у меня есть магические способности. Что в кругу знати считалось мерзостью. Благородная кровь не должна нести в себе колдовские пороки. Дабы никто не прознал об этом, меня закрывали дома, словно в тюрьме. Когда я случайно применяла волшебство, так как не умела ещё контролировать энергию, меня пристегивали на цепи в подвале и били до тех пор, пока я не попрошу прощения. Ты даже не представляешь, каково это — просить прощения, когда ты ничего плохого в особенности не сделала. Нет ничего удивительного в том, что я сломалась. Я просто родилась на этот свет и была в этом виновата. Всю свою проклятую жизнь я старалась быть хорошей. Я старалась доказать себе, что могу приносить пользу. Я ждала

похвалы. Я хотела заставить поверить себя, что я здесь не лишняя. Мои родители навсегда внушили мне, что я кусок дерьма. А я так и не поняла, почему. Я уже давно не знаю, что значит быть собой. Потому что когда я пыталась быть собой, меня таскали за волосы и ломали ребра. Для родителей я могла быть хорошей только без магии. Они желали, чтобы я избавилась от неё, но не понимали, что это часть меня. Они мечтали, чтобы я надевала платья, расшитые драгоценными камнями и прикидывалась светской тупицей. Чтобы послушно вышла замуж за того, кого не люблю. И теперь, — слова, вырывающиеся из её груди, дрожали от гнева. Она захлебывалась горькими слезами. — Теперь... Ты спрашиваешь меня, почему я такая закрытая. Тебя удивляет, что я никому не позволяю знать своих чувств? Я же просто привыкла молчать. Ибо стоит мне только раскрыть сердце, как меня тут же столкнут в подвал. И будут бить, пинать, пока я не попрошу прощения. И эту картину уже никто и никогда не вытянет отсюда, — она указала пальцем на висок.

Иорик ощутил, как в горле встал ком. Он заключил подругу в крепкие объятия. И впервые, наверное, поэт не представлял, что сказать. Амелия замочила ему всё плечо. Влага пробралась через одежду до кожи.

— Ты хотел понять, что у меня на душе... — тихо произнесла волшебница. — Я задыхаюсь, Иорик. Вообрази, как тебя окунают постоянно с головой в воду. Ты пытаешься вынырнуть, но от тебя это не зависит. Ты способен испытывать только страх и мучения. Но умереть тебе не дают. В какой-то момент тебе позволяют сделать один вздох. Однако затем вновь топят. И так без конца. Один поток кислорода и снова удушье. И что самое страшное... Когда-нибудь ты начинаешь привыкать. И уже боишься бороться. Сам добровольно убиваешь надежды.

— Спасибо, что поделилась всем! — Бэбкок, обхватив её локти, заглянул в глаза. — А сейчас тебе пора умыться и продолжить занятия с Конрадом. Мы обязаны выстоять в этой битве под названием жизнь. Но для этого потребуется множество отдельных побед. И я уверен, что между ними найдётся достаточно времени, чтобы дать себе возможность быть собой, быть слабым.

Амелия вновь надела маску и вышла. Шаг её был властным. Взгляд спокойным и уверенным. Наемник ожидал ведьму в пустом вестибюле.

— Чего так долго? — он развел ладонями. — Обычно тренировки уже вовсю идут. Ты в порядке?

— Приготовься, — хладнокровно изрекла чародейка с хрипотцой.

Она направила на него ладони. Одна бровь её поползла вверх. Мужчина почувствовал, как по телу пробежала ледяная волна. Из ноздрей хлынули струи алой крови.

— Что ты делаешь? — вмешалась стоявшая возле колонны Фрида. — С каждым разом ему всё хуже!

— Не вмешивайся! — не глядя на неё, отчеканила волшебница.

Аливитянка хотела было продолжить, но, заметив бездушный, жуткий взгляд Амелии, передумала.

Веки Конрада захлопнулись. Он видел в своём сознании ведьму с серебряным клинком.

— Защищайся! Или сдохнешь, ничтожество! — она ринулась на него.

Все прежние испытания не были такими. Теперь же от неё исходил смертельный напор. Что-то ему подсказывало, что она не лжет. Амелия решила больше не мелочиться и не давать шансов.

Наёмник вынул из ножен меч. Однако не успел он встать в стойку, как ведьма с разбега

влетела ногами ему в грудь. Дыхание сбилось... Он повалился на землю, усеянную черепами. Лезвие её меча с поразительной скоростью и непоколебимо метнулось к его шее. Зрачки мужчины расширились. Если бы не поспешный уклон, от него осталось бы лишь безвольное тело.

— Ты собираешься защищаться? Или умеешь только пиво в тавернах пить и шляхам между ног присовывать? — чародейка обхватила рукоять оружия двумя руками, направив на него остриё.

Конрад понимал, чего та добивается. Она старалась вывести его из себя.

— Ведомый кусок дерьма! Не мудрено, что твоя мать от тебя отреклась! — ведьма ехидно ухмыльнулась.

Он замечал, как ярость начинает закипать внутри. Удар ногой пришёлся прямо в её колено. Амелия потеряла равновесие. Но не растерялась. Только наёмник навел меч, как она со всей мощи зарядила ему в пах. Из его рта вырвался вопль. Медлить было нельзя. Чародейка рассекла ему руку.

— Ты вообще на что-нибудь способен, кроме того, как ползать перед богатыми вельможами, словно ручная сука? За золото готов кого угодно убить? Да? — не прекращала волшебница.

Конрад сделал кувырок и нанёс удар лезвием ей в левый бок. Но она будто не замечала боли.

— Вы только посмотрите на его корявые выпады! — она злобно рассмеялась. — Теперь понятно, почему Грегори мертв. Ты не способен защитить даже близкого друга! Зря я верила в тебя!

Амелия стиснула зубы и использовала обманный полуворот. Но наёмник был готов. Клинки их схлестнулись. Однако в разуме её невозможно оттолкнуть, словно в теле той заключена сущность гигантских гор. Она не двигалась с места, сдерживая противостояние.

Наёмник выровнял лезвие, собираясь высвободиться из тупика. Но чародейка рванулась, будто коршун, вниз, выхватив из сапога нож. Она нанесла два четких молниеносных удара в плечо. Конрада подкосило. Из глаз прыснули слезы. Острая боль пронзила всю верхнюю часть туловища.

— Как же скучно с тобой биться. Словно с неумелым бродягой с улицы. Ах да, забыла, ты и есть бездомный нищоброд. А ведь о тебе, ослиная морда, сочиняют песни в народе. Видимо, восхваляют всегда самых никчемных! Людям нравятся тупые. А что гениально придумал: нацепил на себя хмурый мужественный вид — и дело в кармане. За серьёзностью часто видится ум. Но меня-то ты не обманешь. Я знаю, что за этой суровой бородой скрывается неумелый тугодум, страстно желающий пить вино, трогать монеты и шлях за задницы.

Конрад широко улыбнулся.

— Амелия, я не смогу же тебя здесь одолеть? Так?

— Конечно, нет! Ты же даже жопу свою поднять не мог с места, когда Карлин с Тарой отправились в опасное путешествие. Вот такой ты паршивый друг!

— Но я могу перенести тебя на свою территорию! Там ты уже перестанешь быть главной в разуме, — весело произнес наёмник.

Ведьма ошарашенно уставилась на него. Мужчина хлопнул в ладони. Декорации поменялись. Они оказались на ночном небе среди бледно-голубых мерцающих звёзд. Амелия посмотрела под ноги. Руки покрылись мурашками от переполняющей радости. Но было

слишком рано показывать это ему. Испытание не закончено. Пальцы левой руки метнулись в карман за дротиками. Но те остановились в нескольких сантиметрах от его лица.

— Здесь мои правила, — он направился к ней.

Во взгляде ведьмы вспыхнуло пламя, и лезвие оружия охватило огненные языки. Конрад атаковал из верхней стойки. Ей удалось ударить его эфесом в челюсть. Он перестроился и рассёк Амелии спину. Она ощутила боль. Кровь заструилась по одежде.

Углы рта у наёмника всё никак не опускались вниз. Для него жестокое испытание превратилось в забавную игру. Выпад из средней позиции... Уклон... Рывок... Он провернул клинок в её животе. До ушей донёлся мерзкий хлипкий звук. Ведьма повалилась замертво.

Аливитянка подбежала к Конраду.

— Всё хорошо, Фрида, — придя в себя, ответил тот. И тыльной стороной вытер засохшие корочки под носом.

Амелия одобрительно смотрела на него, сидя на ступенях лестницы.

— Слушай, слова, которые я говорила в твой адрес во время тренировки, не имеют правды. Мне пришлось их сказать, чтобы заставить тебя бороться. Необходимо было ускорить процесс, — ведьма убрала локон волос за ухо.

— Я это сразу понял, — он подошёл к ней и пожал руку.

— И как успехи? — вопросительно уставилась на их довольные лица Фрида.

— Конрад смог поразить меня, когда я вторглась в его разум. Хотя до этого я убивала его мириады раз. А ещё он научился создавать дополнительные пространства и использовать их в свою пользу. Так что думаю, что скоро мы уберёмся из этого места. Ибо, в крайнем случае, у него получится скрыться от власти безмолвных в собственных потоках разума. У них же, скорее всего, не выйдет через них прорваться. Я лично на это надеюсь.

— Но этого всё равно ещё слишком мало, — наёмник обнял воительницу за талию. — Мне предстоит научиться использовать энергию и в реальности. А с этим пока дела обстоят из ряда вон плохо.

— Не всё сразу! — похрустела шеей ведьма.

Ночью

Иорик ворочался в постели. Обнажённый образ волшебницы подействовал на него, как маслодавальня, перемоловшая все размышления, словно семена. С улицы слышен был вой, к которому уже все из них привыкли.

Он пытался изгнать из памяти её груди и прикосновение рук. Но всё было тщетно. Поэт с бешенством перевернул и взбил подушку. "Ну за что? — проворчал Бэбкок". По телу пробегали электрические импульсы. Её голова на его плече... Дыхание рядом с ухом...

Иорик не выдержал и поднялся с постели. Натянул обувь. Внизу, возле очага, он увидел чародейку. Она сидела в одиночестве и пила горячий мокко из фарфоровой побитой чашки.

— Ты вообще когда-нибудь спишь? — Бэбкок удивился.

— По два часа в день, — равнодушно отозвалась Амелия. — Я недавно поднялась. До этого дежурили Конрад с Фридой. Я стараюсь не отвлекаться надолго от стражи ворот. Во сне слабо получается контролировать магическую защиту. А ты чего не отдыхаешь?

— Да я особо и не уставал в последние сутки, — пожал плечами Бэбкок. — Но я бы с радостью убрался из теневой стороны.

— Тогда я тебя поздравлю. В ближайшее время выдвинемся в Саркен. Конраду нужна безопасность. У меня есть подозрения, что какая-нибудь птица на хвосте разнесёт всем весть о том, что он сын безмолвного. И нам одним не выстоять против армий. А воительница

сказала, что аливитянки нас поддержат. Действительно ли будет так, я не знаю. Люди способны менять своё мнение в любую секунду.

— Но кто станет разносить информацию? Об этом же знаем только мы, — Бэбкок нахмурился.

— Не переживай! Никого я здесь не подозреваю. Однако у мира всегда найдутся лишние глаза и уши. Я привыкла рассматривать все варианты. Так что опираться лучше заранее на худший поворот событий.

* Остбон. В одной из потайных комнат дворца. *

— Вы действительно полагаете, Ваше Величество, что когда в Лириане узнают о моём похищении, то вам удастся избежать серьёзных последствий? — Мабалия Тью, развалившись в гамаке, с хладнокровным видом поглощала яблоко.

Тисса, невозмутимо сцепив ладони, стояла поблизости.

— Я рассчитываю на ваше благоразумие! Всё будет зависеть только от вашей реакции. И я надеюсь, что вы не из тех, кто предпочитает войну. Было бы великолепно, если бы вы, наоборот, рассказали мне всё, что знаете насчёт планов Эриндела, — отозвалась королева.

— Это допрос? — даже не повела бровью эльфийская советница.

— Я уже говорила вам о том, что в Дормане никто не посмеет оказывать на вас давление! Если сообщить нечего, то хорошего вам отдыха, — Её Превосходительство улыбнулась и, шурша пышными юбками платья, удалилась.

Когда за Тиссой закрыли двери, она обратилась к стражникам:

— Не спускайте с неё глаз. Мабалия, скорее всего, попытается подкупить кого-то из вас или обмануть. Она весьма проницательная, так что ожидать можно всего, что угодно с той стороны, с какой, казалось бы, тупик. И проследите, чтобы эльфийка ни в чем не нуждалась. Все вещи и пищу проверяйте с помощью магии. На каждом дежурстве должна присутствовать одна из ведьм ковена.

Подданные одновременно кивнули ей в ответ. Королева же, вернувшись в своё крыло, призвала к себе воинов-ищеек. Их она попросила следить за стражниками, приставленными к советнице Лириана. Тисса гордилась и высоко ценила дорманцев. Но когда дело касалось чего-то крайне серьёзного, то старалась не рисковать.

Однако, Её Величество не остановилась даже на этой предосторожности. Она конфиденциально встретила со своим двоюродным братом, отвечающим теперь за скрытый личный орден рыцарей сестры. Дабы тот поставил опытного шпиона, которому он лично доверяет, для того, чтобы контролировать действия воинов-ищеек.

— Наша подневольная гостья, скажем так, явно догадается, какую многоступенчатую охрану я за ней установила. Так что надеюсь, что на твоего человека я хотя бы смогу полагаться со спокойным сердцем? — произнесла тихим тоном та.

— Я скажу так, — Бедфорд поджал губы, сощутив глаза, — клянусь своей жизнью, что мой шпион служил, служит и будет служить только тебе. На его преданность я бы смело рассчитывал. Но что делать в том случае, если выяснится, что Мабалии удастся кого-то переманить?

— Я думаю, что тебе это известно куда большее, чем мне, — Тисса вздохнула. — Дай Дахман, чтобы среди нас оных не оказалось.

— Я про казнь... Публичная или вдали от глаз? — он прокашлялся.

— Предателей никто не любит, но я бы предпочла не показывать народу жестокость. Это весьма пугает некоторых чересчур впечатлительных личностей без стержня внутри. Остальным достаточно будет знать, что судьба всех предателей одинакова — смерть. Быстрая и бесшумная...

Они распрощались. Её с нетерпеливым видом в будуаре ожидал сенешаль в остроконечных красных сапогах. Его седые брови почти никогда не двигались. Все эмоции

выдавали лишь движения пальцев. Лицо же словно каменная маска.

— Ваше Превосходительство, дружественный обед готов! Вот-вот в зал нагрянут союзники, — с некоторым отвращением в голосе выдал Мафолк.

— А как дела обстоят с банкетом для горожан и подданных гостей? — облизнула зубы Тисса.

— Мясо запекается на вертелах. Свежие хлеба сводят своим запахом с ума. Открыли несколько бочек с вином. Фрукты выдали, — отчеканил сенешаль.

— Это хорошо, что несколько бочек. Дорманцам лучше не перепивать, а то кто знает, чем всё может закончиться. Мне не нужны кровавые драки в столице. Вы, как всегда, отлично знаете, что стоит делать, Мафолк. Благодарю! Назначаю вас ответственным за порядок среди населения. В ваше распоряжение я уже выделила сотню рыцарей. Сегодня никто не должен оступаться! Ибо от этого обеда с главами союзников зависит слишком многое... — она запустила пятерню в волосы. — Кстати, как вы думаете, в каком наряде мне лучше перед ними появиться? У меня же ещё есть время? Стоит посетить их в чём-то изысканном или, желательнее, в совсем простом виде?

Сенешаль замешкался от столь необычного вопроса в его адрес.

— Я полагаю, что это не совсем относится к моей компетенции, — он почесал затылок. — Но неужели это имеет значение?

— Вы меня пугаете, Мафолк, — она одарила мужчину разочарованным взглядом. — Когда дело касается весомых событий, там роль играет абсолютно всё. Ладно, идите и задержите своими разговорами гостей. Будет не совсем прилично, если в обеденном зале они появятся раньше меня. И попрошу вас, чтобы в ваших речах не читалось презрение ни к кому из них. Или вы поплатитесь своей головой.

— Ваше Величество, — покрылся красными пятнами сенешаль, — как вы могли обо мне такое подумать? Я всегда стараюсь вести себя деликатно.

— В том-то и дело, что стараетесь. А нужно, чтобы такие вещи шли сами, изнутри. Идите! — отрезала Тисса.

Мафолк резко поклонился и с раздраженной дерганностью удалился.

— Как многие имеют седины, но при этом мозги у них будто у младенцев, — заключила вслух королева, оставшись одна и поглаживая Голиафа по морде.

Спустя час она проскользнула через скрытую дверь из своих покоев прямо в зал для приёмов. Там находились только лакеи. Сенешаль превосходно исполнил её просьбу. Посетителей удалось занять на некоторое время в музее на площади.

Церемониймейстер, спросив предварительно её разрешения, впустил прибывших. Первым вошёл новый князь вурдалаков — Вимон. На нём сидел голубой жилет поверх бежевой рубахи. В ножнах на золотой подвеске покоилась шпага. Следом появилась Ханна с развязной походкой и в кожаном длинном бардовом платье. Боевого топора при ней не находилось, но сквозь боковой разрез явно виднелись на подвязке ножи. Затем широкоплечий предводитель орков — Рогир. Пояс его увешивали кинжалы. За спиной виднелся меч-спата. На лице того играла коварная ухмылка, не вызывающая ни у кого ничего хорошего. Тисса хладнокровно это снесла. Только её усиленно раздувающиеся ноздри могли намекнуть на негодование. В глазах же по-прежнему читались спокойствие и благосклонность.

За окнами, на улице, кипарисы и туи красовались объёмными шапками из кухты.

Последним объявился лысоголовый правитель майотов из Саркена — Линт. Кожа его

обладала медным загаром. В руках он держал копьё изящной работы, украшенное синими и коричневыми перьями.

После сухого формального приветствия все принялись за трапезу. Никто особо не решался нарушить молчания. Королева сама не совсем понимала, с чего конкретно начать разговор. Ей казалось, что она ещё слишком мало прощупала почву под ногами.

Перед подачей десертов не смогла больше сдерживать своё любопытство Ханна:

— Ваше Величество, что с вестями из Хайриана? И из диких земель? Я не вижу здесь их представителей.

Для аливитянки существенно было знать про северное государство, ибо ранее Фрида поведала замыслы насчёт путешествия в те края. А она, как истинная правительница и в главную очередь друг, всегда беспокоилась о подданных.

— Я отправила посланцев к хаирианцам, чтобы те лично узнали причину молчания. Но меня не так беспокоит отсутствие ответа, сколько тот факт, что моё обращение даже не вскрывали, — Тисса поправила салфетку на коленях.

Королева выбрала золотую середину для образа по такому случаю. На ней покоилось серое простое платье из шерсти в пол с белыми кружевами на рукавах. Из драгоценностей было только никогда не снимаемое кольцо с жёлтым камнем. Волосы заплетены в тугую косу, уложенную в форме круга на макушке, что придавало ей строгий вид. Румяна и яркую косметику Тисса тоже не использовала. Лишь сильно напудрилась, от чего походила на грозную статую, с подвижными цепкими глазами.

Воительница напряглась от таких сведений. По лбу пробежали задумчивые складки.

— А с главарём варваров пока что ничего неизвестно, — продолжала правительница Дормана.

— Стоит ожидать неприятностей? — вмешался вурдалак Вимон, допив из бокала козью кровь.

— Если и так, то дорманцы с этим справятся, — Тисса погладила свой живот. — Однако было бы превосходно собрать здесь сегодня всех. Ибо на кону общая проблема...

— А остроухие только языком чесать умеют и прятаться в лесу? — грубым голосом начал орк Рогир, насытившись рулетом из свинины.

— Давайте не будем оскорблять тех, кто отсутствует, — как можно мягче высказалась королева.

— Я слышал о том, что они украли драгоценные запасы Йлайя, — не прекращал тот. — Странно, что вы вдруг стали терпеть подобное. Или вам они не нужны? Скорее всего так. Потому что когда вам что-то нужно, то вы сразу бросаетесь брать крепости, — съязвил он.

Её Превосходительство еле заметно улыбнулась. Такого поворота стоило ожидать.

— Не переживайте! Мы сможем разобраться с тем, что касается только нас. Теперь же предлагаю перейти к теме куда более серьёзной, — она постучала ногтями по столу. — Однако, прежде чем обсуждать план, я бы хотела узнать окончательное ваше решение, Рогир. Орки единственные оставили договор без уточнений. Даёте ли вы согласие на тех условиях, о которых я сообщала недавно?

Он оголил клыкастые зубы и долго пронизывал её внимательным плотоядным взглядом.

— Для этого мне нужно поговорить с вами наедине, — наконец орк отозвался.

— Это весьма нежелательно, — спокойным тоном изрекла Тисса. — Так как от союзников не должно быть никаких секретов. Но... Если это касается только моего народа, то прошу вас пройти в кабинет, — Её Величество поднялась из-за стола.

Они отправились в левое крыло у солнечной стороны. Но когда дверь уже закрывалась, внутрь стройным шагом вошло четверть рыцарей. Королева грозным взглядом сверкнула на них.

— Одну минуту! Прошу прощения, — обратилась она к орку и вышла, позвав за собой подданных.

— Что всё это значит? — прошипела она им.

— Моя королева, мы не имеем права оставлять вас наедине с... С тем, кто совсем недавно был нашим врагом. Бедфорд отдал нам приказ! Охранять вас! Если мы ослушаемся то он с нас шкуру живьём спустит, — отчеканил главный из них. — И даже если бы не приказ, то мы всё равно бы вас не оставили.

— Я пытаюсь вызвать доверие у орков. А как вы смеее всё портить, вторгаясь с оружием? Вы вообще соображать умеете, несчастные? — Тисса оскалилась от гнева. — Убирайтесь вон! Или полетите со службы! А то и вовсе ваши головы свалятся с плеч!

— Простите, Ваше Превосходительство, но мы верно служим короне! — парировал хладнокровно рыцарь с плюмажем. — В ваших интересах и в интересах государства, чтобы мы остались. К тому же у союзников у всех при себе оружие. Мы и так пошли на значительные уступки, дабы не просить тех оставить его при входе.

У королевы нервно задрожало правое веко. Она влетела в кабинет, где ожидал Рогир.

— Прошу вас, будьте так любезны, дайте мне вам меч, — обратилась к нему.

Орк опешил. Сначала её слова вызвали подозрения, но, взглядевшись в открытое лицо Тиссы, что-то заставило того не отвечать резко. Ему стало весьма любопытно, что она намерена делать. Рогир молча подал клинок.

Королева ринулась с ним на своих же подданных. Со всего маху она вонзила лезвие в голень одному из рыцарей. На пол хлынула кровь.

— Вы, осмелились дать себе волю в том, что я не думаю в интересах страны? — вскричала правительница. — Кто даёт вам право выставять меня в таком положении при гостях?

Следующий её удар рассек щеку второму воину. На крик и суматоху примчались перепуганные лакеи.

— Живо позовите стражников, и пусть этих наглецов бросят в темницу! — с бешенством воскликнула Тисса и, захлопнув дверь, вернулась к гостю.

— Простите, что запачкала ваш меч. Вот, возьмите мой платок.

Она отдышалась. Кровь кипела в голове. Руки то и дело сжимались в кулаки. Орк уселся в глубокое низкое кресло, вытирая лезвие с равнодушием.

— Так о чем вы хотели со мной поговорить? — она вперила на него взор.

— Чего вы добиваетесь? Желаете сделать из нас посмешище?

— Честно сказать, я не совсем понимаю, о чем вы... — нахмурилась Тисса.

Рогир презрительно усмехнулся.

— Мой народ берёт всё силой. Мы по-вашему похожи на тупоголовых земледельцев, которые не разгибают спин в поле?

— Тупоголовых? Знаете, если бы вы были дорманцем, то я бы зарядила вам пощёчину за такие слова в адрес умелых трудяг и опытных профессионалов своего дела! Но так как вы никогда не имели близости с каким-либо ремеслом, кроме военного, то на первый раз такое замечание простительно! Или вы полагаете, что я стану унижаться перед вами и бояться возражать? Только потому, что я решила попросить о разумном объединении? Знайте,

Оргир, у меня есть терпимость ко многим вещам, как и сочувствие с пониманием. Но даже моему спокойствию рано или поздно приходит конец. При мне лучше не оскорблять обычаи моего народа! Я не стану долго раздумывать, а просто в один из дней армия Дормана дойдёт до ваших границ и выкурит вас из крепостей. И каждого посадят на колья. Ах, да... И, кажется, вы слышали, что никто из здешних правителей угрозами на ветер не разбрасывался. Хорошая традиция... Не правда ли? Я тоже её придерживаюсь.

— Вы слишком вспыльчивы для рассудительной королевы, каковой вас величают в окрестностях. Но если учесть тот факт, что вы самка, находящаяся в положении, то, наверное, тоже на первый раз вас стоит простить, — парировал орк.

Тисса решила пропустить его наглое замечание мимо ушей. В воздухе и без того хватало напряжения. Во всяком случае, ей необходимо сохранить самообладание ради будущего.

— Послушайте, Рогир, в природе звери иногда едят себе подобных, в самых крайних случаях. Пример, возможно не самый лучший. Так как не думаю, что орки едят орков. Но... Вы попросили у нас людей. В письме я вам объяснила, почему такое поведение недопустимо. И...

— Я вас прекрасно тогда понял, — перебил он. — У вас хорошо получается приводить доводы. Поэтому я не собираюсь повторять подобные запросы. Но вопрос вот в чем: как вы себе представляете, должен я сообщить моим подданным, что отныне мы играем на слабой стороне, да и к тому же должны вести сельский образ жизни? Когда все годы мы жили разбоем и нам не было от этого плохо.

Королева, задумавшись, подошла к деревянному подоконнику с подушками и расположилась на нём.

— Так чего же вы молчите? — развернулся в кресле гость.

— Потому что вы прекрасно и без меня знаете ответы. И вы понимаете плюсы того, что я вам предлагала. Так что у вас явно выйдет убедить в разумности свой народ. Может быть, все будет не так гладко сначала, потому что мне тоже практически не под силу контролировать ненависть дорманцев к вам... Но всё получится.

— И зачем я, по-вашему тогда завел этот разговор? — поморщился Рогир.

— Чтобы посмотреть на моё поведение и окончательно убедиться в искреннем расположении. Я готова пойти на риск с открытым сердцем, если только тот способен дать большой шанс на благополучное существование жителей, — она исподлобья, с печалью взглянула на него.

— И сколько же вам требуется самообладания, дабы сдерживать улыбку? — орк вынул нож и принялся ковыряться им в зубах.

Тисса сдалась и сняла напускную маску, но только затем, чтобы с помощью откровенности окончательно добиться победы. Углы губ её поползли вверх.

— Ответьте мне только на один вопрос, Рогир, — королева поднялась и подошла к нему. — Почему вы понимаете меня?

— Я как-то слышал о вас некие беседы. Говорят, что вы считаете, будто в каждом народе есть выдающиеся личности, а не только погань. Так что две из них сейчас находится в этом кабинете.

— Но в таком случае, почему ваша политика...

— Так сильно отличается от вашей? — не дал закончить он. — Потому что мы не выбираем долгие пути. И я не в силах повлиять резко на свой народ. Но согласен с вами, что выгодный для всех подход найти, скорее всего, получится.

— Знаете, а я ведь очень боялась, что мой курс совершенно не является правильным.

— Сомнения не всегда так уж и плохи. Иногда они помогают добраться до единственного острова благоденствия. В то время как абсолютная убежденность способна обвалить на головы горы.

— Это же строки из книги историка, путешествующего по Восточным землям. Его, кажется, Наим звали?

— Да, — Рогир кивнул головой, глядя на неё вниз.

— Что-то мне подсказывает, что вы за свою жизнь прочли множество чудесных и великих книг. И что, возможно, мне от этого чуть-чуть повезло.

— Выходит, что так. Будь иначе... Кто знает... Вы бы были уже мертвы, — он вышел, громко захлопнув за собой дверь.

Там он заметил подслушивающих стражников и лакеев. Они вызвали у него раскатистый смех.

В то время, пока королева находилась с орком в кабинете, в обеденном зале происходил следующий диалог:

— Вы доверяете Её Величеству? — обратился Линт к аливитянке.

— Полностью, — без задержки отвечала Ханна.

— В таком случае, пожалуй, и я буду, — откинулся на спинку стула майот.

— А вот меня, наоборот, настораживает, — вклинился вампир Вимон. — Как человек, Её Превосходительство совершенно не вызывает тёплых чувств. Однако, как правительница вызывает некое уважение. Сложно спорить с разумностью выбранного ею пути.

— Но кое в чем королева всё же не совсем права, — заявил дальше Линт. — Видите ли, она оповестила нас о том, что возможные проблемы с варварами и с эльфами касаются только дорманцев. Но это же не так. Если и те, и другие отрекаются от коалиции против повелителя хаоса, то мы теряем все необходимую силу в предстоящей борьбе. Раз уж биться за существование и идеалы, то всем вместе. И к тому же, начнись война у Дормана параллельно, против обоих народов или даже по отдельности, то это нанесёт существенный урон и союзу. В том плане, если мы останемся в стороне.

— И что же вы предлагаете? Неужели вы думаете, что королева не пыталась уладить с ними все мирно? — воительница оперлась локтями о стол. — Если уж у неё и не вышло, так только потому, что та не собирается унижать своих подданных. А в этом стоит отдать правительнице государства должное. Даже перед страхом смерти не стоит пачкать совесть. Какими бы благими не были намерения, но они не должны сбивать с курса истины и отклонять от чести.

— В том-то и дело, что я абсолютно согласен с вашими словами, Ханна. А потому предлагаю нам при необходимости выступить в сражении на стороне королевы. Так будет больше шансов для всех. Сократим время, распределив опасность на каждого. Как вы к этому относитесь? — он обвёл взглядом присутствующих.

— Аливитянки не устоят перед таким соблазном, как смертельные битвы за хорошее дело. Вот и весь мой ответ, — заключила Ханна.

— Скажу откровенно: не хотелось бы ввязываться в предполагаемую резню без существенного поощрения. Но боюсь, что наш случай в полной мере исключительный. Так что на нас тоже можно будет положиться, — без энтузиазма, но уверенно изрек Вимон.

Первым вернулся Рогир и с шумом развалился на своём прежнем месте. После объявилась Тисса с заметными каплями крови на рукавах. У каждого это вызвало любопытство, но никто не решался задавать вопросов.

— У нас чудесные новости, — торжественно просияла королева. — Правитель Рогир любезно подтвердил согласие на объединение. А потому как с нами новые братья, предлагаю поднять бокалы, — её ручка резво взметнулась вверх, расплескав воду из сосуда.

Когда обсуждения были завершены и гости высказали своё мнение насчет участия в сотрудничестве. Тисса благосклонно отнеслась к дружескому вмешательству тех в судьбу Дормана. И наступил момент по выстройке боевого плана при защите от Узгулуна. Все вместе переместились в библиотеку, где хранились карты. Компания провела там большое количество часов. Ужин также подали туда.

С наступлением поздней ночи их горячие переговоры нарушил паж королевы. Он

принёс на подносе послание от коннетабля, находящегося с войсками на границе, прилегающей к землям варваров. Королева спокойно прочла письмо Ричарда несколько раз.

— Что ж, друзья, — подняла она глаза к остальным. — Пора переходить от де-юре к де-факто. Вторжение началось. Четыре часа назад варвары с Востока атаковали границу Дормана. Коннетабль со своими отрядами сдерживает натиск. Судя по его заметкам, в данный момент всё обстоит выигрышно для нас. Однако главарь диких всадников явно держит карту в рукаве. Ричард Тол предупредил меня, что ситуация больше напоминает отвлечение внимания. Он подозревает, что государство окружают. Стараясь взять в тиски. Но что самое обидное... — Её Величество перевела взволнованное дыхание. — Среди них были замечены представители эльфов, но число их не преобладает.

— Как похоже на лирианцев. Обвели вокруг пальца варваров, чтобы те выполнили за них большую часть работы. А потом выпнут тех, как дворняг обратно, — рассмеялся Вимон.

— Да, но никто из них не знает о нашей с вами новой договорённости, — заметила королева. — Думаю, что сейчас вам опасно выезжать к своим народам. Стоит послать призыв по воздушной почте.

— Придётся использовать магию, — Ханна размяла плечи. — Так как враги могут спустить птиц-перехватчиков. Конечно, какой-нибудь из пернатых посланцев и справится. Но было бы куда лучше, если бы нам всем удалось не спугнуть никого. Дабы мышеловка захлопнулась окончательно и бесповоротно. К чему же бегать за выжившими и сбежавшими мышами.

— Таковые в любом случае останутся... Эльфы... Весомая часть из них сидит дома, делая вид, что они ничего не знают, — Её Превосходительство закусила край верхней губы. — Но если повезёт, с ними удастся уладить всё гуманным путём. Простите! Я не могу сообщить вам подробностей, при всём доверии и уверенности, либо от этого зависит чужая жизнь. Но вы, Ханна, подали дельный совет. Я сейчас же попрошу, чтобы люди леди Эрлин занялись заклинаниями срочно. И чародейки помогут вашим войскам переправиться несколько быстрее.

— Значит, вот что я предлагаю. Что-то я засиделся за столом переговоров, — Рогир обнажил меч и прокрутил его в руках. — Пишем быстро обращение к своим армиям. А сами отправляемся на веселье, — он широко улыбнулся. — Чего у курицы перья пересчитывать! Пора бы уже заняться вещами. Сколько там до границы?

Тисса молча смотрела на него несколько минут, не зная, как вести себя дальше.

— Вы что, господин Рогир, намереваетесь отправиться на защиту земель Дормана, в то время как я — его правительница, буду сидеть во дворце?

— По-моему превосходная идея, — на лицах союзников засветились довольные искры.

— Во всех нас течёт воинская кровь, кроме вас, Ваше Величество, — заметил Линт. — Мы не просто правим землями и подданными, но лично сражаемся. Было бы странно, когда всё окончательно решив, мы остались бы пить в креслах чай. Я всегда стою на поле боя со своими соратниками.

Тиссу не должны были задеть эти слова, так как в Дормане знатные дамы никогда не держат оружия в руках. И действительно, королева с детства учила языки, читала книги и вышивала. Только выйдя замуж за Розгальда, кругозор её начал пополняться знаниями о тяготах политики. Она совершенно ничего не знала о боевом искусстве. Тело ее было столь хрупким, да и к тому же она находилась в положении с заметным животом, потому никто не ожидал от неё следующего высказывания:

— Уважаемые гости, я очень признательна вам. Но боюсь, что не смогу отпустить вас, не отправившись с вами. Толку от меня в битве никакого. И я не обезумела, чтобы подвергать свою жизнь такой неразумной опасности, ибо я, как вы верно заметили, не воин. Так что в сражении мне не место. Однако... Я хотя бы способна позаботиться о раненых. В мастерстве врачевания у меня довольно отличные способности. Я часто перевязывала и зашивала раны подданным моего покойного супруга, помогая в госпитале, когда свободных рук совершенно не хватало.

— Тогда по коням, — Вимон направился к выходу.

Тисса же добралась до своих покоев, чтобы надеть дорожное платье. Но к ней ворвался негодующий Бедфорд.

— Что ты вытворяешь? — он в бешенстве всплеснул руками.

— Это ты что себе позволяешь? — устало парировала она, в то время как камеристка застегивала на той тёплый плащ.

— Ты упрятала в темницу моих подчинённых, которые служат тебе верой и правдой! А сейчас во дворе я слышал слух, что ты собираешься отправиться на фронт. Ты обезумела? Ты вообще не соображаешь? Мне кажется, что Дорману уже хватило одного чокнутого короля, который убивал своих же жителей.

Её Превосходительство приказала женщине выйти.

— А ты, мой дорогой братец, кажется, забыл, с кем сейчас разговариваешь! Только попробуй перебить меня, и тебя будет ждать та же участь, что и моего мужа! — она подошла к нему. — Твоих людей освободят, не переживай! Но чтобы я больше не видела их! Иначе попрошу пристрелить их из лука, как куропаток. Я знаю, что в твоих распоряжениях была логика. Ты стараешься следовать долгу. Но я стараюсь спасти всех нас. А ты, благодаря своему усердию, чуть всё не испортил. Очень жаль, Бедфорд, что ты уже имеешь густые усы, но в голове до сих пор пусто. Пора бы уже перестать быть тугодумом. Твоё дело исполнять то, что я говорю. И не смей больше никогда лезть туда, где обожжешься. А что насчёт Розгальда. Так никто из живущих и пальца его никогда не стоил. Ясно тебе? Да, он оступился под конец. Но в том не вся его вина. Ты когда-нибудь испытывал жуткую жажду крови, как у новообращенного вурдалака? Нет же. Вот и я нет. Так что не нам его судить. Мой супруг и так уже за всё достаточно ответил. Не хватало ещё, чтобы ты или тебе подобные идиоты оскверняли его имя при мне. Князь Вимон рассказал мне, что ему самому лично приходилось присутствовать при казни нескольких новообращенных. Ибо они с огромным трудом поддаются контролю. Вимон и сам не желает вспоминать те дни, когда сам испытывал те же самые чувства. И да, собирай рыцарей. Ты поедешь со мной. Мы с союзниками разделимся. Я уже приказала гарнизонам отправиться на подмогу Ричарду Толу к Восточной границе. Воительница Ханна отправится на Юг. Если там западня, то аливитянки очень скоро нападут на врагов сзади. Варвары, скорее всего, собрались окружить нас. Но а мы окружим их сами. На Север выступят войска Вимона. Ну а я, ты и армия Рогир — на Запад.

— Откуда такая уверенность, что они собираются зажать нас в тиски? Где доказательства? — спросил двоюродный брат, побелев от злости за её замечания.

— Иногда, Бедфорд, стоит полагаться только на внутреннее чутье. Ну и на опыт коннетабля. Он-то прекрасно разбирается в хитрых вражеских уловках.

— И ты собиралась одна быть среди кучи орков? — он нервно усмехнулся.

— Почему же одна? Я же уже сказала, что ты и твои подчиненные будут моими

проводжатыми. Где это видано, дабы королева выезжала так далеко без свиты.

— Да... Но что мой отряд по сравнению с целым войском?

— Если уж Рогир вдруг внезапно, по каким-то странным причинам решит убить меня — своего стоящего союзника, — она рассмеялась сама от своих слов, высказывая презрение к подозрениям брата. — То тебе и твоим людям придётся сложить свои головы за меня. А я погибну, как настоящая королева! Меня возведут в лик святой и будут петь по мне псалмы раз в неделю. Отец Ателард со своим смешным носом будет стараться изобразить уныние, когда придётся проводить по мне службу, за которую ему отвесят мешок с золотом, — Тисса не удержалась и разразилась хохотом ещё пуще.

— Ты не только сумасшедшая, но и богохульница! Если бы только кто-то из подданных слышал твои речи! Тебе повезло, что здесь только я.

— Милый братец, вера — она не в словах, а в поступках! А мои поступки говорят за меня сами: нет такого живого создания на Барнаре, которое бы верило больше в святые идеалы, чем я.

Спустя одиннадцать часов

Тисса, укутавшись в шубу, вглядывалась в безоблачную даль, стоя на постовой вышке. Среди белоснежного океана ползла, словно подводный змей, широкая дорога.

— Может, мы действительно ошибались, — она шмыгнула носом.

— Я так не думаю, — подбежав по ступенькам, проговорил Рогир. — Ещё на рассвете был виден слабый дым от их костров.

— Как вы полагаете, ваши войска успеют вовремя? Иначе нам на этих стенах несдобровать.

— Кто знает, — бросил орк.

Бедфорд стоял рядом, что-то сосредоточенно обдумывая.

— Ти... То есть, Ваше Величество, — брат старался не обращаться к ней по имени при остальных. — Вам желательно переодеться в мужскую одежду купца. На тот случай, если что-то выйдет из-под контроля.

— А я так не думаю, — заявил Рогир. — Даже если мы не выстоим, то королеву они не тронут. Так как варвары захотят выручить за неё огромный выкуп. Они хоть и дикари, но вовсе не глупцы. Её Превосходительству лучше, наоборот, накинуть что-то побогаче и с отличительными царскими знаками. Чтобы в разгар суматохи не пасть случайно под смертельным ударом.

К ним поднялся командир местного Западного гарнизона.

— Пора, — кратко высказался он.

Все всё поняли. Тисса направилась переменить шубу на другую: с бриллиантовыми застёжками на золотых цепочках. Голову она покрыла шапкой с серебряной королевской вышивкой. И приготовилась раскладывать чистые, прокипяченные и отутюженные тряпки для перевязок. Слуги помогли нагреть ей воды. В ступе королева размолотила сушёные кровоостанавливающие и обеззараживающие травы. И приступила к изготовлению свежих мазей. Расставила в порядке необходимости лечебные настойки в большой березовой корзине. Разложила прокипяченные и обожженные иглы с нитями в металлические шкатулки. Бросила в огонь топорик с широким лезвием.

За дверью её охраняли и ожидали семеро рыцарей в полной амуниции. Бедфорд же с другими соратниками направился к воротам. В общей сумме воинов было пятьдесят пять. Орк прислонился к земле.

— У нас есть несколько минут для того, чтобы зарядить пушки, — поднявшись, обратился он к дорманцам, которые изо всех сил старались не выказывать своей неприязни к недавнему противнику.

— Они, скорее всего, станут использовать метод эскалады. А в этом им нет равных. Действовать будут с молниеносной скоростью. Налетят на стены, как саранча. Так что удачи всем! — добавил двоюродный брат королевы и вынул клинок из ножен.

Спустя двадцать минут до Её Величества донеслись страшные крики сражающихся и звук от пальбы. Казалось, что стены вокруг содрогаются.

По коже пополз холод. Язык сковало. Тиссе ещё не доводилось видеть собственными глазами кровопролитные схватки в таком масштабе, но она всё равно не решалась выходить. Руки её начали нервно дрожать. Она попыталась унять волнение и проглотить слюну, но даже это не поддавалось власти. Тогда та принялась думать о чём-то отвлеченном. В голове неожиданно всплыла совершенно неказистая песенка, которую они пели с подругой в юности:

Ты говорил, что я искусно глазами стреляю.

Что сердце твоё поразила красотой навек.

Но так забавно, ведь я не о том помышляю.

Не ищу твою пустоту из поверхностных рек.

Пусть лучше оспа тело моё пожрет и лицо.

Пусть буря подхватит и сломает мне кости.

Но я никогда не спущусь к тебе на крыльцо.

Никогда не променяю свою душу на лести.

Ни на йоту не сдвинусь я от поисков истин.

В которых вечный пылает любовный огонь.

И хранятся от счастья ключи, а не от хижин.

Там боль правда уймет, а не лживая вонь.

Я буду сражаться и страхи отброшу прочь.

Мне нет дела до ввысь утекающих лет.

Когда на кону жизнь, ты голову мне не морочь.

Проваливай отсюда, пока я не допела куплет.

Пропев строки несколько раз, у неё получилось выдохнуть ужас и вдохнуть малую толику хладнокровия.

Королева поднялась с места и прокашлялась, дабы голос не выдал слабости. Ладони, словно в тумане, повернули ручку двери.

— Кто-нибудь из вас знает, войска Рогира уже прибыли на подмогу? — обратилась она к своим стражникам.

— Ещё нет, Ваше Превосходительство!

— Как там, наверху, обстоят дела? А ворота, как я полагаю, ещё не пробиты?

— Ворота выдержат удары! Опасаться же стоит проникновения варваров к рычагу от них изнутри, — отчеканил безэмоционально рыцарь. — Враги добрались до верхних этажей по лестницам. И сейчас на верхних платформах кипят очаги схваток.

Он произнёс это таким тоном, будто совсем не испытывал испуга. В то время как она уже только от одного шума тряслась, ибо с детства была наделена яркой фантазией. Тисса только сейчас поняла, что до мужского самообладания ей явно далеко.

— В таком случае нам нужно с вами подняться наверх и посмотреть, есть ли раненые.

Вы поможете мне их отнести сюда.

— Ваше Величество, вам желательно не видеть... — воин замялся, подбирая слова. — В общем, вам лучше подождать. Я возьму нескольких человек, и мы доставим к вам раненых ратников.

— Да, пожалуй, так будет лучше. Благодарю! — королева не стала перечить и нырнула обратно в комнаты командира.

Там она заметила шпагу, висевшую на стене, и щит. На всякий случай Тисса положила их рядом с собой.

Лириан

Карлин вышла из дворца Эриндела. На улице уже был вечер, но по площади всё ещё сновали болтливые коммивояжеры, приставая ко всем с красивыми фразами и заключая без конца новые торговые сделки.

Ведьма собиралась направиться в архив, когда все разойдутся по своим делам. Но к ней вдруг подошёл высокий лирианец в серебристой шубе и с яркими синими глазами. Он молча смотрел на неё несколько мгновений. Карлин это не понравилось. Так как нервы её каждый день и без того были на пределе. Она пыталась не выдать себя.

— Мабалия, ты готова? — он подал ей руку.

Чародейка чуть не замешкалась, но быстро заговорила злобным голосом:

— Что тебе нужно?

— Как? Любимая, всё в порядке? — продолжал настаивать эльф. — Почему у тебя нет настроения? Я же всегда забираю тебя после собрания. Карета и закуски готовы.

Карлин не знала, как его зовут. Скорее всего он, являлся влюбленным поклонником Тью. Это могло стать серьёзной проблемой. Ей необходимо было отвязаться от него.

— Послушай. Я очень устала. Никакого настроения совсем нет. Давай в следующий раз.

— Что ж... В таком случае, давай подвезу тебя до дома, дорогая.

— Не стоит. Я всё равно ещё хотела задержаться по делам.

— По каким делам?

— Да так... Работа в архиве.

— Для этого же есть архивариусы, — рассмеялся мужчина.

Он начинал её злить.

— К тому же там уже всё закрыто. Или король разрешил оставить тебе ключи? Видимо, что-то важное стряслось?

— А это тебя не касается, — волшебница не дождалась возражения и направилась по улице.

Ей повезло: назойливый эльфиец, кажется, решил оставить её в покое.

На улице пахло жареными орехами и запеченными лесными птицами. С вечернего чёрного неба посыпались редкие снежные хлопья. В фонарях в форме различных причудливых горгулий зажглись ночные жёлтые камни.

Свернув в переулочек, Карлин от нетерпения ускорила шаг. В голове царил пустота. Она вроде бы знала, что стоит делать. В сердце горело желание. Но состояние было чудовищным. Неизвестная грусть билась под кожей. Всё вокруг казалось серым. И часть её догадывалась, что это с ней надолго. Вряд ли удастся скрыться от отчаяния. Как бы она тщательно не хваталась за возможности. Однако чародейка помнила, как Тара за неё переживала. Сестра хотела, чтобы она не уступала... Никогда не уступала... И теперь жизнь Карлин здесь и сейчас больше походила на реквием по Таре. Но это лучше, чем не иметь абсолютно ничего.

Добравшись до овальных красных ворот архива, она заметила свежие следы на снегу. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что вокруг нет лишних глаз, дотронулась до замочной скважины. Дверь отворилась.

Внутри, в коридоре пылали факелы. Это её насторожило. Но любопытство взяло вверх. Проскользнув по короткой широкой синей лестнице вниз, она увидела алфавитный

указатель с заметками по нужным темам. Её глаза долго скользили по буквам.

— Мабалия? Что ты здесь делаешь? — раздался позади голос Эриндела.

Карлин невольно вздрогнула. Но вспомнила, что самая лучшая ложь — это правда.

— Ваша Милость? — удивлённо начала она. — Я хотела почитать о баньянах. В библиотеке слишком мало информации. В архиве явно есть больше сведений.

— Но как ты вошла сюда? Я точно помню, что запираю дверь изнутри. И почему, Ваша Милость? Разве я для тебя больше не Эриндел? Это всё из-за того, что я не проводил уже неделю с тобой? Но ты же знаешь, милая, что у меня сейчас голова идёт кругом, — эльфийский король добродушно, но внимательно взирал на неё.

"А Мабалия, я смотрю, везде успевает, — заключила про себя Карлин. — И с правителем общается слишком близко, и ещё с каким-то богатеньким лирианцем. Скорее всего, она креатура его милости."

— Если я захочу, то могу открыть что угодно. А тебе, Эриндел, и правда бы не помешало уделять мне больше внимания. А то сегодня ты даже не смотрел на меня.

Он подошёл к ней и взял её за руку.

— Мабалия, ты же понимаешь, что никто не должен знать о нашей с тобой любви. Иначе остальные подумают всякую чушь. Король и советница... Наши с тобой титулы не позволяют быть вместе. Так ты говорила, что тебя интересуют баньяны? Ты могла бы и у меня про них спросить. Я бы всё тебе о них рассказал. Историю прошлого я превосходно помню.

— А можно я спрошу вот что... Что ты сам здесь делаешь так поздно?

Эриндел побледнел и уселся на кедровый стул рядом.

— Мне нравится это место. Здесь всегда так тихо, но при этом здесь так много голосов прошлых лет, что только здесь я могу спокойно подумать, — он вздохнул. — Я не доверяю никому, Мабалия. Даже тебе. Что-то назревает. За моей спиной.

— О чем ты? — Карлин боялась его спугнуть.

— О том, что в Совете, скорее всего, завелась гниль. Помнишь, правительница Дормана обвинила нас в краже их запасов Илайя. Так вот... Я ей верю. Но ответил иначе. Ибо я не собираюсь позорить Лириан. Я сам решил во всём разобраться. Кто-то явно захотел занять незаконно моё место, пообещав воинам богатство дорманцев. И что самое ужасное, многие эльфы, возможно, на стороне моего противника. Но я не понимаю, почему. Неужели я не заботился о своём народе, Мабалия? Я ведь всегда старался ограждать эльфийцев от бед. Но, видимо, большинству из них этого мало. Они хотят слишком многого. Жаль осознавать, что среди нас есть корыстная плесень.

Ведьма сглотнула слюну. Такого поворота событий она точно не ожидала.

— Эриндел, а можно узнать. Вернее, я знаю, но хотелось бы услышать ещё раз. У меня голова тоже идёт кругом. Почему ты всё же решил не вступать в союз против Узгулуна?

— А какой смысл? Королева Тисса любит формальности. Это, конечно, умно. Но я не любитель тратить время на переговоры и прочую ерунду. Мне нравятся действия. Когда повелитель хаоса вернётся, то наша армия бы пошла в бой против него. Мне для этого не нужна коалиция. Я бы в любом случае отправился им на помощь. Но не вижу смысла об этом говорить. Надеюсь, Её Величество не принимает меня за дурака, который не осознаёт важности битвы против общего врага. Да и не мог я дать ей конкретный ответ. Ведь на кону честь нашего народа. Я сам не понимаю, какой процент армии всё ещё принадлежит мне. И сколько кому-то из советников. У нас завёлся самодовольный червь в Верховной палате.

Червь, который старается всё прибрать к рукам. И чем скорее я от него избавлюсь, тем будет лучше для всех.

— Эриндел, а что на самом деле случилось с баньянами?

— Мабалия, что за дурацкие вопросы? Эти ублюдки нападали на нас ночью и отрубали конечности, из которых варили суп. Ты что, соскучилась по тем диким временам? Ты вообще слышишь, о чем важном я тебе про совет говорю? Среди вас есть крыса, собравшаяся пойти против законной власти. Крыса, посягающая на все народы и расы, — ведьма заметила, как на лбу его выступил крупный пот.

Карлин замешкалась. Она не знала, как себя повести дальше. Стоит ли продолжать эту игру... Но всё же решила, что ещё слишком рано раскрывать карты.

— Знаешь, что самое жестокое на планете? Время! — Эриндел уставился в пол. — Чем дольше я медлю, тем всё становится хуже. А я, как правитель, должен быстро оторвать голову крысе, пока она не расплодилась. Ибо в жизни нет ничего важнее долга и чести. Мне об этом ещё отец с пелёнок говорил.

Король с неожиданной скоростью выхватил кинжал из-за спины и метнул его. Из горла Карлин с хрипом вырвалась кровь. Ведьма рухнула на пол. Смерть не любит, когда её ждут. Она предпочитает врываться в самый неподходящий момент. А бывают ли вообще подходящие моменты для этой всеми нелюбимой гостьи?

— Прости, Мабалия, прости! — король склонился над её телом, содрогаясь от слез. — Но я не мог больше ждать. Не мог...

Эриндел быстрым шагом покинул архив. На улице он встретил своего канцлера Трильно с двумя воинами.

— Что с остальными? — могильным голосом спросил его правитель.

— Мы разобрались со всеми. Нам не удалось найти только Мабалию, Ваша Светлость!

— Отлично! С советницей Тюю я покончил лично. Пусть ваши подчинённые отрубят им головы и приготовят к отправке их в Остбон. Но предварительно я напишу королеве письмо.

— Будет сделано! И вам, Ваша Милость, пора поторапливаться на бал. Пока мы улаживаем дела. Не забывайте про алиби. Могут возникнуть неприятности со стороны остальных...

— Да, вы правы, Трильно.

Они кивнули друг другу. Эриндел скрылся во тьме потайных переходов в соседнем здании.

Уже через десять минут он явился в начищенных до блеска ботфортах в бальный зал. На дверях которого красовались в честь зимних празднеств ветви остролиста.

На банкетках приютились среди кавалеров знатные дамы с веерами. При виде Эриндела все поднялись и склонились в поклоне. Можно было начинать полонез.

Король после торжественного танцевального шествия снял с подноса сразу два бокала сладкого тёплого гипокраса с корицей. И опустошил почти за один раз.

Куртуазные фразы вокруг накатывали одна поверх другой, словно непрекращающиеся буруны.

Дамы с красными увесистыми сердоликами на груди и на пальцах парили с мужчинами в кадрили. Присутствовал полный сонм из бомонда. Сибариты и сибаритки не думали ни о чем, кроме того, как бы блеснуть своими нарядами и собрать как можно больше комплиментов.

Правитель Лириана с напускным весельем и спокойствием вёл беседу с прево и с

несколькими пожилыми пэрами, не особо вдаваясь в смысл разговора.

На душе же у него скребли кошки от убийства возлюбленной, с которой он провёл столько сказочных чудесных ночей. Мабалия была близка ему. Их взгляды часто совпадали. Только у неё всегда получалось подбирать нужные слова, чтобы заставить его искренне улыбаться. Он таял в её хрупких нежных объятиях, как кусочек льда.

Дабы понять сейчас тоску Эриндела по ней, достаточно представить дерево каштан унылой осенью. Душещипательная грусть пропитает каждого, кто взглянет, как по золотистым его листьям моросит холодный дождь. А вокруг тишина... И только мрачная синева одиночества на фоне побитого каштана пронзительно кричит от боли.

На хорах оркестр принялся исполнять музыку для следующего танца. В причёсках у прекрасных эльфиек благоухали свежими лесными ароматами разноцветные маргаритки. Мессеры в голубых, зелёных и сиреневых жюстокорах сновали с важным видом и с высоко поднятой головой от одной группы к другой, обсуждая банальности.

На входе с каменными лицами стояли стражники в шлемах-саладах прикрывающих затылки и шеи. Они едва сдерживали эмоции, чтобы не смотреть на веселящихся с презрением. Возле балконов с трубками стояли седовласые подесты. На костюмах у них переливались при свете свечей и камней бриллиантовые подвески.

На короля украдкой поглядывала герцогиня Иоланда Кенот. Её супруг, засунув одну пухлую руку в отверстие между пуговицами своего жилета, медленным тоном выстраивал диалог с неким маркизом.

Двадцатипятилетняя Иоланда была в очень пышном платье цвета мов, так как под юбкой у неё покоилась фижда из китового уса. На герцогине красовалась парюра, включающая ожерелье, серьги и брошь из александритов, меняющих свой цвет в зависимости от освещения.

Эриндел решил, что она подойдёт для одной или нескольких ночей, чтобы облегчить страдание по Мабалии. Он остановил лакея и выпил рюмку цитрусового шартреза. После чего направился к жене Кенота.

Правитель Лириана пригласил её на танец. Герцог не любил, когда красавица Иоланда танцевала с кем-то кроме него. Но дело было исключительное. Королю не принято отказывать и перечить. В их свете вообще не принято показывать искренних эмоций. Если ты влюблен, то должен быть как можно более холоден и сдержан. Так уж было заведено в их кругу в те времена.

Эриндел подал руку герцогине, и они пустились в самый центр из кружившихся пар. Он замечал, как под его взглядом её разгоряченные щеки румянились ещё сильнее. И толстый слой белоснежной пудры не спасал эльфийку.

— Ваша Светлость, почему же вы до сих пор не нашли себе королеву? — спросила она его.

— А что, кто-то уже шепчется обо мне и боится, что наследников не будет? — спокойно парировал он. — Наш народ славится долгожительством, прекрасная Иоланда, так стоит ли мне торопиться? — одна густая бровь его поползла вверх.

— Нет, Ваша Милость, — пролепетала она, потупив взор.

— А если быть откровенным, — прошептал он ей. — То глупо разменивать себя на царских тусклых барышень, когда глаза мои уже видели великую даму, освещающую своей небесной красотой здешние стены. Увы, как жаль, что мы не всегда можем быть с теми, кто заставляет сердце наше биться быстрее, — она подняла к нему свою чудесную головку. И

правитель осознал, что наживка проглочена.

Говорят, что красота — великий дар, но никто не догадывается, что дар этот может играть против своего владельца. Многие знатные леди того времени считали, что мир по большому счету вертится вокруг них. Если они смотрели в зеркало и видели нежные розовые губы, глубокие глаза и в целом весьма миловидное личико, то уже считали, что в них невозможно не влюбиться.

И они толпами падали с лестниц своих ожиданий. Их тонкие прелестные ушки всегда воспринимали лесть в свою сторону за правду. А хищные мужчины с радостью выходили охотиться на самовлюбленных хитрых лисиц и на незащитных зайчиков.

Женщины предполагали, что красота — их сила, их щит, их меч. Но они не догадывались, что всегда будут занимать второе, если не последнее место в душах у своих современников мужского пола.

За чудесных дам сражались на дуэлях, но так дело видели только самки. На самом же деле джентльмены сражались ради собственного самомнения. Для них куда важнее было не опозориться перед другими мужчинами, чем делать что-то изначально ради одной только женщины. Но это были годы манер. Чем изысканнее господа вели себя, тем больше плотских ночей могли провести с леди.

Животные инстинкты, завёрнутые в золотые обёртки, встречались тогда повсюду. Но джентльмены так и не понимали, почему женщины такие смешные и легковёрные. Конечно же, среди них встречались дамы, превосходящие наличием логических связей любого господина, но то была большая редкость.

— Я очень страдаю, герцогиня, — изрек позже король. И это были единственные слова, в которых он не солгал. — И я очень слаб душой.

— Что вы такое говорите, Ваша Милость? — захлопала длинными ресницами Иоланда.

— Разве то, что я дерзнул пригласить вас на танец, не говорит вам ни о чем? — он пронзил её глубоко печальным взглядом, который умел делать каждый уважающий себя джентльмен того периода. — И я прошу у вас прощения... Прощения за то, что посмел в вас влюбиться. Я не должен был вам этого говорить, — глаз его задергался. — Дайте свою руку, — произнёс он сурово, но с придыханием и трепетом. — Я провожу вас к супругу.

Иоланда учащенно задышала. Она даже не знала, что и сказать на это. Оперевшись о кисть Эриндела, герцогиня будто в тумане добралась до Кенота. Не забывая при этом улыбаться, что считалось всегда хорошим тоном.

— Ваше Величество, вам случайно неизвестно, почему на празднике нет никого из Совета? — обратился к нему герцог. — Это как минимум странно.

— В свободное от своих прямых обязанностей время они имеют полное право идти или не идти туда, куда благоволят. Или вы полагаете, Кенот, что король ещё и нянькой должен подрабатывать по вечерам? — холодно съязвил Эриндел и, усмехнувшись, не дождался ответа.

Муж Иоланды проглотил комок, вставший в горле. Он изрядно перепугался, что чем-то оскорбил Его Светлость.

Король же вышел на застеклённый балкон с многообразной зеленой растительностью, пальмами и цветами. В золотых клетках порхали пёстрые попугайчики. Он услышал позади себя стук от туфелек Иоланды. Она направлялась к нему.

"Безмозглая дура, — подумал Эриндел."

Когда Эриндел бросил умирать Карлин в архиве, думая, что она Мабалия, та успела призвать на помощь все свои силы. Но подвижность вернулась к ней не сразу. Крови потеряно было слишком много. Сердце едва трепетало. Однако она не отдала швартов от пристани жизни.

Подданные короля подобрали тело ведьмы, думая, что с ней покончено. И забросили его в карету к остальным убитым советникам. Их всех вывезли за стены города. Там воины принялись исполнять приказ: отрубить головы. Дабы в честь признания дружбы и верности между государствами отправить останки правительнице Дормана.

Чародейка вовремя пришла в себя. Ей удалось убить двух эльфов. Заполучив последние воспоминания погибших, она отрубила одному из них голову и наложила на ту заклинание, обратив её в черты Мабалии Тью. От другого же просто избавилась.

И перед ней встал вопрос, как поступить дальше. Она не понимала, достаточно ли узнала информации. Но всё произошедшее и слова самого Эриндела говорили о том, что он действительно не причастен к козням против дорманцев.

Волшебница приняла облик лирианца и всё же выдвинулась в Остбон вместе с посылкой. Карлин пришла к выводу, что обсудит всё на месте с Её Величеством. Ночью она покинула эльфийские земли в сопровождении ещё нескольких подручных перевозчиков, которые ни о чем не подозревали. Самым сложным и смешным для нее было научиться в пути справлять нужду по-мужски.

Сейчас ведьму звали Джироламо. По дороге в небольших городках им встречались галантейщики и пахнущие алкоголем ремесленники. На грубых настороженных лицах читалась усталость.

Через три дня их нагнал тот самый эльф, который, скорее всего, являлся любовником Мабалии Тью. С ним была свита из десяти ратников. Именовал он себя Саймоном. И, судя по тому, как к нему обращались, относился к знатному старому клану. Чуть позже из сплетен спутников Карлин узнала, что тот обладает десятью тысячами ленников.

Вещи лирианца перевозили в мешках из тюленьих шкур, погружённые на чистокровных лошадях в тёплых пополах с золотыми вышивками.

Видимо, они мчались карьером, раз успели достигнуть их с такой быстротой. У подданных его за поясом виднелись рапиры. На них сидели горчичные жаки, доходящие до бёдер.

Он подъехал к ним поздороваться и узнать о цели путешествия. Соратники ведьмы сказали ему что-то о поручении короля, не выкладывая самые важные подробности. Саймон же поведал им, что направляется в Дорман по торговым делам.

— Вам случайно не нужен новый набор папильоток? — спросил чародейку Саймон.

Карлин опешила.

— Что? — вновь переспросила она хриплым мужским голосом.

Эльфиец улыбнулся от её реакции.

— Я просто везу с собой много товара. Подумал, почему бы не начать торговлю безделушками сейчас.

— Не знал, что такой господин, как вы, ведущий своё имя от знаменитого рода, занимается торговлей сам. Или это какая-то новая причуда аристократов?

— Вы правы, сэра Джироламо, я аристократ. Но моя семья обеднела после переворотов в Лириане сотню лет назад. И мы начали выживать кто как может. Тем более торговля — благородное дело. Вы так не думаете?

— Деньги никогда не несли благородства, — усмехнулась ведьма.

— Что ж... Вас, наверное, удивит тот факт, что я своими бледными золотыми ручками работаю сам в саду и на своей конюшне. Труд облагораживает. Тут вы согласны?

— Я военный человек, господин Саймон, а потому уважаю только тех, кто защищает короля и родину с оружием в руках, — выдала волшебница.

— А если убрать тот факт, что вы находитесь на службе, то что вы в таком случае скажете?

— Каждый честный труд заслуживает уважения.

— Что вы подразумеваете под словом "честный"? Хотелось бы очень знать.

— Плоды которого помогают даже самым несчастным.

— Интересный ответ. А если я спрошу у вас вот что: имеют ли право на жизнь безработные? Считаете ли вы их паразитами общества?

— Я считаю, господин Саймон, — она закинула руки за спину, — что паразитом можно смело называть любую дрянь, которая определяет, кто и на что имеет право.

— Выходит, вы считаете, что мы все заслуживаем лучшего, несмотря на то, что одни работают не покладая рук, а другие только сидят, жалуются и просят милостыню?

— Оглянитесь вокруг... Видите, бегают собаки среди рядов. Они трахаются, рожают и дерутся за кости. И порой убивают друг друга за кусок ветчины. А мы с вами разумные создания. Нам ли драться? Нам ли решать, кому из нас всё, а кому ничто? У нас есть мозги. Так давайте заставим их работать. Но работать без жестокости. Это будет сложно... Но в этом вся прелесть нашего мира. А жестокость — это прелесть животного мира. И каждый день разумные твари вроде нас с вами должны останавливаться и задумываться над тем, кто мы есть. Суки мы, производящие щенков или мы всё же первооткрыватели, что подарят мир всем. Когда настанет время, что все станут братьями, вне зависимости от данных. Тогда рай спустится с небес сюда...

— Странно слышать подобные речи от военного человека, — заметил собеседник.

— Так и рай ещё не на Барнаре, — рассмеялась Карлин.

— А вы, Джироламо, кем себя считаете? Зверем или разумным созданием?

— А это весьма странный вопрос для рода моей деятельности. На военной службе есть только один вид. Сколько не сбивай шкуру, сколько не спиливай клыки, звери останутся зверями.

— Всё зависит от того, кто приручит.

— Вы полагаете, что в хороших условиях можно перестать быть животным? Я вот слышал, что прогресс видов происходит только в крайне неблагоприятных обстоятельствах.

— Да, так часто говорят. Но говорят, это богатые дяди и тети, которым ваша животная агрессия на руку. Истинный же прогресс идёт от любви, растущей внутри.

— А вы не задумывались над тем, что же порождает эту самую любовь?

— Вы хотите уверить меня в том, Джироламо, что именно несчастья учат нас любви? Но я с вами не соглашусь. Напротив, любовь, порожденная несчастьем, является самой лживой.

— И в чем же истинная любовь?

— Я не знаю. Я ещё не любил, — Саймон, довольный собой, широко улыбнулся,

обнажив ровные белоснежные зубы. — Кстати, Джироламо, как вы полагаете, как стоит воспитывать детей, чтобы они добились определённых высот? У меня нет детей. Но племянники уж больно тупые. Вот я и задумался как-то о том, каким быть в будущем отцом.

Карлин развернулась к нему и смерила эльфа пронзительным взглядом.

— Откуда мне знать? У меня нет детей. Но... Я считаю, что лучше не плодиться, если ты чего-то ожидаешь от приплода. Такие создания, как мы, не должны ожидать. Мы имеем право любить просто так. А когда ты ожидаешь, то ребёнок, скорее всего, вырастет обычным.

— Под обычным вы подразумеваете животные качества?

— Определенно так. Ведь разумные качества выходят за пределы выживания. Разум стремится к ответам на вопросы. В то время как выживание стремится к порабощению.

— Но зачем же тогда рожать ребёнка, если не стоит от него ничего ждать?

— В таком случае лучше не рожать. Ожидание — весьма мерзкая вещь, разрушающая города и сжигающая мирные поселения. Вы будете ожидать успехов от сына, а он будет об этом знать. И когда он об этом узнает, вы потеряете в нём разумное существо. Зверь сорвётся с поводка, чтобы принести вам палочку взамен на угощение. А потом у вашего сына появятся свои дети. И всё повторится.

— Но что, если мой сын тоже задастся тем же вопросом, что и я?

— Тогда рай станет ближе к земле, как никогда ранее.

— А от вас родители чего-то ждали?

Ведьма не знала, как ответить. Ей казалось, что она и так сболтнула много лишнего, ибо их разговор совершенно не походил на те темы, которые доступно обсуждать обычному вояке и распущенному дворянину. Она прокашлялась.

— Мои родители любили меня... И ни черта не ждали.

— Выходит, вы стали великой личностью?

— А что, собираетесь как-то это проверить? — парировала волшебница.

— Нет... Я и так уже заметил, что вы не похожи на остальных, — двусмысленно намекнул Саймон.

Он уже собирался покинуть их, но Карлин не отпускало чувство, что тот знает больше, чем кажется на первый взгляд. И ей необходимо было решить, стоит ли на всякий случай с ним покончить, дабы не подвергать всё дело опасности.

— Послушайте, — окликнула ведьма. — Зачем вы предлагали мне папильотки? Я разве похож на женщину с пышной шевелюрой?

Лирианец рассмеялся, опустив голову.

— Неужели вы, Джироламо, не имеете женщин? А женщины, на секундочку, любят подарки.

Они распрощались. Но, как оказалось, ненадолго. Их караванам пришлось застрять на два дня в живописном горном селении под названием Винетка. Так как по дороге к Дорману им перегородила путь серьёзная снежная буря.

В Винетке же стояла чудесная погода. Древние высокие леса и горы укутывали её, словно материнские объятия. Среди сосен и ёлок бегали краснощекие детишки с санками. Они звонко хохотали, шмыгали носами и валялись в мягком, искрящемся на солнце снегу. Мысли их были легкими и беззаботными. Впереди ещё были счастливые годы. Пока ответственность взрослого мира не добралась и не сожрала их с потрохами, и не выплюнула, чтобы скатать из них бездушных кукол.

Ближе к вечеру они вернутся в свои обогретые печами дома. Повесят вещи сушиться. И усядутся за стол. Матери очистят их чумазые ручонки и подадут вкусный ужин. И они уснут крепким здоровым сном, когда насытятся. Ведь пока... Они пачкают только одежду, а не души.

Но рано или поздно им придётся взять оружие в руки. И это не обязательно будет меч или артиллерия. Их оружием могут быть слова. Оружием может быть ложь. Оружием может быть правда. Всё, что угодно. Для уничтожения необязательно пускать кровь. Достаточно лишь рушить замки из мечты. А они всегда такие хрупкие, что порой достаточно случайного взгляда. И все мы, даже часто неволью становимся частью механизма по свержению живых в пасть Смерти. На нас печати прошлого. Лишь единицы пытаются сорвать эти печати вместе с кожей. Единицы пытаются спасти всех. Единицы видят добро в глазах у каждого.

Карлин стало жутко от собственного потока сознания. Она погладила лошадь по шее и отдала поводья конюху. Подручные остались сторожить повозку. В ноздри ведьмы пробился тёплый запах навоза и сена.

Сколько в её жизни были боли — вновь задумалась чародейка, уставившись на резвящуюся ребятню. Её бросали... Её предавали... Её пытались убить... Её убивали... Она видела страдания и горе близких... И она мечтала о том, чтобы сдаться... Но она здесь.

В её глазах по сей день горело добро... Чародейка не дала ему потухнуть. Теперь она знала, почему ей так больно. Она выбрала самый сложный путь... Путь человечности... А сложный он потому, что по нему ещё никто далеко не заходил. И пробираться по жестоким зарослям всегда тяжело. Но Карлин была борцом. Её били... У неё отбирали всё... Но она продолжала делиться теплом. Она продолжала идти, спасая остальных. И имя ее, возможно, забудут, но его можно почувствовать в запахе её собственной крови, которую она пролила ради многих.

Она засела в харчевне. Но аппетита не было. Её деревянная ложка перебирала куски варёного мяса в супе. По краям тарелки свисали капустные листья. Чародейка залпом выпила известную водку местного разлива. Горло обожгло изнутри.

С Винеткой у многих жителей Барнара связаны самые приятные и чокнутые воспоминания. И именно по этой причине селение стало туристическим. И законом прежнего короля запрещено здесь селиться, чтобы место хранило первобытный уют.

Здесь заключались многие перемирия прошлых войн. Здесь вы встретите осевших орков, ставших примерными семьянинами. Гномов — известных архитекторов и художников. Магов — врачей. Эльфов, устраивающих конные забеги и зарабатывающих себе этим на жизнь. И дорманцев, открывших производство водки.

А также можно увидеть род варваров, мирно продающих масло, сыр и творог от своих коров, пасущихся на горных пастбищах. В столь непривычном климате устроились даже некоторые аливитянки с майотами. И в руках они никогда не держали оружия. Летними вечерами возле костров, нарушая все традиции Саркена, они танцевали со своими мужьями майотами и пили вино. Они содержали гостиницы и таверны. Несколько вампирских семей там тоже обитало. И никто их не боялся. Вурдалаки работали лесорубами. На праздниках их встречали тёплыми улыбками, как родных. Хайрианцы же, обитающие там, являлись одними из самых лучших гончаров. Они с радостью хранили родственные узы с дорманцами. И им было наплевать на путь войны.

В Винетке собрались и объединились все, кто отрёкся от различий. Эти жители не следили за политикой. Там они были братьями. Они судили по конкретным поступкам

ближнего, а не по поступкам предков и соотечественников.

Это поселение стало историческим оплотом разума. Здесь никого не удивляло, как добродушные орки водятся с соседскими детишками и как все друг другу помогают. Именно потому Винетка отделилась на официальном уровне от Дормана и стала независимым участком земли.

И у этого края было множество врагов. Каждого жителя здесь ненавидели все остальные граждане, ибо их считали предателями. Но армия Дормана охраняла это место, несмотря ни на что. Как-то отец Улфгарда и Розгальда сказал им, что если Винетку не спасти, то никого уже на Барнаре не спасти.

Летом в поселении устраивались международные соревнования по заплыву по опасным горным рекам. Сюда стекались толпы отдыхающих и туристов. Под медовыми зонтиками дамы разливали имбирные и лаймовые лимонады. Мужчины, громко хохоча, курили трубки и готовились к соревнованиям. Дети в чепчиках от солнца и с босыми ногами бегали по сочной тёмно-зелёной траве.

Музыканты на барабанах отбивали зажигательные ритмы. Пожилые вдовы весело танцевали со своими долговязыми внуками. Молодые пышногрудые невесты кружили в объятиях женихов с закатанными до колен брюками. Игривый ветерок, шутя, уносил шляпы с их голов.

В каждой семье было минимум по пять детей. Они сидели на деревянных стульчиках и поглощали шоколадные кексы, довольно болтая ножками. Их щеки покрывал здоровый румянец.

Когда же наступала фурия, в Винетке устраивался один из самых больших карнавалов, длящийся целую неделю. И после него начинались карточные игры. Портреты победителей вывешивались в общем зале игорного дома. Победитель получал годовое право на участие в знаменитых скачках и своё место для шатра по приёму ставок. Также ему дарили одну из самых породистых кобыл, приходящую к финишу первой. Что было самым забавным, так это то, что за все годы скачек ещё ни один раз не выигрывал жеребец. Первое место всегда доставалось кобылам. Самки на удивление были выносливее самцов. У них даже есть эффект под названием — *Давать шанс для позора*.

За кобылами-победительницами ни раз уже замечали, как те специально пропускают жеребца вперёд на предпоследнем круге, сбавляя темп. Однако перед финишной линией самки будто заново рождаются. На теле видно, как каждый мускул их работает с бешеной скоростью. Они летят, словно стрелы, опережая тех, кому дали шанс. Самки заставляют соперников поверить в победу, но только поверить, а не победить. Потому-то в Винетке на жеребцов ставят с огромным коэффициентом только самые богатые и азартные.

Даже ввели новое условие. Если чей-нибудь жеребец придет первым, то владелец пожизненно может бесплатно питаться и пить в любом заведении. Ему даже выделяют плодородную землю на солнечном склоне и лес в придачу, а также горное ущелье с залежами серебра.

Но сейчас шёл никс. Редкие пышные хлопья валили с неба. А это означает только одно: гонки за собачьих упряжках в самом разгаре.

Саркен

Крупные капли дождя стучали по тёмно-зеленым большим листьям. Они остужали разгоряченную кожу. Конрад, стоя курил трубку под навесом из веток и глины. Большая часть аливитянок во главе с Ханной отсутствовала до сих пор.

К нему подошла Фрида и прислонилась к обнаженному плечу.

— Может, бросишь курить? Этот табак отвратительно пахнет. У меня от него голова болит.

— Тогда не стой рядом, когда я курю, — он развернулся к ней, пронзив задумчивым взглядом.

— Знаешь, чего я жду, Конрад?

— Чего же? — наёмник взял ее за ладонь.

— Когда ты предложишь мне стать твоей женой? — она подняла вверх тоскливые глаза.

— А ты хочешь выйти замуж за призрака?

— Почему за призрака?

— Фрида, я сын безмолвного. И уже чудо, что я до сих пор жив. Давай будем откровенными... Со мной покоя не сыщешь. Я уже одной ногой в мире мертвецов.

— А с чего ты взял, что мне нужен чертов покой? — она высвободилась.

— Если хочешь, то давай сыграем свадьбу по вашим обычаям! Хоть завтра!

— А ты... Ты этого сам хочешь?

— Насчет своих чувств к тебе уже все сказал и не намерен это повторять, потому что в них ничего не изменится, — он вновь отвернулся и затаился.

— В последнее время ты стал совсем другим, Конрад. Ты словно не здесь... Ты целуешь меня, спишь со мной, говоришь, но в твоей голове меня нет.

— А в сердце?

— Да пошел ты! — аливитянка резко мотнула головой и ушла.

— Бригида! — крикнул он, пытаясь разглядеть сражающихся на арене. — Иорик, и ты тоже! Идите сюда!

Через несколько минут друзья явились. Оба тяжело дышали и оттирали черную грязь с лиц.

— Как успехи? — спросил наёмник, вытряхивая трубку.

— Иорик два раза выбил у меня меч, — присела на корточки ученица.

— А ты?

— А у меня уже не выходит.

— Слушайте, — он поставил руки на пояс. — Я хочу сыграть свадьбу с Фридой. Поэтому, Бригида, ты поговори с местными, чтобы все организовали к завтрашнему дню! Не только так, чтобы она ни о чем не узнала. Я сам ей скажу позже. А ты, брат, помоги мне с речью.

— Брат? — поэт раскрыл рот.

— Да. Мы с тобой через такое дерьмо уже успели пройти по пути сюда. Поэтому, брат.

— Поздравляю, Конрад! — улыбнулась девчушка.

— Спасибо! А теперь вот что... Иорик, ты выйдешь против меня в схватке. Пора двигаться в навыках дальше. А ты, Бригида, позови в соперники Амелию. Если я тебя и

жалею, то она нянчиться на арене с тобой не будет, — он усмехнулся. — Амалия превосходно владеет оружием. Она поможет тебе не терять клинок.

— Но мы устали!

— Да? А мне насрать! — Конрад расплылся в улыбке.

— Ну ты, говнюк, за это ответишь! — Бэбкок рассмеялся и похлопал его по спине.

— Мы, конечно, теперь братья, но не перегибай палку, — с серьезным тоном заметил воин.

Однако Иорик понял, что тот шутит.

Народы Саркена жили практически под открытым небом. Их пятилетние дети в одних простых повязках на бедрах, с короткими деревянными мечами в руках наносили друг другу совсем не детские удары. За ними следили учителя по боевому искусству. То и дело от них разносились указания:

— Не отступать, Малайя! Удерживай позицию!

И маленькая девочка, внимательно глядя на соперницу, использовала проход в ноги. Через секунду противница упала от крепкого удара позади колена.

— Малайя, молодец! Свободна! Следующие!

— Не бойся быстрого нападения, Долинда! Лучше бойся своего страха! Запугивай защитой! Отражай! Отражай! Не забывай дышать!! Выпад! Если я сказала, что выпад, значит выпад! Ты что, черепаха? Или воин? Тебе пора уже учиться самой чувствовать, когда враг открывается! Для чего тебе глаза? Сиана, покажи сёстрам, как надо!

Рыжеволосая девочка с кучей косичек вышла вперед. Её противница помчалась на нее с верхней позицией. Но Сиана не двигалась, и даже казалось, что она совершенно не смотрит на происходящее. Но уже через секунду состязание окончилось. Сиана пяткой сбила ту, нанеся взмах по голени. Меч был выбит ее локтем.

Вечером Конрад не застал в своем шалаше Фриду. Ему сказали, что она отправилась охотиться на крокодилов. Наёмник уселся возле костра. Амелия проходила мимо. Он подозвал ее к себе.

— Я слушаю тебя, Конрад, — ведьма пристроилась напротив.

— Мы все изменились, не правда ли, Амелия?

— О чем ты?

— О том, что никто из нас больше не чувствует ни страха, ни радости.

К ним присоединились Бэбкок и Бригида. Ученица держала в руках миску с запеченным мясом пумы. Поэт был закутан в большое полотенце после купания возле водопада.

— Эта местная еда такая отвратительная, — проворчала Бригида. — Сейчас бы я с удовольствием поела рулет из свинины и рагу из кролика.

— Знаете, я тут начал разговор с Амелией о том, что мы готовы к смерти друг друга.

Девчушка перестала жевать и вопросительно взглянула на друга.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — продолжил наёмник. — Помните тот день, когда мы выдвигались с теневой стороны обратно?

— О таком не забывают, — похрустел пальцами Иорик.

— Вот и я о том же. Те существа напали на нас днем. Все пошло совсем не по плану. Амелия находилась уже без сил. Шансы испарились за одно мгновение. Их было слишком много. Но мы еще ощущали волнение... Волосы еще шевелились на руках. Во взорах, как ни странно, горела надежда. Однако все изменилось... Когда каждый дюйм кожи залила кровь, такая обжигающая на холоде, ты, брат, громко начал выкрикивать строки, высеченные

древним поэтом Лиу на каменной колонне. И эти строки, они ввелись в наши души навсегда. И для каждого из нас они несут единственное значение. Давай, Иорик, повтори их.

По лицу Бэбкока пробежала нервная судорога:

— *Ветер ворвется внезапно*

И утопит голос мой,

Тело закопает тайно.

Я больше не свой и не твой.

Под обломками жизни

Мое имя покой обрело.

Сквозь время руку протисни.

Оно одно всё снесло.

У вечности его учись:

Молчать и смотреть.

В надежду не свались.

И тогда прекратишь ты жалеть.

— Да, брат, да... Мы прекратили в тот день жалеть. Наступила чудовищная буря. С гор обрушивались снежные лавины. Твари отступили. И те порывы природы пришли за живыми. Нас действительно топило под гигантским белым слоем. Ничего не было видно. Каждый остался один. Мы ползли, а куда ползли — не осознавали. Никто из нас не ведал до тех пор, что тьма может быть столь яркой. Солнце светило, снег искрился, но было очень темно. Я слышал ваши крики, но они утихали. Вы задыхались, вы боролись за жизнь. Каждый оказался против сил, превосходящих его. Это был враг, которого невозможно ненавидеть. Его можно только принять. И чем агрессивнее ты сопротивляешься, тем страшнее становится... Но вы все слышали, прощаясь с жизнью, эти самые строки. Иорик не молчал. Он смеялся. И повторял стихотворение, повторял без конца. И это уже был не страх. Это было понимание вещей. Миром правят не короли и королевы. И вовсе не любовь. А смерть. Это ее мир. Мы все находимся на службе у нее, даже лекари. А если уж мы служим, то мы должны доверять ей. Бороться тогда, когда есть возможность, но не бояться и не злиться, когда придет срок уходить с поста. А этот срок подойдет рано или поздно абсолютно у всех. Тогда, в Торианвиле, когда я спасал тебя, Амелия. Я попал в ловушку. Я задыхался, и мне было чертовски страшно. Но в тот день на теневой стороне, когда я вновь задыхался, я уже не боялся. И это не являлось смирением. Мы не смирились, но мы понимали, что срок подойдет. Мы осознали тогда это ясно. И, оставшись в проклятой снежной пустоте, я понимал, что, скорее всего, найду только ваши трупы. Но это понимание уже не вызывало эмоций. И когда я все же нашел вас живыми, то заметил, что вы думали также, как я. В тот момент каждый из нас отнесся к случившемуся с небывалым спокойствием. Буря и лавины прошли. И они нас изменили.

— Ветер ворвется внезапно... — прошептала Бригида, всматриваться в пляшущие языки пламени.

— Да, внезапно. Но мы с вами об этом знаем. Поэтому мы готовы, — указал на нес пальцем Конрад. — И когда он ворвется, зарывая труп кого-то из нас, то остальные продолжат путь. Потому что мы понимаем... Мы понимаем, кто правит балом. Тот, кто смотрел в лицо смерти также близко, как мы с вами, того уже не сломить никаким несчастьем. Отныне мы смотрим на все спокойно, ибо знаем причины... Но это не означает того, что мы не станем давать отпор или двигаться вперед. Отныне... Мы с вами —

УЗРЕВШИЕ УРАГАН, мать вашу! Теперь мы видим больше, чем остальные. И это наше вами проклятие или дар, я не знаю. Никто не знает...

— Ветер ворвется внезапно, но мы, черт побери, всегда к нему готовы, — Амелия провела ладонями по волосам.

— Именно так. И это-то нас вами в первую очередь и объединяет, — наёмник поднялся на ноги. — Туда, где будет царствовать тревога и трусость, заявимся мы. Ураган забрал у нас надежды и радость, но также он забрал страхи.

— У меня есть идея, — Бэбкок вскочил и куда-то умчался.

Через несколько минут он вернулся с двумя аливитянками. В руках они держали деревянные палочки с иглами на концах и чашки, наполненные темным красителем.

— Конрад, дай левую руку, — обратился поэт. — Вот здесь, на кисти, всегда будет — *Ветер ворвется внезапно...* Перед нашими глазами, что видели свою смерть.

Когда Фрида вернулась, татуировки уже были нанесены. Она молча подошла к друзьям и взглянула на надписи.

— И что это значит? — спросила воительница у Бригиды.

— Это то, о чем ты сама уже догадалась, Фрида. Мы — УЗРЕВШИЕ УРАГАН. Ты можешь сделать себе такую же татуировку, а можешь не делать, но ты всё равно одна из нас.

Она взглянула на наемника и, ничего не сказав, ушла.

— Слушай, Конрад, — нахмурила лоб после ученица, — что с ней? Ты не сделал ей еще предложение? Она не знает?

— Нет.

— Но вы совсем не похожи на счастливых жениха и невесту.

— УЗРЕВШИЕ УРАГАН, Бригида, не знают счастья.

— Но по законам аливитянок тебя должны изгнать из Саркена. Они играют свадьбу с майотами, а затем мужчины, после брачной ночи, уходят. По здешним традициям жить с мужем — это предательство своего рода. Мужчины воспитывают сыновей отдельно, а женщины — дочерей. И видятся супруги только раз в год для повторного зачатия детей. В противном случае вас обоих прогонят из Саркена. Фрида навсегда лишится дома. За его посещение ее будет ждать смерть. После замужества на тебе она перестанет считаться аливитянкой. Но к свадьбе все готово. Начало при восходе солнца. Местные жительницы думают, что после брачной ночи ты уедешь. Если ты останешься, то боюсь, что у нас у всех появятся серьезные проблемы.

— Однако ты забываешь, Бригида, мы находимся под покровительством и защитой правительницы Ханны. Местные знают, что мы друзья. Фрида — ее правая рука. Никто не посмеет тронуть друзей.

— Но как же их традиции и правила? Они же яростно их соблюдают.

— Уж так устроен человек, Бригида... Мы способны находить лазейки и исключения. Мы же живые. Куда важнее не принципы, а человечность и понимание. Когда уважаешь, то не действуешь сгоряча. Но в любом случае, это временно. После свадьбы, в связи с нашими обстоятельствами, нам разрешат здесь остаться. А затем все равно придется уйти. Фриде действительно предстоит распрощаться с Саркеном, если она выберет меня.

— Иорик, ты подготовил речь?

— Нет еще, брат.

— Это хорошо... Потому что я решил, что скажу своими словами.

— И что же ты скажешь?

— Не знаю... За меня скажет сердце.

— Я спать, — чародейка отправилась в свой шалаш.

Бэбкок нагнал ее по дороге.

— Амелия, я тут новое стихотворение сочинил. Могла бы ты сказать свое мнение насчет него?

— Что? — устало сдвинула брови волшебница. — Почему я, Иорик? Я хочу отдохнуть. Можно мне побыть одной? — не дожидаясь ответа, она скрылась внутри.

Поэт проводил ее покинутым взглядом.

— Но это было стихотворение про тебя... — произнес он в пустоту.

Ночью Фрида не пришла к Конраду. Он нашел ту в хижине ее родственниц.

— Поговорим?

— О чем, Конрад?

Наёмник примостился на ступеньках у входа.

— Почему ты меня избегаешь?

— А ты не понимаешь?

— Нет, — он пожал плечами.

— Лжешь! — скривила губы она.

— Чего ты ждешь от меня, Фрида?

— Ничего!

— И ты тоже лжешь, — он усмехнулся. — Ты бы хотела, чтобы я был во всем уверен. Но я, но мы, знаем слишком многое. Уверенность же принадлежит тем, кто имеет надежды. Ты хочешь, чтобы я перестал думать об опасностях, но я не могу. Не могу притворяться, что все хорошо. И правда, не понимаю, почему ты связываешь это с нашими отношениями.

— От тебя снова пахнет табаком, — аливитянка скрестила руки на груди.

— Да, пахнет... И тебе придется принять это, Фрида. Вы, женщины, имеете добрые намерения относительно своих мужчин. Вы пытаетесь изменить их к лучшему. Но любовь так не работает. Тебе придется принять меня вместе с моими шрамами, с болью, с моим отсутствием веры в спасительный исход и с тем, что я курю. Ты полюбила меня таким... И не надейся, что я вдруг стану меняться ради кого-то. Что я осяду в каком-нибудь райском месте с тобой и забуду о том, через что прошел. Этого не случится. Ты никогда не увидишь в моем взгляде расслабленность. Там всегда будет холод... Всегда. Но это вовсе не означает...

— Ну. Давай. Договаривай, Конрад. Чего это не означает?

— Того, что я не люблю тебя, — он громко вздохнул и ушел.

— А что, если я откажусь принимать все как есть? Что тогда? — она прокричала ему вслед.

— Ты уже догадываешься, что тогда... — долетело до нее из темноты.

По щекам аливитянки медленно поползли соленые капли.

На рассвете пестрые птицы разбудили жителей селения. Туман отступал вглубь леса. Когда Фрида проснулась, то не увидела никого рядом. Она вышла на улицу, но и те пустовали. Воительница вынула меч из ножен. На полусогнутых ногах покралась к жилищам друзей. Там она застала умывающегося Конрада.

Фрида знаком показала ему молчать. Но он громко заговорил:

— Все в порядке. Я знаю, где все.

— И где же?

— Они ждут нас.

— В смысле? Зачем?

— У нас с тобой свадьба, дорогая! Так что нам бы поторапливаться пора.

— Это что, шутка?

— Фрида, мужчины такими вещами не шутят, — он подошел к ней и взял за руку.

— А где же предложение? Меня ты спросить не хочешь?

Наёмник уставился себе под ноги и после отозвался:

— Идем.

Воительница помотала головой, крепко стиснув зубы.

— Я ненавижу тебя, Конрад! — она принялась колотить его кулаками по груди. —

Слышишь, ты черт возьми? Ненавижу! Ненавижу!

— Не на такую реакцию я рассчитывал, конечно, но и так сойдет, — он обнял ее и повел за собой.

— Выходит, все знали, что у нас свадьба. А я узнаю об этом в самый последний момент? Будь ты проклят, Конрад! Почему ты такой? Почему? Я иду под венец без подобающего наряда. Все никак у нормальных людей.

— Зачем тебе наряд? Я же на тебе собираюсь жениться, а не на твоём платье.

— Тебе еще и смешно?

— Фрида, ты сейчас станешь супругой сына безмолвного. Так что о нормальности не может быть и речи.

— По нашим традициям, жених должен убить льва, чтобы доказать невесте свою храбрость.

— Я думаю, что храбрость я и так уже достаточно доказал. Но льва я все же убил.

— И когда ты успел?

— Ночью.

— Когда ты станешь моим мужем, то впредь о всех твоих ночных похождениях я должна буду знать все.

Наёмник улыбнулся.

— Так ты принимаешь меня таким, какой я есть?

— Знаешь, а я ведь ради тебя отрекаюсь от родного дома навсегда. А ты даже курить не можешь бросить ради меня. Мне кажется, что я могла бы влюбиться и в кого-нибудь получше, чем ты.

— Да, определенно могла бы. Но вот только жизнь бы была у вас куда скучнее.

— Ну еще бы. С тобой точно скучать не приходится. Только и успевай уклоняться от лезвий. О боги! Вместо обычного мужчины умудрилась остаться с тем, за кем, скорее всего, начнется всемирная охота, — веко над правым глазом задрожало от быстрых сокращений.

— И не говори, родная, и не говори... Но тогда, в Остбоне, когда ты пришла спасти меня, ты уже знала, что придется покинуть Саркен. Ты уже знала, какая жизнь тебя ждет. Нас свела судьба, нас свели твои видения. Ты слушала духов. И вот мы здесь, куда так стремились.

Они взошли на помост, крышу которого украшали цветущие лианы. Их малиновые цветы источали резкий сахарный запах. Объединять их сердца по обычаю должна самая старшая в роду невесты. Это была тетка Фриды. Жесткие седые волосы соломенной копной стелились до колен. Серо-голубыми острыми и серьезными глазами она смотрела на них из-под морщинистого лба. Крылья ее крючковатого носа совсем не двигались, плоские губы были плотно стиснуты, словно той не требовался кислород для существования.

В лучах солнца глаза тетки Инит сверкали, как серебро или звездная пыль. Создавалось впечатление, что живет она за счет древней энергии и потому не дышит. Голову ее покрывал венчик из упругих темно-синих веток. Худое тело обволакивало яркое оранжевое платье с черной вышивкой внизу с непонятными Конраду письменами. На босых ногах виднелись татуировки в форме переплетающихся линий, среди которых кружили, будто в клетке, вороны. На щиколотках висели браслеты из красных бус. В руках тетка держала кинжал с вырезанным узором глаза на рукоятке.

Все остальные стояли в форме полукруга, освободив по центру тропу для прохода жениха и невесты. В первых рядах наёмник увидел друзей. Иорик располагался между Амелией и Бригидой. Он улыбался во все свои кривые зубы и, судя по всему, уже успел пригубить где-то праздничной настойки. У аливитянок строго запрещено пить алкоголь в Саркене. Но в свадебные дни они открывали крепкие напитки из диких ягод.

Поэт был одет в чистую белую рубаху, куда он сверху подшил фиолетовый цветок. Под мышкой тот держал белую шкатулку из дерева. Улыбка его действовала заразительно и на самого Конрада. Он кивнул ему в знак приветствия. У Бригиды вид был немного спокойнее, но она тоже пребывала в приподнятом настроении и подмигнула им с Фридой. Ее непослушные темные волосы с большим трудом заплели до этого в тугую косу вокруг головы и украсили шпильками с розовыми бусами. Девчушка держала большой букет из белых эустом.

Амелия же хранила каменное выражение лица. Взгляд ее выдавал полнейшую скуку. Кому-то удалось выпрямить ее вьющиеся локоны, и теперь рыжие волосы пышными ровными складками обрамляли голову и шею, ниспадая на грудь. Губы были накрашены красным цветом, брови и ресницы — коричневым. Ей очень шел макияж. Но вкупе с прямыми волосами выглядела она слишком властно и строго. Кудри все же придавали ей мягкость и воздушность. Хотя может, это и к лучшему, что сейчас внешность подчеркивала ее настоящий характер. Так при одном взгляде на нее сразу видно, с кем имеешь дело. На ней сидело обтягивающее темно-серое хлопковое платье. Оно хорошо сочеталось с оттенком волос. Бэбкок то и дело косился на нее, стараясь делать это незаметно, но от Конрада скрыть это не удалось. Он улыбнулся, догадавшись о чувствах друга.

Когда они с Фридой поднялись на помост к Инит. Та вручила Фриде нож. Аливитянки забили в барабаны. По обычаям невеста должна освежевать тушу льва. Из зубов и когтей та делает ожерелье будущему мужу. Из правильно подготовленной шкуры девушке затем придется вышить супругу жилет или куртку.

Руки Фриды были в крови и одежда тоже. Когда она закончила и отдала шкуру для выскребки и сушки аливитянкам, то вновь подошла к наемнику.

— Ну, вот, а ты хотела нарядно одеться. Все равно перепачкалась вся, — заметил ей на

ухо Конрад.

— Замолчи, — огрызнулась воительница.

Инит отстегнула с пояса другой кинжал и попросила их ладони. На кисти Фриды наёмник заметил, что та тоже сделала татуировку с надписью. Порезав им тетка, она попросила тех приложить руки, соединив кровью свои узы. Наступил момент клятв. Конрад прокашлялся и взглянул на Иорика. Друг понял, что он растерялся.

Но наёмник уже вновь глядел в глаза Фриде:

— Родная, я... Я хочу лишь сказать, что ты... Что я... — она ощутила, как его пальцы нервно задрожали. — В общем, мы всегда будем вместе. Потому что я люблю тебя.

Наступила тишина. Все думали, что Конрад добавит что-то еще, но он, покраснев до ушей, с невозмутимым видом окаменел. По лицу воительницы пробежала улыбка. У нее самой начали розоветь щеки. В горле встал ком, но она все же надавила ему за запястье и прошептала:

— Это клятва. Поклянись.

— Да... Я клянусь, что всегда буду о тебе заботиться.

— Что ж... Ладно, — она вздохнула и приступила к своей импровизированной речи. — Конрад, я клянусь, что всегда буду рядом. И клянусь, что буду стараться изо всех сил не убить тебя.

Бригида едва сдержала смешок, как и родственницы Фриды. Наёмник же от её слов опешил. Она продолжала:

— Клянусь, что всегда буду занозой у тебя в одном месте. Клянусь, что не стану сидеть у семейного очага, послушно готовя тебе обед. Клянусь, что если изменишь мне с другой, то убью вас обоих. Я люблю тебя, Конрад. На этом все.

Даже на серьезном и строгом лице Амелии края губ поползли вверх.

Наёмник прижал к себе Фриду. Они слились в долгом поцелуе. Толпа озарилась радостными криками и хлопками. Их принялись забрасывать кукурузными семенами. Бригида подбежала первой, и чмокнув молодоженов в щеки, вручила букет Фриде.

— Клятва была превосходной! — прошептала она ей при этом.

— Да, спасибо, Бригида.

Бэбкок перехватил их перед тем, как все усаживались за длинный, сколоченный наспех стол, уставленный ароматными блюдами.

— У меня для вас есть небольшой подарок. Я старался сделать сам, но мне все же в конце немного помогли с украшением, — он раскрыл коробку и вынул широкий семиугольник из дерева, покрытый лаком и украшенный жемчугом, изумрудными перьями и костями птиц. — Это оберег от злых духов. Мне рассказали о таких местные. Повесите его у себя дома, когда тот появится, или над кроваткой малыша, когда боги вам его пошлют.

— Спасибо, Иорик, — Фрида обняла его. — Он очень красивый. Так я все еще тебе не нравлюсь?

— Уже давно нет. Ты говоришь порой злые вещи, но ты всегда совершаешь добрые поступки. А это уже многое говорит о тебе, как о человеке. Так что мир, сестра? — он протянул ей руку.

Из глаз аливитянки покатались слезы радости, сверкающие, словно алмазы.

— А вот ты, Конрад, сказал просто отвратительную клятву, — повернулся к нему Бэбкок. — Уж на своей-то свадьбе я думал, что ты будешь куда многословнее и трогательнее.

— С каких это пор ты перешёл на её сторону, — удивился наёмник.

— Она теперь моя сестра, как же иначе, — пожал плечами поэт.

Когда Фрида отмылась от запекшейся крови, все уселись за праздничный стол. На нем находились пышные рогалики с творогом и с грушевым джемом, имбирные коврижки, отбивные миланесы из говядины, шураско с мелкими кусочками говядины в томатном соусе, тако из креветок и чеснока, сарапетеу из печени свиньи с перцем, жакаре из тушеного мяса аллигатора. А также лимонады и крепкие настойки из ягод, цветов и тростника.

Бригада наелась до отвала, попробовав абсолютно все. Она откинулась на спинку лавки, поглаживая раздутое пузо и тяжело дыша.

— Наконец-то вкусная еда. Умеют всё-таки аливитянки устраивать добротные пиры. Пальчики оближешь, — высказалась она Иорику.

— Смотри, не лопни, Бригада, — поэт пошатывался от опьянения. — Тебе тост сейчас говорить. Так что подъем, — он похлопал её по плечу.

Девчушка вытерла рот и с трудом привстала. Бэбкок наполнил ей кружку лимонадом из крыжовника.

— Минуточку внимания, уважаемые друзья! — заявила ученица, подняв руку с напитком. — Здесь сегодня мой учитель, мой друг, которого я смело могу назвать отцом... Да, отцом! Вам не послышалось! Потому что он в прямом смысле спас мне жизнь, и не раз. Он дал мне шанс стать хозяйкой своей судьбы. Он воспитал и до сих пор воспитывает в моем характере только самое лучшее. Конрад поверил в меня и не отвернулся, — она взглянула на него и заметила, как глаза у него намокли, но он держался. — И теперь... Мы семья. Отныне и навсегда. И в этот день ты обрел себе достойную жену Фриду. И она теперь тоже моя семья. Мы прошли с ними вместе через многое за не такой уж большой промежуток времени... И они знают, о чем я. Но этого времени хватило каждому из нас, чтобы понять, кому можно верить. Именно верить. И знать, что ты не одинок. Что рядом есть люди, на которых можно положиться в любой ситуации. А ведь это большая редкость... Очень большая для мира, в котором все идут по головам только ради личной выгоды, не думая о других. В мире, где тебе воткнут нож в глотку из-за страха или из-за золотых монет. В мире, куда нас выбросило, словно бродяг. И вот мы ошетинились, стали настороженными, привыкли к плевкам в спину. Но я знаю, что под суровым видом Конрада и Фриды кроются самые добрые сердца. И я очень счастлива находиться на их свадьбе. Конрад, ты как-то мне солгал... Да, именно солгал. При нашей первой встрече ты сказал, что в тебе есть немного сочувствия. Я это помню. Но это не так! В тебе его очень даже много, уж я-то знаю. Если бы во всех было также немного, как ты говоришь, сочувствия, то мы бы оказались в райском мире, в котором бы отсутствовало зло вообще. В момент нашей встречи я хитро взвалила свою судьбу на твои плечи. Потому что я уже была в шаге от того, чтобы сдать. Но благодаря тебе я теперь та, кто я есть. Я стала сильнее. И потому сейчас ты можешь рассчитывать всегда на мою дружбу и преданность. А потом... Ты соврал мне второй раз, что не очень-то хочешь учить меня. Но я сегодня понимаю, что это не так. Ты нуждался во мне также, как я в тебе. Ты тоже был на краю пропасти из отчаяния. Но ты бы никогда не бросил меня. Мы тянули друг друга прочь от обрыва и боролись вместе за место под солнцем. И, как видишь, не зря. Ты повстречал Фриду. Вместо места под солнцем ты нашел целое солнце. Она осветила тебя своей любовью. Так что за вас! За то, чтобы у вас все складывалось хорошо. Вы ведь достойны этого, как никто. Я люблю вас!

— Спасибо, Бригада, — только и вымолвил Конрад.

Все принялись чокаться кружками. Начали танцы возле костров. Наёмник поспешно скрылся.

— Фрида, куда он подевался? — подошла к ней девчушка, опустошив лимонад. — У меня для вас есть символической подарок.

— А ты как думаешь? — улыбнулась аливитянка, ласково погладив ту по голове. — Он не хочет плакать при других. А твоя речь его растрогала. У него репутация. Где это видано, чтобы наемники были такими сентиментальными.

— Вот оно что, — хихикнула ученица. — Проводи меня к нему. Сейчас я только кое-что захвачу из шалаша.

Через минуту они встретились и направились к водопаду. До них доносились издалека радостные крики застолья. Конрад стоял на колене к ним спиной и умывал освежающей водой лицо.

— Только не говори ему, что я сдала его и сказала, что он пускал не такие уж скупые слезы, — прошептала Фрида девчушке.

— По рукам, — подмигнула та.

— Дорогой, у Бригиды для нас подарок, — окликнула его жена.

Наёмник звонко высморкался в сторону и сполоснул руки.

— Да? — протянул он, оборачиваясь. — И какой же?

— Как видишь, это щит, — ученица протянула ему легкий круглый щит, но обитый тонким металлом. — Он довольно упругий. Надави! Удары от него будут отлетать. Не выдержит разве крепкой палицы, и то под прямой атакой. А так вещь что надо. Когда ты только начинал меня учить, то сказал, что если я не смогу защитить себя без щита, то он мне все равно не поможет.

— Да, я помню, — он взял его и принялся разглядывать.

— Так вот. Как ты видишь, без щита я способна выстоять. Да и вы тоже. Но этот отличный щит символизирует теперь меня. Я готова всегда прикрывать вас, если потребуется.

Конрад ничего не ответил, но крепко обнял Бригиду, что ноги ее оторвались от земли.

— Ты мне так ребра сломаешь, Конрад, — проворчала ученица.

— Пора возвращаться, — позвала всех движением назад Фрида. — Там сейчас хотел тост Иорик произнести. Правда, не знаю, как он это сделает с заплетающимся языком. День только начался, а он уже выпил больше настойки, чем мы пьем за год.

— Не забывай, родная, что Иорик — поэт и, скорее всего, поздравит стихотворением. А настоящий поэт в абсолютно любом состоянии способен достойно представлять стихотворные формы.

Фрида с Бригидой рассмеялись. Конрад обнял жену за талию и чмокнул в висок.

— Где вы были? — прищурившись, уставился на них Бэбкок, разведя руки в стороны. — Внимание! Друзья! У меня тост! — прокричал он.

Танцы прекратились. Все, раскрасневшись от плясок, улыбаясь, наполнили свои кружки. Иорик направился к молодоженам и начал свою речь:

— *Я на острове заброшенном один стоял*

И тосковал я там, смотря в сырой туман.

Даже свет звезды меня изгоя прогонял.

Но как-то раз за мною прилетел орлан.

И тот унес меня в бескрайний мир,

Что полон был смертей и ран.

В нем правил звон ударов от секир.

И ждал меня все тот же вновь капкан.

Я с каждым днем терял сильнее разум.

Ведь там он не был нужен никому.

Я полагал, что уж такой начертан фатум.

И не узреть, как луч добра рассеет тьму.

Но мрак тепло окутало от языков костра.

И я заметил всадников со шрамами, как у меня.

Они открыли мне глаза на то, что лишь одна искра

Поможет отыскать места, куда добратся не посмеет крепкая броня.

Он замолчал и затем продолжил:

— Тем орланом была моя надежда. Я покинул родной дом, где мне было плохо, и отправился искать счастье в иных краях. Но наткнулся на вещи, что меня совсем не интересовали. Куда бы я не пришел, видел лишь серую обыденность. Встречал людей, не думающих о других людях. У всех хватало своих проблем, что превращали почти любого в свирепых и жалких существ. Однако однажды я наткнулся на друзей. И все очень сильно переменялось. Вместе с ними я узрел гораздо больше, чем мог один. И я сам научился выбирать дорогу, по которой идти и кем на ней быть. А та искра, которую вы, всадники, Фрида и Конрад, подарили мне, называется "Настоящая семья". И в какой бы край я не отправился, я буду счастлив, что есть вы. Если счастливы вы, буду счастлив и я. Рай отыскать проще, чем кажется. Для этого необязательно умирать. Вовсе нет... Нужно лишь обрести людей, что способны поделиться искрой. Искрой, которая не погаснет, пока чье-то из наших сердец бьется. Эту кружку с чудесной настойкой я поднимаю за семью! За вас, Фрида и Конрад! Пусть любовь царит вечно!

Опустошив сосуды до дна, жена с мужем обняли улыбающегося поэта.

— Хорошие слова, Иорик! Ну, у тебя иначе и не выходит. Спасибо, брат! — сказал Конрад над его ухом.

Все уселись за стол снова перекусить, чтобы сильно не пьянеть. Весь день еще был впереди.

— Нам это и до ночи не съесть, — заметила Бригида.

— Вечером еще запекут гигантских местных удавов, — отозвался Конрад.

— Фу, — поморщилась девчушка.

— А также много рыбы и коз, — добавил тот. — Полагаю, что коз уже скоро начнут готовить, чтобы успеть.

— А вот это уже звучит куда лучше!

Когда все вновь пополнили желудки, наёмник поднялся с места:

— А теперь тост от меня! Я очень благодарен за ваше гостеприимство! — он взглянул на Инит. — И за то, что вы так прекрасно все устроили для нашей с Фридой свадьбы. Аливитянки — великий и мудрый народ! Для меня большая честь, что моя супруга ваших кровей. Сейчас мы здесь нашли укрытие и теплый прием! И я даю слово, что никогда не забуду этого! И что в скором времени отплачу вам тем же добром, с каким вы отнеслись ко мне и моим друзьям!

Тетка Фриды благосклонно кивнула ему. Она была совершенно немногословна. За всю свадебную церемонию едва сказала несколько слов. Таков был железный характер у этой

добрый женщины. Но она двинулась к нему навстречу, и он поступил также. Они расцеловали с Инит друг друга в щеки.

Западная граница Дормана

Королева едва успевала накладывать жгуты на рассеченные и отрубленные конечности своих подданных из гарнизона. В какой-то момент руки ее начали дрожать от поступившей волны страха. Она думала, что готова вынести ужас от приближенной битвы, но на деле все оказалось совсем иначе.

Тиссу вырвало прямо в угол комнаты при виде еще пульсирующих кишок. Блуждающие глаза умирающего воина дико взирали на все подряд.

Ее Величество окровавленными пальцами резко распахнула дверь, чтобы вдохнуть морозный воздух и прийти в себя. Рыцари продолжали приносить раненых сверху. Она остановила их:

— Подкрепление прибыло?

Но Тисса поняла по выражению их лиц, что нет. Один из них мотнул головой. Однако мужество и отсутствие паники личных стражников ее вдохновило.

— Насколько все плохо? — сорвалось с губ правительницы.

— Они в любую секунду могут прорваться к воротам! И тогда мы погибли!

— Вы видели Бедфорда и Рогира? Они еще живы?

— Не знаю, Ваше Превосходительство! На верхних галереях всё в дыму от выстрелов и толпы сражающихся. Там не протиснуться. Мы хватаем тех, кто ближе к лестницам.

— О, Дахман! — она вытерла красный пот со лба. — Значит так. Пусть трое из вас идут к рычагам от ворот! Двое остаются при мне, а вы продолжайте искать раненых.

— Но, Ваше Величество, если захватят вас, то ворота не будут уже иметь значения.

— Да что ты говоришь, Джеральд, — королева нервно усмехнулась. — Я это и без тебя знаю, умник! А как вы трое мне поможете, если все остальные будут мертвы и враги прорвутся? Правильный ответ: "Никак"! Так что ступайте на подмогу, как я сказала. Кстати, у кого-нибудь есть с собой водка во фляжках?

Воины переглянулись друг с другом.

— Давайте-ка поживее! — топнула ногой Тисса. — Мне нужна она, чтобы раны обеззараживать. А то с таким наплывом уже все заканчивается.

Один из них отцепил с пояса сосуд и передал ей.

— Всё ступайте!

Правительница вернулась обратно и первым делом сделала глоток из фляжки и закашлялась.

— Ваше Величество, что это у вас? Вы же носите наследника! — изумился бородатый ратник.

— Я бы на вашем месте помалкивала, вы и так крови много потеряли! — парировала Тисса. — Мы сейчас с вами в аду! Так что хуже уже точно не будет. А это мне хотя бы поможет не рухнуть в обморок.

— Моя рука! Рука! — раздался вопль от вновь прибывшего. Из его глаз хлестали слезы.

Часть его правой руки, что ниже локтя, болталась на клочке кожи и мяса. Мужчина так широко раскрывал рот, словно задыхался.

— Как тебя зовут, воин? — как можно хладнокровнее спросила Тисса.

— Виктор, Ваше... Ваше Величес...

— Хватит! — прервала его она. — Сегодня титулы и звания ни к чему! Сегодня я просто Тисса, черт побери, эти войны! Эй! — окликнула она рыцарей. — Заберите тех троих у стены! Они мертвы! Здесь и так места нет.

— Виктор, хорошее имя! А сейчас ложись! И зажми хорошенько тряпку в зубах!

— И кому я потом нужен буду с одной рукой? Как мне семью прокормить?

— Об этом я позабочусь, Виктор! У нас с тобой мало времени, поэтому давай быстрее. Ты и так уже бледнее снега!

Она вынула раскаленный топор и попросила стражника придержать воина.

— Насчет три отсеку лишнее и прижгу! Раз... — удар.

Через секунду в помещении запахло подпаленным мясом. Ратник дико задергал ногами.

— Вот и все, — вздохнула правительница. — На, глотни водочки, Виктор! Все будет хорошо.

Она только присела, как внесли следующего с рассеченной грудью. Из нее хлестала кровь.

— Буду зашивать! Крепись!

Тисса стянула с него кожаные доспехи и рубаху. Достала из раствора закругленные иглы с треугольными концами. Обработала кожу и вставила нити.

— И ты тоже глотни-ка водки! И постарайся думать о чем-нибудь хорошем. Хотя вряд ли тебе это поможет, — королева сжала губы и наклонилась над ним.

— Моей раны касается вы, Ваше Превосходительство! Разве может мне быть больно!

— Еще как может! Боль есть боль. И перед ней все равны. И мои руки, как вы могли заметить по трупам за дверью, вовсе не спасают, — она воткнула иглу и принялась соединять мышцы.

Раненый не закричал, но ладони его сжались в кулаки так, что побелели, будто алебастр. Чтобы хоть как-то отвлечь того, Тисса решила спросить:

— Командир крепости, Рогир, Бедфорд, кто-нибудь из них еще жив?

— Командир мертв... Эти ублюд... Простите...

— Не извиняйтесь. Они ублюдки, а дальше?

— Ублюдки воткнули ему клинок в шею. А славный месье Бедфорд еще держался, когда меня уносили. Он сражается, словно лев. Сразу видно, в нем течёт кровь вашего рода.

— Он не ранен?

— Кажется, нет!

— А что насчет правителя орков?

— Ваше Велич...

— Просто Тисса. Сейчас титулы не имеют значения. К черту выкупы! Если понадобится, мы все здесь поляжем. Так что с ним?

Мужчина опешил от такого заявления.

— Да как же так можно... Вы ведь нужны Дорману! Ваша жизнь бесценна! Как вы этого не понимаете!

— Я уже сказала вам, что сейчас я просто Тисса. И повторять больше не собираюсь! А насчет Дормана... Да, я ему нужна. И именно поэтому я сейчас здесь, зашиваю вашу рану. Правитель должен быть там, где его люди в нем нуждаются. И я этим и занята в данный момент. И правитель должен иметь смелость разделить любую участь с подданными. Это, конечно, с политической точки зрения глупо. Но с человеческой точки зрения это правильно. А я хочу быть в первую очередь достойным человеком, а не живым политиком.

— Тисса, и вы ему доверяете? Этому Рогиру? Где подмога? Что, если он на стороне врага?

— Ну, во-первых добираться из их земель в наши достаточно проблематично. Особенно во время никса. Их могла задержать непогода. А во-вторых зачем оркам переходить на сторону варваров?

— Как же? Поделят Дорман. И главарь дикарей отдаст ему наших жен и детей на съедение, как скот.

— Что ж... Ваша рана в порядке. Правда, болеть еще долго будет и понадобится мазь, но это пустяки. Конечно, такой поворот событий, о котором вы заявили, возможен, но вы не знаете того, что известно мне. Рогир отличается от своих соплеменников. И я ему доверяю.

— Но вдруг это все пыль в глаза? Можно мне глоток воды?

Королева зачерпнула черпаком из ведра и подала ему.

— Если это пыль, как вы сказали. Тогда... Мы сегодня все умрем, — она протерла влажным полотенцем потную шею. — И в этом буду виновата только я. Отправлюсь в ад. Вот и приведут добрые намерения к самому худшему. Что за жизнь, — Тисса возвела глаза к потолку. — Только время покажет, кто оказался прав, а кто ошибался. Нам же приходится жить либо в постоянном страхе, либо в самоуверенности. Но чтобы не относиться ни к тем и ни к другим, а оставаться свободным философом, необходимо быть простым человеком. А я себе не могу этого позволить. Я королева, и мне придется играть в эту игру. Иначе будет только хуже... Но эта игра, в которой правители никогда не выходят победителями, — она усмехнулась. — А вообще много вариантов, знаете... Может быть и так, что Рогир нам верен, но вот его войска пошли против мира с нами. Так что плохих исходов всегда предостаточно. А вот хороший бывает только один. И мы за него сегодня боремся, — она пожала руку воину. — Так вы видели Рогира?

— Нет. Возможно, он был на другой галерее.

— А эльфы среди врагов встречались?

— Да. И немало.

— Вот как, — одна бровь королевы поползла вверх.

Она вышла на улицу и обратилась к рыцарям.

— Передайте остальным, что несколько эльфов нужно взять живыми! Устроим им затем хороший допрос, чтобы жизнь малиной не казалась! Из них нужно вытрясти абсолютно все!

— Выполним, Ваше Величество! — он кивнул. — Мы здорово их потрясем! Главное — душу не вытрясти.

— У тех, что на нас напали, нет души, — изрекла вслух женщина.

Она вернулась обратно и принялась менять намокшие повязки и поить больных травяным отваром.

— Тисса, — обратился к ней ратник с защитой раной на груди. — У вас грустные глаза... Вы мне сказали до этого, что если что-то пойдет не так, то вы попадете в ад. Но это не так!

— И почему же?

— Потому что у вас были добрые помыслы. Разве это не самое главное? Ведь не всё в наших силах. Стоит уклониться от одной беды, как другая накинется с другого фронта. И не факт, что та, другая беда окажется меньше. Здесь, в этом мире, вас обвинят в ошибке, но не там... Ведь ваше сердце и совесть чисты. Вы хотели как лучше для всех. Хотя прекрасно

знали, что на Барнаре так никогда не бывало. Не бывает так, чтобы всем было хорошо. Но вы все же на это пошли. И если все рухнет, если кровь всего Дормана прольется, то все равно мы с вами встретимся в раю.

— Как вас зовут?

— Монк.

Тисса склонила голову на правый бок и задумалась.

— У вас умные и одновременно глупые размышления, Монк, что я могу сказать... А это куда лучше, чем четкая определенность. Доброта должна идти рука об руку с умом, чтобы прокладывать только верную дорогу. Но, увы, уж так устроена жизнь, что не всегда ум способен помочь хорошему делу. Быстротечность времени, а следовательно, и поступков играют против нас. И ум ничего не может порой изменить. Поэтому я положила на свое сердце и на слепую удачу. Я не оправдываюсь! К тому же для оправданий еще слишком рано... Просто рассуждаю. Но в любом случае, мне нравятся ваши слова, Монк! Благодарю за них. Однако надеюсь, что в рай мы попадем не сегодня. Не стоит торопиться, не правда ли?

— Это точно, — улыбнулся мужчина.

— Знаете, что самое абсурдное в нашем мире, — Тисса склонила голову, нахмутив лоб: — те, кто знают, что попадут в рай, не спешат умирать. А те, кому точно обеспечена дорога в ад, так и рвутся поскорее в него провалиться. Как, например, те сволочи у наших стен.

— Не знаю... По мне, так все зависит от конкретного положения дел, — откликнулся воин.

— Вы куда сильнее и умнее меня, Монк. И поняла я это всего лишь за несколько минут общения с вами. Меня всегда переполняют эмоции, и не самые лучшие. Я на них, словно на качелях. Знаю, где лежит правда, но они уносят меня прочь. И я никак не успеваю ухватиться за золотую середину.

— Но ведь, вы, стараетесь?

— Да! Но всегда проигрываю... Откуда у вас такие превосходные взгляды на жизнь? Кто вам их дал?

— Боюсь, что мой ответ вам не понравится. Такие вещи не даст ни один учитель. На мою жизнь выпало немало сражений. И смерти в лицо я насмотрелся достаточно. Самым жутким, пожалуй, было встречать рассвет прямо перед битвой. Каждый рассвет в памяти, как последний до сих пор. И вот ты сидишь и смотришь на небо, прощаясь со всем, что было. Прощаешься не потому, что совсем в себя не веришь, а потому что знаешь, что иначе нельзя. И вот эти-то рассветы научили меня тому, о чем вы спрашивали.

— Подождите, но как они научили смотреть вас на все так нейтрально и широко? Я не понимаю.

— Вы поймете это, если мы выживем сегодня. И потом, если вы вновь решите отправиться в самое пекло событий, то рассвет перед бойней покажет вам все. Вы почувствуете это собственной кожей. Эмоции больше не будут вас швырять. Смотря в небо на рассвете перед возможной гибелью, вы научитесь контролировать себя. Все человеческое уходит. Остается только голая душа. А она-то освободившись от оков, идет прямехонько, и ничто ее уж не сдвинет.

— Вы сказали, что это было самым жутким... А потом, получается, что-то изменилось?

— Верно... Ты привыкаешь постепенно к тому, что следующий рассвет может начаться уже без тебя. И страха больше нет. Но и эмоций больше нет. Никаких качелей... Ты

начинаешь смотреть на всё трезво, оставляя слепую ярость позади.

Прямо за дверью послышались крики сражающихся. Среди них Тиссе показалось, что она распознала голоса своих стражников.

— Вам нужно уходить отсюда, — прошептал ей Монк. — У правого окна на привязи есть конь.

— Я королева и сама решаю, когда мне нужно уходить, — правительница взяла щит и шпагу.

Сердце ее билось, словно сорвавшись с цепи. Ладони вспотели. Ужас так и не покинул жилы. Перед выходом она остановилась, взглянув на свой живот.

— Прости, малыш. Скорее всего, мы скоро умрем по моей вине... Но я не могу поступить иначе. Мне страшно... Однако трусихой я не стану. Если везение окажется на нашей стороне, и когда-нибудь ты займешь мое место, то поймешь, почему хороший правитель не прячется, — прошептала она дрожащим голосом.

Глаза ее намокли от подступающих слез. Она сделала глубокий вдох и распахнула дверь.

Под ее ногами на белом покрывале, застыв, будто в изломанных позах, как деревянные игрушки, лежали трупы. От их крови еще можно было заметить пар. Среди мертвецов находились четыре варвара, один эльф и один ее рыцарь. Второй еще был жив, но при одном взгляде на него она поняла, что смерть явится и за ним. Из его рта резкими волнами выплескивалась темная кровь. Он, заметив королеву, потянул к ней руку.

— Ваш-ш-е... — всё, что успело сорваться с его уст.

Стражник рухнул лицом в мягкие хлопья и больше не шевелился.

Ее Превосходительство замерло. Тело становилось ватным. Его начинало пошатывать. Тошнота подступала к горлу. Но тут в ее разуме запульсировало одно единственное слово: "Ворота".

— О, боги! Ворота, — Тисса со всех ног помчалась к рычагу.

Приходилось перескакивать через размозженные трупы мертвецов, сброшенных с высоты. Она не понимала, что сможет сделать, столкнувшись с врагами, и потому отгоняла от себя эти мысли, как тучу назойливых комаров.

До правительницы доносились сзади разъяренные оклики варваров. Она боялась оборачиваться. Ей хотелось кричать. Но из глубины вырывались только жадные, громкие звуки дыхания.

Заметив под навесом из досок знакомое живое лицо, ей стало немного легче. Белокурый и голубоглазый рыцарь Джеральд один отбивался от двоих прорвавшихся, среди груды трупов.

Королева больше не раздумывала. Она выронила щит и двумя руками крепко ухватилась за рукоять шпаги. И с разбега всадила ту в спину высокого кудрявого варвара. Это был первый человек, которого она убила своими руками. Ноги его подкосились, и тот рухнул на колени. Джеральд покончил со вторым.

— Ваше Величество, садитесь на коня! Они уже здесь! Сейчас же! — стражник тряс ее за плечи.

Но она его не слышала. Глаза застилали слезы. По телу мчались судороги. Она так и стояла над телом убитого ею.

— Как вы это делаете? — она безумным взглядом уставилась на рыцаря. — Как вы можете убивать? Это... Это же... Это жутко! Я не смогу этого забыть! Не смогу! Джеральд мы все прокляты! Все на этой земле прокляты, если нам приходится совершать такое.

— Что вы такое говорите, Ваше Величество! Я не смогу вас защитить! Оглянитесь же вы назад! Они уже здесь! У вас последний шанс сесть в седло! Я задержу их, насколько смогу.

Только теперь, кажется, до нее дошёл смысл его слов. Она вытерла слезы и обернулась. Перед ее взором предстали пять загорелых варваров с мечами и секирами. Из-под их буйволовых жилетов выглядывали крепкие руки со вздутыми мышцами. В длинных спутанных волосах виднелись чьи-то вплетенные кости. На некоторых лицах играли наглые улыбки во весь рот.

— Неужели это та сучья королева собственной персоной, — перекинул топор из одной руки в другую тот, что был справа.

— Джеральд, я все равно не оставлю раненых.

— Но они потребуют за вас непомерный выкуп, — старался вразумить ее рыцарь.

— Я знаю. Поэтому убью себя сама при необходимости, — она вынула шпагу.

Остатки крови на лезвии заставили ее побледнеть.

— Джеральд, мы умрем сегодня за всех слабых и обездоленных! И, возможно, живыми мы бы принесли куда больше пользы. Но иногда, чтобы уважать себя, стоит уметь и прощаться с тем, что привычно. Я оказалась никудышным правителем. Но клянусь, что я была верна себе, как никто другой в этом чертовом мире!

Винетка

Посетители харчевни расплачивались по счетам и дружно выходили на мороз. В дверях появился Саймон и направился к столу Карлин.

— Вы не против, если я сяду к вам?

— С чего бы мне быть против. Прошу, — с безразличным видом отвечала та. — Куда все так спешат?

— Вы разве не знаете, что сейчас начнутся ежегодные гонки на собачьих упряжках. Они продлятся три дня. Участников очень много, как и тех, кто ставит ставки на тройку лидеров.

— Ах, да, точно, — чародейка отставала от себя посуду.

— Сэр Джироламо, а вы когда-нибудь были в Винетке?

— А как же. Когда мы с... С братом были детьми, то ездили с родителями на ежегодные скачки.

— Я так понимаю, у вас осталось довольно много теплых воспоминаний об этом месте?

— Как и у всех, я полагаю. В детстве все кажется куда более большим и интересным, нежели с возрастом. Ну а вы, господин Саймон, как часто бывали здесь?

— Всего лишь несколько раз, к сожалению. Сюда ездят семьи, не отличающиеся крайними взглядами. Мои же родители терпеть не могли данное место. В Лириане им было куда лучше. Они вообще не любили путешествовать.

— Дайте угадаю, они презирали другие расы?

— Я бы сказал не так. Моя семья относится к истинным патриотам. Так или иначе, после потери значительной части состояния предки принялись заключать торговые сделки с представителями других государств. Так что вы ошиблись, когда сказали про презрение.

Карлин ничего не ответила, уставившись в небольшое окно слева, усыпанное снежинками. Спустилась портьера тишины, прорезаемая бряканьем от мытья кружек и тарелок. Хозяйка заведения копошилась за стойкой, не обращая на них никакого внимания.

— Господин Саймон, а вы не желаете прогуляться немного? Я тут помню чудесный холм, с которого можно отлично разглядеть забег, и там совершенноне бывает толпы. Так как мало кто знает, как туда подступиться. Я хорошо перекусил. Не помешало бы выкурить трубку с кем-нибудь в компании.

— Почему бы и нет, — развел руками эльф.

Волшебница оставила на столе несколько монет, и они отправились по глубоким сугробам огибать двухэтажные, милые, но крепкие домики. Приходилось долго взбираться на холм позади поселения. Но с него действительно открывался достойный вид. На фоне желто-белого солнца в танце кружились пышные хвойные деревья. Сойки быстро проносились в голубой синеве. Вдали виднелись снежные горные вершины.

Внизу же им был виден значительный путь от маршрута гонок. Собаки неугомонно мчались, не обращая внимания ни на что вокруг. Из открытых пастей валил пар. На это можно было глядеть вечно. От животных чувствовалась неиссякаемая внутренняя сила. И это многому могло научить даже людей. Суки и кобели не останавливались, когда видели, как кто-то их обгоняет. Мощные звери всегда боролись до самого финиша. И никогда не впадали в печаль, проигрывая другим. Такова была их природа: не оглядываться на остальных. Они служили своим хозяевам верой и правдой. Делали все, что в их возможностях, и с

довольными мордами пожирали мясо, когда дорога борьбы завершилась.

— Мчатся со всех ног вперед, даже когда осознаешь, что всё зря, — заметил вслух Саймон. — Не находите ли это глупым?

— Я думаю, что псы уж точно не понимают, что все зря. Но вот погонщики — другое дело. Однако продолжают идти дальше. Суть ведь не в финише, а в пути. Если кто-то пройдет весь путь, тот и заслужит уважение, а не только лидеры. Согласитесь, что мужества больше в том, кто отчаялся, но не сдался, чем в том, кто уверен и продолжает борьбу.

— Пожалуй, это правда так. Вы меня убедили.

Лирианец едва успел договорить, как лезвие кинжала было приставлено к его горлу.

— Знаете, господин Саймон, весьма странно, что такой родовитый и обеспеченный эсквайр, как вы, вдруг решил поехать со своими товарами, словно какой-то обычный купец. Не подобает особам столь знатным заниматься делами, когда у них для этого есть специальные люди. И даже не пробуйте убедить меня в обратном. Лучше скажите прямо, кто вы такой и какие цели преследуете!

— Сэр Джироламо, что это с вами? — он усмехнулся. — Вы ведете себе, будто разбойник с большой дороги.

— Отвечайте сейчас же, — она надавила лезвием еще сильнее. По его коже побежала алая струя крови. — Я считаю до трех, а затем так и брошу ваш труп здесь. И им полакомятся с преобладающим удовольствием оголодавшие волки. Раз, два...

— Карлин, прошу вас, остыньте! Вы, видимо, сильно перенервничали за последнее время. Ну, еще бы! У вас весьма трагичная судьба, — он повернулся к ней лицом.

— Откуда вы знаете, кто я такая? — зрачки ее расширились.

— Можете принять свой настоящий вид для начала, раз уж мы теперь ведем не лживый разговор, — Саймон улыбнулся.

— Талсима!

Ведьма вновь стала собой.

— Вы так и не ответили на вопрос!

— Давайте я лучше все покажу. Пройдемся к подножию той скалы.

— Так вы следили за мной. И зачем же? — не унималась чародейка, идя позади и проваливаясь в снег.

— Да, все верно. Скоро вы все поймете.

Они вышли к горячему источнику, выпускающему клубы серого пара, стелящегося по его спокойной поверхности.

Эльф вошёл в воду. Карлин, раскрыв рот, с подозрением следила за ним.

— Подойдите поближе, — он нырнул.

Всплыв через несколько метров, лирианец махнул своим гигантским рыбьим хвостом. Мраморная чешуя на нем переливалась жёлтыми и сиреневыми отсветами.

— Какого черта... — тихо сорвалось с губ чародейки. — Вы что, русалка? — она помотала головой. — Я думала, такое только в сказках бывает.

— Ладно, на первый раз прощаю вам ваше невежество. Но если еще раз назовете меня русалкой, то клянусь, что кишки вы потом свои обратно уже не смотаете. Я тритон, — он воздел руки вверх. Вода поднялась столбами вокруг него.

— Но почему вас никто не видел?

— Потому что нам это не нужно, — Саймон вышел на берег с голыми ногами.

— Выходит, вы даже не эльфиец и это все игра ради одного актера? Это тоже не ваш

настоящий вид?

— Богатенький эльф Саймон на самом деле существует. Но я временно воспользовался его личностью. С ним же все в порядке. Он гостит у своих родственников.

— Вы меня увидели. А какой вы? Я имею в виду верхнюю часть туловища!

— Я понимаю, что мы сейчас говорим о полном доверии. Но лучше вам не видеть мою верхнюю часть.

— А в божественных летописях вас описывают красавцами.

Саймон сильно рассмеялся, потряхивая плечами и обнажив зубы.

— Значит, кто-то из моих братьев сильно запугал когда-то некоего летописца. Вот и все дела. Историю ведь пишут те, кому это выгодно.

— И какая же вам от этого выгода?

— Я думаю, что наш разговор зашел не туда. Потому что я здесь для того, чтобы поговорить как раз таки о вас, Карлин.

— Я вас слушаю.

Мужчина быстро оделся обратно.

— Вы ведь помните своего знакомого из мертвой пустыни?

— Вы про бога, что чуть не убил нас с сестрой? Хотите сказать, что вы имеете какое-то отношение к нему? Что ж... Если так, то мне не о чем с вами говорить, — она развернулась.

— И вы не хотите узнать, кто он такой?

Но волшебница не остановилась, покидая его.

— Все это связано с вашим другом Конрадом. Но если его судьба вас не интересует, то так и быть, не смею вас задерживать.

— Что ты сказал? — она резко подбежала обратно. — Он в опасности?

— Мы с вами на ты, кажется, не переходили, — тритон сомкнул ладони спереди.

— Что все это значит? Что вы знаете о нем?

— Так вот... Бог из пустыни является единственным, кто появился на свет без зачатия. Если, конечно, не считать самого первого создателя, что породил себя из пустоты. И вы должны уже догадаться, что это может означать... Он всемирный судья!

— Этот ублюдок — судья! — вскричала Карлин. — Видимо, боги совсем не умеют распределять должности.

— Я бы на вашем месте так не отзывался о нем. Ибо я служу ему. И вы все здесь до сих пор живы благодаря ему. Судья не отвечает за других богов, но он хранит равновесие в самом Барнаре, среди живых существ. Вы даже не подозреваете, сколько раз он спасал всех смертных. Например, про осколок звезды магу из полуночных звезд намекнул именно он. Судья дает знания, способные защитить жителей планеты. Но сам он не имеет права вмешиваться своими силами в ход событий. Он позволяет спастись тем, кто к этому готов.

— И при чем здесь Конрад и я?

— Ну, смотрите, ваш дорогой друг — дитя безмолвного и человека. Скажите, как только переварите эту информацию, и я продолжу.

Чародейка молча смотрела на него, не зная, что на такое возможно ответить.

— Судя по вашему взгляду, вы не совсем понимаете, к каким последствиям может привести подобное звено в цепи. Я постараюсь вам объяснить, насколько выйдет подробнее. Боги с большим трудом отделили восьмого безмолвного от остальных. И Конрад как раз оказался его сыном. Следовательно, семь безмолвных заключенных в данный момент в землях Хайриана. Вернее, не изначально заключенных, а уже материализовавшихся там

спустя столетия неудававшихся попыток. Так вот, они ищут вашего друга, чтобы он занял место рядом с ними, а следовательно, и вернул всем былую силу. Ведь вам известно, что они творят свои делишки только восьмером, ибо не являются созданиями бытия или небытия. Это существа замыкающей бесконечности. И когда они найдут Конрада, то он уже не сможет им сопротивляться. Он неизбежно станет их частью. А когда это произойдет... Я полагаю, что данную мысль вы и без моей помощи закончите, — он немного выждал и продолжил: — За вашим другом уже выступает армия мертвых хайрианцев, которыми управляют безмолвные, не имея возможности вырваться из границ, где их удерживают боги. А еще ваш "любимец" Узгулун также у них на крючке. Теперь он служит им, так как те высвободили его из измерения, куда того запрятала ваша подруга Амелия.

— Что? Амелия? Она... Она жива?

— Да. В данный момент она рядом с Конрадом.

По лицу Карлин проползла улыбка. Ведьма провела руками по волосам. В глазах застыли слезы счастья. Волосы на её руках встали дыбом от такой новости.

— Вы вообще слышите, что я говорю? Не думаю, что тут до радости. Хотя понимаю, вы, верно, рады за подругу. Что ж... На этом хорошие вести заканчиваются.

— Значит, жизнь Конрада находится в опасности, — она закусила нижнюю губу. — Где он? Я должна с ним встретиться. Он уже знает, что его ждет?

— Пока что ему не совсем известны все подробности происходящего, но думаю, что о самом худшем он догадывается. Его уже ожидают на совете четырех, куда приведет его пророчество.

— Пророчество?

— Да. Пророчество самого Судьи. И там с ним все подробно обсудят. Вашему другу нужна защита... Но вот ваша задача во всей этой истории будет состоять в следующем. Королева Дормана явно вам доверяет, если уж отправила вас одну на секретное задание в Лириан.

— Подождите... Я ничего не понимаю. Какой еще совет? В чем именно пророчество? И чего вы хотите от меня?

— Видимо, придется вдаваться в подробности куда тщательнее, — Саймон закатил глаза. — Всемирный Судья создал Совет, куда входят представители забытых на Барнаре рас. И моя, само собой, тоже. И мы, как его представители, занимаемся тем, что сдерживаем нарушение равновесия. Миллионы планет исчезли с лица Вселенной, и боги их не спасли. Ибо все начинается изнутри... Все зависит от содержимого мира, а не от внешних обстоятельств, таких, например, как безмолвные. У всего живого всегда есть шанс, но мало кто способен просчитать исходы, которые приведут к нему. Так вот, Судья на это способен. Когда правительница Дормана узнает об армии мертвецов-хайрианцев сметающей все на своем пути в преследовании Конрада, то она само собой вмешается. И рано или поздно поймет, в чем кроется вся соль. А вы должны хорошо знать ее характер. Во всяком случае, при казни супруга она его не стала оплакивать. Королева думает о всех. И она выберет смерть одного человека, нежели гибель народов.

— Она захочет уничтожить Конрада, так как тот большая угроза... — Карлин присела на корточки. — О, боги! Его все захотят убить, — лицо ее побледнело.

— Рад, что вы начинаете соображать, к чему все идет. И кстати, о богах. Теперь приготовьтесь услышать самое худшее. На небесах началась вражда. Создатели разделились на два лагеря. Одна часть небесных правителей решила выступить на защиту вашего друга. В

их числе есть Дахман, Хед и даже враждебный вам, а вернее вашим богам, Ингварид. Ингварид потерял свою паству. Но он понимает, что истина кроется в словах Судьи, а потому вступил в перемирие с выше перечисленными создателями. Но, как я сказал, уже есть и другой лагерь. В который входит ваша богиня Алу, а также Морлок, Дум и другие. И все они захотят уничтожить такую угрозу, как Конрад. Но вы должны запомнить одно, Карлин, и не забывать об этом ни на минуту, кто бы вас не старался убедить в обратном! Пророчество лишь одно. Конрад — это один единственный шанс Барнара. Других возможностей не будет. Только Конрад в силах уничтожить безмолвных раз и навсегда! Если он погибнет, то те рано или поздно, спустя сотни лет, найдут способ освободиться. Кто знает, сколько у них еще есть детей. Но из всех отпрысков никто не способен им сопротивляться. И Судья предрек это.

— Но почему тогда второй лагерь создателей против жизни Конрада? Ведь боги зависят от живых. Неужели они не осознают губительных последствий в будущем?

— Почему же... Прекрасно осознают. Но все проще, чем кажется. Им хватит тех оставшихся лет. А затем они создадут иные миры, где им будут поклоняться иные жители. И тогда те создатели получают куда больше власти и возможностей, чем сейчас, деля свою власть с небесными правителями из первого лагеря. Они переместятся в другие вселенные, куда не проникнут безмолвные.

— А Сатана на чьей стороне?

— Хороший вопрос. Демоны встанут на защиту вашего друга. Ибо безмолвные затем примутся и за них, когда вернутся. Для них на этом существование завершится.

— Выходит, боги создадут идеальные новые миры...

— Ошибаетесь! Боги создают жизнь по своему подобию. Но, как вы могли уже заметить, самим им далеко до идеала. Поймите... Барнар — это ваш дом. И каким бы жестоким он не был, но в нем есть и хорошее. Оглянитесь вокруг. Радость, счастье и любовь всех этих жителей тесно переплетаются со страданиями, но все же это ваш родной дом. Вы здесь и сейчас. На иное рассчитывать нет возможности. И только в ваших силах его спасти. Другого же у вас самих и у ваших потомков точно не будет. Так что помните об этом! Судья — единственный ваш защитник, пусть и вершит свои дела посредством таких, как я. Он сам по себе. И да, он тоже не идеален, судя по вашему мнению, но он хотя бы дает всем возможность. Вы говорите со мной сейчас, и все до сих пор находите живыми, потому что он вам позволил. На погибнувших планетах не было такого Судьи. И вам решать, хотите ли вы, чтобы Барнар через какие-то сотни лет тоже исчез с лица бытия.

— Вы сказали, что безмолвные не смогут добраться до других Вселенных, где собираются царствовать создатели из второго лагеря. Но неужели это действительно так? Я это к тому, что может у нас будет шанс переубедить остальных небесных правителей? Ведь безмолвные — порождение вечности, они не из нашего мира. Что им помешает добраться после и до планет из иных Вселенных?

— А что помешает богам создать новые иные миры? — брови его поползли вверх. — Сейчас они набираются силы от жителей Барнара. И им не составит труда породить новую паству.

— Да, но почему бы им не сбежать уже сейчас? Зачем им битва?

— Потому что в каждом из вас часть их. И когда вы падете, они путём энергетического баланса вернут себе все это назад. Они ни за что не захотят это потерять сейчас. Иначе тем меньше у них выйдет новый мир, что не сыграет им на руку. К тому же безмолвные могут

довольствоваться только вашей Вселенной. Ведь они — плоды бесконечности. А значит, подчинив здесь все своей власти, смогут спокойно путешествовать и царствовать во времени. Отматывая его назад вновь и вновь, тем самым получая все, что им нужно.

— Вы хотите сказать, что когда все живое на Барнаре исчезнет, то временная петля начнет новый отсчет?

— Да, почти. Только учтите, начнется все куда иначе и хуже. Ибо править станут безмолвные.

— Но что это значит? Я не понимаю. Зачем тварям вечности все это? Зачем им уничтожать нас, чтобы затем возрождать?

— Карлин, им нужен чистый лист, но несущий при этом энергию жизни. Где есть энергия, там есть возможность путешествия по времени. Убив все живое, они начнут все заново, но тогда жители Барнара станут их куклами. Над которыми будут ставить опыты. Представьте себе кошмарное дежавю, повторяющиеся по кругу.

— Все же что это дает самим безмолвным? В чем суть этой бесконечности?

— Бесконечность — это неисчислимое количество вариантов. И для новых жителей Барнара это будет означать лишь одно: никто из них не будет принадлежать себе. Их будут спаривать и разводить, словно кроликов. Будут ставить в чудовищные ситуации, в которых их ничего не будет ждать, кроме страданий.

— Вы сказали множество вариантов. Но неужели они исключают и хорошее.

— Смотря, что называть хорошим... Вот, допустим, вы просыпаетесь, когда захотите, любите, кого захотите, делаете со своим телом, что захотите. Но при царстве безмолвных, что устроят здесь театр бесконечных исходов, вы будете делать то, что они захотят. Более простыми словами, вы превратитесь в животных. Любите кушать курицу? Вот представьте, вы и станете той курицей. Петух отымеет вас, когда сочтет нужным. И голову вам отрубят, когда посчитают нужным. И напустят на вас болезни и заразу. И излечат вас, когда захотят. Или если захотят, то вовсе бросят страдать в муках, пока черви жрут вас изнутри. Как вам такое? Мне кажется, что после моих слов должно прийти явное осознание того, что тот Барнар, каким он является сейчас, не такой уж и плохой. Не правда ли? Мы, живые, часто забываем ценить то, что имеем. И я надеюсь, Карлин, что вы разделяете мое мнение?

— В таком случае... Как я могу помочь остановить безмолвных? В чем моя роль?

— У вас была бы роль, словно у куклы, если бы вы жили при царствовании безмолвных. Но пока этого не произошло, у вас есть возможность выбирать. Наш с вами мир далек от идеала, но мы хотя бы свободны. Мы способны изменить свою судьбу. Я это к тому, чтобы вы окончательно поняли, за что мы собираемся бороться. И я лишь хочу попросить вас от лица Судьи и от лица всех представителей Совета, чтобы вы сдержали королеву Дормана. Эта женщина, Тисса, обладает удивительной способностью находить со всеми общий язык. Она добрый человек, но, увы, мы боимся, что ее участие в этот раз может сослужить только плохую службу. Ваша правительница способна созвать огромную армию, что двинется на Конрада и на его союзников. Нам всем грозит самая гигантская война. Но королева вам доверяет. Вы как можно дольше должны ограждать ее от той новости, что Конрад — сын безмолвного. И в крайнем случае, дать ей понять, какое значение имеет его жизнь для потомков всех живущих.

— Но неужели вы считаете королеву столь глупой, что та не способна понять то, что понимаю сейчас я. Ее Превосходительство, наоборот, всегда старается думать о подданных. Как она, по вашему, способна наплевать на потомков?

— Карлин, мы с вами смертные. Сотни лет нам всем достаточно, чтобы беззаботно прожить, убив одного наемника, несущего угрозу настоящему. И этот фактор способен оказывать большую роль на умы любой расы. Вы должны задержать ее. В крайнем случае, прибегайте и к худшим методам. Но для Конрада необходимо выиграть время. Время, чтобы он смог уничтожить безмолвных окончательно. А когда живых ставят в условия неопределенности, то они порой принимают не самые верные решения. И в ваших руках удержать королеву от ошибки. Иногда страх от ответственности способен затуманивать разум, пусть даже и у такой великой женщины, каковой является Ее Величество.

Саркен

Опьяневший Иорик глазами искал Амелию в танцующей под звездным небом толпе. Но, так и не увидев, решил осведомиться насчет нее у Бригиды, так как Конрад с Фридой были заняты беседой с ее родственниками. Объевшаяся девчушка дремала на деревянной лавке, сложив руки на животе.

— Бригида, — сначала шепотом обратился он к ней, — ты спишь?

Ученица приоткрыла один глаз.

— Уже нет, — она потянулась, громко зевнув. — Что такое, Иорик?

— Прости, что разбудил. Но ты случайно не видела Амелию? Неужели она ушла к себе, когда пляски еще в самом разгаре?

— Ах, да, она мне говорила полчаса назад, что уедет не надолго и чтобы мы не беспокоились об этом, — Бригида приподнялась.

— Уедет? Но куда? — удивился поэт.

— Сказала, что к майотам.

— Зачем?

— Амелия быстро сказала что-то насчет того, что здесь ей не совсем весело, а поэтому хочет поразвлечься у их соседей. К утру должна вернуться.

Бэбкок вдруг резко протрезвел от этих слов.

— И как это понимать? — спрашивая уже самого себя, высказался вслух мужчина.

— Не знаю, — пожал плечами Бригида. — Может, там тоже какой-то праздник. Я не в курсе. Или другая выпивка. Кто же вас, взрослых, поймет.

Но Иорик больше ничего не мог выговорить. Он с хмурым видом и широким шагом направился к столу, а затем к реке. Девчушка же, почесав затылок, отправилась к одной из аливитянок, чтобы попросить ту расплести ей волосы.

Наёмник заметил, что ученица проснулась, и, откланявшись женщинам, приблизился к ней. Над Бригидой стояла улыбающаяся жительница Саркена и занималась распусканием ее прически.

— Ты устала? — ласково обратился он к той.

— Ага. Не знаю, как у вас всех хватает сил танцевать с утра до глубокой ночи. Мне в бою гораздо легче, — она хихикнула. — Какое же наслаждение со свободными волосами ходить. Ради праздника мне так затянули эти косы. Просто ужас.

— Ну, ничего. Сейчас пойдешь под навес и выспишься. Не стоит никуда рано вставать.

— Судя по твоей улыбке, Конрад, ты тоже выпил не меньше, чем Иорик, — подразнила девчушка.

— Кстати, а куда он подевался? Мы с ним еще не допили ягодную настойку. Или что, он уже сдался? А храбрился, что выстоит на ногах дольше меня. Но не с тем связался.

— Ох, — вздохнула Бригида. — Славные воины соревнуются, кто из них сильнее надерется. Просто дети! А еще говорят, что с возрастом люди умнеют. Иорик только что подходил ко мне, чтобы узнать, где Амелия.

— И где, кстати, Амелия? — икнул наёмник.

— Я тут, похоже, одна трезвая. Работаю, как глашатай. Амелия уехала к майотам, чтобы зачем-то развлекаться там. На рассвете обещала вернуться. Не понимаю, какой черт туда ее

понес. Вот не лень куда-то ехать. Я так переела, что с места сдвинуться тяжело.

— И ты сообщила об этом Иорику? — Конрад прищурился.

— Ну, само собой. Он же спросил. Амелия никакой тайны из этого и не создавала.

— Во-о-от как, — протянул тот. — А что потом?

— Иорик стащил что-то со стола и пошел к реке.

Мужчина помчался со всех ног в указанном ей направлении. Бригиду такое поведение встревожило. Она крикнула ему вслед:

— Конрад, что-то не так?

Но реакции не последовало, поэтому ученица, поблагодарив аливитянку и уверив ее в том, что она дальше справится сама, тоже вскочила и поспешно ринулись за другом. Когда она добежала до берега, то увидела, как Конрад с Иориком, сидя на песке, о чем-то переговаривались.

— Все в порядке? — развела руками Бригида.

— Да, — отозвался наёмник. — Не переживай. Мы просто с Иориком ведем пьяные взрослые беседы. Спокойной ночи, Бригида!

Девчушка насупила брови и, махнув на них рукой, отправилась в хижину.

Бэбкок сидел с трубкой. И после очередного затяга закашлялся.

— Иорик, ты же никогда не курил, — заметил Конрад.

— А теперь вот решил начать, — опустил голову, изрек друг.

— И с чего бы вдруг, брат?

— Я, кажется, влюбился.

— Мда... И я догадываюсь, в кого, — наёмник уставился на реку, на которую падал лунный свет. — Я давно заметил, как ты смотришь на Амелию и бегаешь за ней по пятам.

— Только вот я ей не нужен, — поэт провел ладонью по щекам и рту.

— И ты так просто сдашься?

— Конрад, насильно ведь мил не будешь. Она меня даже не замечает. Кто я для нее?

Просто шут!

— Да, брат, ты, видимо, действительно перебрал, раз такую чепуху несешь.

— Но ведь это так. Зачем ей какой-то кривоzubый поэт?

— Ты идиот, Иорик, — Конрад облокотился о колени. — За кого ты ее принимаешь?

Неужели она не полюбит тебя только из-за каких-то зубов? Ты этим приписываешь Амелии тупость. А ее душой точно не назовешь. Она давно в тебе разглядела все лучшее. И если уж и избегает тебя, то явно не из-за твоих зубов или твоего характера.

— А из-за чего же?

— Это ты у нас мыслитель, а не я. Это же Амелия. Кто знает, какие у нее тараканы в голове.

— Она, скорее всего, до сих пор тебя любит, Конрад, — друг взглянул на него сбоку.

— Я, конечно, не совсем хорошо ее понимаю. Но знаешь, брат, она точно относится к тем женщинам, что способны резко забыть человека и чувства к нему, когда... Когда осознает, что там для нее нет места.

— И что это значит?

— Это значит, что она уже никого не любит. Вот и все. Вопрос лишь в том, захочет ли она ещё когда-нибудь открыть свое сердце. Ты ведь знаешь, что она достаточно закрытый человек.

— Да, и даже знаю почему.

— И почему же?

— Извини, Конрад, она просила меня никому не рассказывать. Я дал клятву.

— Если так, то лучше и правда не стоит говорить. И я бы на твоём месте больше не курил. Женщины этого не любят.

— Что, Фрида все еще тебя атакует из-за табачного запаха?

— Ну, с момента нашей свадьбы претензий пока не было.

— А чего же ты не бросишь?

— Потому что не хочу.

— А я вот, пожалуй, больше не стану, — он передал трубку наемнику. — Это правда жуткая гадость.

Где-то на небе пролетела комета, озарив собой на миг тьму. До их ушей доносился задорный женский смех.

— Фриде тяжело будет покинуть эти земли навсегда, — отозвался Иорик.

— Знаю, — вздохнул собеседник. — Я ничего не смогу поделать с их нерушимыми традициями. Не верну ей семью. Но этот весь пейзаж... Этот край... В общем, у меня есть один план.

— И? Какой?

— Утром об этом поговорим, Иорик, когда оба протрезвеем. Кстати, просыпайся сразу с пением птиц. Я запрягу сам нам коней.

— Мы что, куда-то отправляемся? Что ты задумал?

— Всё утром... Всё утром.

Наступило молчание. Из трубки Конрада повалил дым. Были слышны всплески воды, но ветра не было. Ночные рыбы охотились.

— Как ты думаешь, у Тары и Карлин получилось убить бога? — нарушил тишину Бэбкок.

— Звучит смешно, не правда ли? Убить бога.

— Я бы сказал, что звучит больно. Это самые чокнутые ведьмы, которых я встречал. И я чертовски по ним скучаю, — глаза поэта намокли.

— Жаль, что их нет на моей свадьбе. Сейчас бы пьяная Тара звонко распевала своим грубым голосом похабные смешные песни. А Карлин бы без остановки сплетничала с Амелией о своих любовных похождениях.

— Да... Мне не хватает смеха Тары. После того, как мы расстались, всё стало унылым, словно мир потерял свои краски. Мне даже не достает угрюмого выражения Карлин. Помнишь, как она корчила лицо, уставая в дороге? При одном взгляде на нее можно было портки обмочить.

У Конрада вырвался смех при этом упоминании, и Иорик его подхватил.

— Знаешь, все-таки, брат, если кто бы и смог разделаться с богом, так это они. Когда я своими глазами увидел, как труп Карлин ожил, то решил, что Уиллгармских черт остановишь. Тара отправилась в мир мертвых и вернулась. Она вернулась с ней... С ума сойти. Если бы я не оставил все свои надежды на теневой стороне, то продолжал бы надеяться встретить их вновь.

— Но УЗРЕВШИЕ УРАГАН не питают иллюзий, — наёмник снова затянулся.

— Да... И, может быть, это к лучшему? Так, во всяком случае, легче. Я уже начинаю привыкать к проклятиям этого мира.

— Кто знает. Время покажет, верный ли мы избрали путь. Но в чем-то ты прав. Порой

куда легче идти без чувств...

— Главное, чтобы оставался хоть кто-то, ради кого придется идти.

Утром

Едва забрезжил рассвет, Иорик с трудом выбрался из постели. Руки его тряслись. Он наспех оделся. Конрад с двумя конями уже ожидал того снаружи.

— Хреново выглядишь! — заметил наёмник.

— А ты себя видел? У тебя лицо отекло, словно пушечное ядро, — парировал друг и припал к воде из фляжки.

Конрад начал было смеяться, но давящая головная боль быстро прервала его.

— Так куда мы едем? Бригиду разве с собой брать не будем?

— Бригиде лучше остаться в Саркене и подтянуть свои навыки, занимаясь с женщинами-воительницами. Я оставил записку Фриде. Так что нам лучше поскорее выезжать, пока она не проснулась.

— Ты не успел жениться, как у тебя уже появились от неё секреты?

— Иорик, не успел я наречь тебя своим братом, как ты уже начал меня раздражать. Забирайся в седло! Поехали!

— Боюсь, что в тряске меня тошнить начнет, — простонал Бэбкок.

— А тебе никто в глотку не заливал насильно вчера. Учись у меня!

— Ты серьезно? Судя по твоему поту на лбу и бледной коже, я бы сказал, что тебе куда хуже, чем мне.

— Вот я и говорю — учись! Коли нахрюкался, как свинья, так не жалуйся потом.

Поэт затянул на ногах кожаные коричневые альпартаты. И они тронулись в путь. Жеребцы пускали пыль из-под своих копыт. Солнце поднималось все выше. Выехав за поселение, мужчины заметили под раскидистыми ветвями папоротника уставшего после охоты, но сытого ягуара с красными пятнами вокруг пасти. Не успели они проехать ещё несколько метров, как наёмника вырвало.

— Мда, Конрад, ты все-таки победил. Вчера ты куда больше меня выпил. Как у вас брачная ночь вообще прошла? Или ты уснул? — Бэбкок усмехнулся.

— Ты, прав, — мужчина вытер рукой губы. — Ничего у нас вчера не было. У Фриды краски пришли.

— О, боги! Конрад о таком же нельзя говорить при людях!

— Почему же это? Что тут такого? У всех женщин каждый месяц кровь хлещет.

— Это запретная тема. Из приличного общества тебя бы за такое погнали палками. Там, где я жил, женщин в такие дни выгоняли из деревни. И им предстояло неустанно молиться, чтобы очиститься и затем вернуться обратно.

— Очиститься от чего?

— Ну как... Считается же, что в такие периоды боги их проклинаяют за то, что те служат сосудами зла. Якобы порождают на свет не только хороших людей, но и плохих.

— И ты веришь в эту ересь?

— Не знаю, Конрад...

— Иорик, ты ведь поэт. Тебе ли держать язык за зубами в приличном обществе!

— Это ты о чем?

— О свободе истины и слов. Коли уж ты выбрал путь писателя и к тому же путь вольного воина, то тебе не подобает страшиться говорить о подобных вещах. Ты ведь давно не трус. Я вот считаю, что проклятие богов на этой планете кроется в тех людях, которые

изгоняют женщин из деревень. Надо же... Все эти святые отцы и прочие не смогли придумать ничего лучше, чем обвинить во всем бедных женщин. Ты сам-то подумай о смысле их слов... Не смешно ли? Как считаешь?

— Я понимаю это, но зачем лишние проблемы при обсуждении подобного?

— Затем, что ты писатель. А проблемы — это твой хлеб. Если прогнешься под глупые заветы общества, то сам себе не простишь. Можно убежать от других, но не от себя. Так что сам выбирай: уважать тебе самого себя или нет.

— Куда мы едем, Конрад?

— На границу между Саркеном и Морским Полвилем. В город Олдиар.

— Стоп. А почему мы не взяли Амелию? Ты вообще в своём уме? Ты же ещё не до конца научился сопротивляться безмолвным. Что, если они проникнут в твой разум? И только она сможет это предотвратить.

— Иорик, если что-то пойдет не так, то ты меня убьешь! Вот и все, — наёмник улыбнулся.

— Да пошел ты! Собираешься подвергать себя опасности, несмотря на то, через что мы все прошли... И тебе еще кажется это забавным?

— Послушай... Я уже устал прятаться. Опасность никуда со временем не денется. И если что, то в Олдиаре меня никто в лицо не знает. Мы назовемся узревшими ураган. Теперь это наше общее имя.

— Я возвращаюсь обратно. И расскажу все Амелии, — Бэбкок покачал головой.

— Знаешь, если бы здесь сейчас был Грегори, то он бы меня понял.

— Грегори... — поэт раскрыл рот от досады. — Он, конечно, был хорошим человеком, но дураком. Он жил одним днем.

— Да! Но зато какой это был день... Он не упускал возможностей, несмотря ни на что.

— Возможностей? Может, ты хотел сказать, не пропускал ни одной юбки.

— И это тоже. Но пойми, я делаю то, что я хочу. Потому что я живой, Иорик. И я не хочу больше убегать или скрываться. Надо мной постоянно будет угроза, где бы я не был. Так лучше попытаться счастья. Лучше прожить жизнь так, как считаешь верным. Даже если она и окажется короткой. Вот почему Грегори бы меня понял. Он не боялся испытывать судьбу, как и я.

— Хорошо... Но почему нельзя было взять с собой Амелию? Ответь мне.

— Потому что это моя судьба. И я сам хочу ей руководить. Ясно?

— Знаешь, Конрад, я ведь считал тебя умным. Но, видимо, ошибался.

— Ещё как ошибался, брат, — рассмеялся наёмник. — Так что, если хочешь, можешь возвращаться и жаловаться Амелии на меня. Мне все равно. Но я сделаю то, что задумал.

— И в чем задумка? Что ждет в Олдиаре?

— Так ты со мной или нет? — Конрад взглянул на него.

— Что б тебя черти побрали! — Иорик пришпорил жеребца и нагнал друга. — Если мы благополучно вернемся, Амелия с нас живьем шкуру спустит.

— Ты её боишься? — усмехнулся наёмник.

— А ты разве нет?

— Эх, Иорик, женщин надо не бояться. Их надо любить.

— Ты не ответил.

— Я боюсь не её, а её языка. Она потом всю плешь проест своими нравоучениями.

— И верно сделает! — заметил поэт.

— Да сколько можно уже? Ты мне брат вообще или нет?

— Брат, — кивнул Бэбкок.

— Так будь, значит, на моей стороне!

— Зачем мне быть на твоей стороне, если ты не прав?

— Я сейчас тебя ударю, Иорик!

— Эта угроза бы сработала раньше, но не сейчас, — улыбнулся тот.

— Пригрел, называется, змею среди своих учеников, — проворчал Конрад. — Ладно, хоть Бригида не такая доставучая на словах, как ты. Хотя нет... Она ещё хуже.

Они оба рассмеялись. Иорик понимал, что с другом бесполезно спорить. Оставлять его одного уже было поздно. Ему пришлось взвалить заблуждения Конрада и на свои плечи.

— Так зачем нам в Олдиар?

— Затем, что я женился.

— И?

— Иорик, жену нужно обеспечивать. Олдиар станет нашим домом. У нас рано или поздно появятся дети. Я не хочу, чтобы их жизнь походила на мою. К тому же он располагается на границе с Саркеном. С семьёй она не увидится, но хотя бы у Фриды будет перед глазами знакомый пейзаж. Эти леса, степи и гавани — её Родина. И Я понимаю, как это все дорого её сердцу. И ты, надеюсь, не забыл, что Фрида потратила на нас кучу средств при путешествии в Хайриан. Пора возвращать долги. И сам ты не думал осесть? Не знаю, что там выйдет у вас с Амелией, но ты ведь когда-нибудь тоже женишься. У каждого должен быть дом, куда можно вернуться. Дом, где кто-то будет ждать.

— Не ожидал, что о таких вещах будешь говорить ты, Конрад, — Бэбкок провёл рукой по затылку.

— Я тоже не ожидал. Но я устал бегать... И я ведь больше не один. У меня есть семья. Вы все моя семья. Так что пора добыть землю. Чтобы у каждого было что-то своё. Сколько можно бродяжничать?

— И кто же нам её даст в Олдиаре? — удивился поэт.

— Просто так её никто не даст. Придется заслужить.

— Я тебя внимательно слушаю, — вздохнул Иорик.

— На днях я слышал от вернувшихся оттуда аливитянок, что Херуфе атакует там местных. Вот мы с тобой с ним разберемся, а взамен попросим земли со всем прочим хозяйством.

— Кто такой Херуфе?

— Иорик, я думал, что ты любишь читать.

— Я читаю романы, а не бестиарии.

— И зря! Херуфе — это плотоядный монстр, целиком состоящий из лавы. Когда он появляется, то земля под его ногами дрожит. И он пожирает девственниц. Вот такие дела.

Бэбкок поперхнулся собственной слюной и закашлялся.

— Как ты, черт возьми, собрался с ним справиться без магии? Ты же ещё недостаточно силен!

— Есть у меня одна идея. Но я пока не уверен, сработает ли она.

— И как понять сработает или нет?

— Вот когда столкнемся с монстром, тогда и узнаем: оказался я прав или нет.

— Честно говоря, план звучит паршиво!

— У меня все планы так звучат, но я ещё ни одного задания не провалил, если не

считать Узгулуна.

— Даже если каким-то чудом мы его одолеем, во что я совсем не верю, то с какой стати нас наделят богатыми землями?

— Потому что у местной маркграфини есть дочь. И аливитянки мне сказали, что жители враждебно настроены против неё. Ибо многие из их детей уже погибли из-за Херуфе. А вот маркграфиня ничего не может исправить. Поэтому люди намереваются из злости устроить бунт и скормить монстру и её дочь.

— Почему маркграфине со своей семьёй просто не убраться оттуда подальше и все?

— Потому что там её дом. Там веками жили её предки и правили. Не все способны расстаться со своей страной. Не все сбегают, Иорик. Кто-то остаётся, чтобы бороться за то, что любит.

Два друга мчались на конях изабелловой масти быстрым аллюром, находясь в пути уже одиннадцать дней подряд. После долгого пребывания в Саркене у всадников с непривычки тянуло мышцы на ногах. Липкий пот коркой покрывал их одежды. Лица стали бронзовыми от южного знойного солнца.

Они преодолели с десятков городов и двадцать деревень, принадлежащих аливитянкам. Женщины, попадающиеся на дороге, бросали им вслед внимательные и строгие взгляды. При иных обстоятельствах чужеземцев бы давно сбили со скакунов и подвергли допросу. Никто бы не подпустил их к колодцам для пополнения запасов воды и не дал и куска хлеба за любую плату. Но у Конрада был при себе браслет Фриды с гравировкой. Воительницы уважали её, как правую руку Ханна. И они понимали, что дать она украшение могла всадникам добровольно, или, что маловероятно, его могли забрать в битве, одолев хозяйку. Так или иначе, жительницы Саркена уважали силу. Так что если браслет и был бы захвачен в сражении, то это бы только расположило их к путникам. Однако те все равно не с большим удовольствием впускали Конрада и Иорика в селения.

Ноздри у жеребцов широко раздувались, когда животные поглощали своими мощными лёгкими воздух на бегу. Мужчины не задерживались, чтобы искупаться в реке. Поэтому часто чесались. Грязь пробиралась им под ногти.

Бескрайние зелёные степи, покрытые жёлтыми и белыми цветами, простирались перед узревшими ураган. Насыщенное небо цвета спелой ирги давило на них своей необъятностью.

Временами наёмникам попадались пожилые аливитянки-жрицы в бледно-зеленых туниках и в ожерельях из костей. Они приносили жертвоприношения на холмах среди гигантских серых валунов. Дабы общаться с духами павших предков и перенимать у тех мудрые советы. Это зрелище, проводимое при сверкающих сиреневых молниях, под сильные голоса ритуальных песнопений, невольно заставляло у друзей подниматься волосы дыбом. Воины ощущали себя здесь незваными странниками. Они испытывали скрытую тревогу, боясь нарушить своим присутствием их жизнь.

Тем временем в поселении, где пребывала Фрида

Фрида, проснувшись, прочла записку, оставленную Конрадом, и помчалась искать Иорика с Бригидой. Но обнаружила только девчущку. Узнав у неё, что та сама не в курсе происходящего, она спустилась со ступенек хижины, и взгляд её застыл в пространстве. Воительница сомкнула руки в кулаки. Из рта вырвался вопль. Аливитянку всю трясло от злости.

— Фрида, что он оставил в своём послании? — приблизилась к ней не менее шокированная новостью ученица.

Женщина, ничего не ответив, протянула холст с чернилами и опустилась на землю, склонив голову на колени.

"Дорогая, мы с Иориком уехали по одному важному делу. Вернемся не так скоро. Возможно, через месяц. Не волнуйся," — пробежала глазами Бригида.

Фрида соскочила с земли и ринулась к дому ведьмы. Но застала ту на улице неподалёку. Ещё издалека аливитянка начала кричать:

— Эти проклятые тупоголовые ослы уехали! Я сама убью его, если встречу! Сама!

Но Амелия, словно её не замечая, скрылась в хижине. Воительница ворвалась внутрь.

— Ты слышала меня? Конрад с Иориком уехали! На месяц! — продолжала она находиться в безумном возбуждённом состоянии.

Но, поняв, что с Амелией что-то не так, замерла на месте.

— Ты что, плачешь? Что? Что ещё случилось?

Чародейка обернулась с бледным лицом и с кругами под глазами. На щеках её мерцали влажные следы.

— Ну, ответь же хоть что-то! Прошу тебя! Что происходит? — Фрида всплеснула руками. — Где ты была, черт побери!

— Я... — Амелия глотнула вина из фляжки на поясе. — Сегодня ночью мне приснился сон. Тара... Она мертва. Моя подруга мертва... — волшебница пристроилась на кресло, обтянутое тигровой шкурой, и разразилась истерическим смехом.

— Что? Сон? С чего ты это взяла? — уже ничего не понимая, замотала головой Фрида.

— Это не просто сон! В них я, бывает, вижу правду. Ты, как провидица, способна иногда разглядеть обрывки будущего. А мне приходят в сновидениях откровения. Она пела строки из их любимой с сестрой песни, — Амелия закрыла глаза и хриплым усталым голосом тихо пропела: — Я не вернусь уж боле к водам, где мы рыбачили с тобой. И не увижу взор под сводом нашей матери родной. Не смоешь кровь, она везде. Прошу тебя, беги скорей. Ты не ищи меня уже нигде... Ты не ищи меня уже нигде! — чародейка приподняла веки. — Тара просталась со мной. Её душа покинула все места.

Фрида молча опустила на её кровать и принялась кусать ногти.

— Больше она не будет оглушать таверны своими шутками... Она помогла мне сбежать от своих проклятых родителей. Мне было очень тяжело, — Амелия вздохнула, вытерев нос, — а Тара меня спасла. Когда мне хотелось провалиться сквозь землю от всех подальше, она всегда говорила мне, что всё наладится. И улыбалась... Так уверенно улыбалась, что мне тоже хотелось улыбаться. Она привела меня в школу магов и поддерживала во всём. Тара верила в меня, даже когда я сама уже переставала в себя верить. А если я хотела все бросить и просто сбежать, то она единственная могла ругать меня так, что на неё невозможно было обижаться. На последних этапах обучения я уже считалась самой сильной ведьмой. Никто не хотел выходить против меня на соревнованиях, кроме неё. Тара никогда не боялась. Выходила на поле для учебного сражения со смехом. И радовалась даже тогда, когда я ее побеждала. И очень скоро она догнала в мастерстве и в знаниях меня. А во многом даже сильно перегнала. Она добродушно хвасталась, подавая мне руку, когда с помощью заклинаний одолевала меня. Мы с ней договорились никогда не поддаваться друг другу, чтобы учиться друг у друга и благодаря этому становиться сильнее. Сегодня, прощаясь со мной во сне, Тара мне подмигнула, стараясь подбодрить. Черт! Она никогда не любила, когда кто-то грустит, — волшебница снова разразилась слезами.

Аливитянка встала и подошла к чародейке, положив руку ей на плечо.

— Ветер ворвется внезапно! Скажи это, Амелия!

— Я не хочу больше уже ничего делать. Что останется в этом мире? Когда из него так рано уходят такие, как Тара. Что? Я не понимаю... — она провела ладонями по глазам.

— Скажи...

— Я не могу!

— Ты должна, Амелия! Дорогу придется пройти. Мы всё ещё здесь. Ты еще здесь. Значит, ты нужна... Помнишь? До самого проклятого конца! Пройти... Несмотря ни на что. Мы выжили в той буре среди монстров. И не нам опускать руки. Оставь боль позади и иди.

Надо каждому из нас узнать, зачем! Так что скажи это... И забудь.

Ведьма подняла голову и посмотрела прямым взором ей в глаза.

— Ветер ворвется внезапно...

— А мы поедem искать Конрада? — появилась Бригида.

— Да, и чем скорее, тем лучше, — закусила губу Фрида.

— Что он сказал? — Амелия откинула волосы назад.

— Написал записку, где лишь предупредил, что они с Иориком уезжают по какому-то делу на месяц.

— Вот и оставьте его в покое, — высказалась угрюмо ведьма.

— Что! — воскликнула аливитянка. — Ты хоть понимаешь, чем это может обернуться!

— Фрида, Конрад ещё не так силен, но он способен скрываться в собственном разуме от преследования безмолвных. Во всяком случае, если у него хватит выносливости. А если не выйдет, то Иорик его убьёт.

— И мне должно легче стать от этого? Я не собираюсь сидеть и ждать чуда!

— Конрад не хочет, чтобы мы их искали. И не думаю, что он обрадуется тебе, Фрида, когда ты помчишься за ним сломя голову. Он не ручной пёс, сидящий у ноги. В конце концов, это его выбор и его жизнь. И они оба, и Иорик, и Конрад, прекрасно знают, что на кону.

— Амелия, скажи честно, ты рехнулась? — ученица замерла, раскрыв широко глаза.

— Бригида, успокойся и иди на арену заниматься с воительницами. Ты в последнее время не очень-то хорошо удерживаешь позиции. И ты, кажется, забыла, для чего ты поступила в ученики к Конраду. Он мне сказал, что ты собралась убить главаря варваров. Но это лишь полдела. Тебя ждет война против большинства мужчин из твоего народа. Так что готовься как следует! За тебя это никто не сделает! Конрад же не нуждается в няньках. Хватит с меня уже... Каждый принимает собственное решение, и каждый должен нести за него ответственность сам.

— А я думала, что ты ему друг, — Бригида озлобленно сверкнула глазами.

— Свой долг, как друг я выполнила! — твердо заявила ведьма. — Все остальное зависит уже не от нас. А от него! Если он вернется, то продолжим занятия по развитию его способностей. Если не вернется, значит, ничего не попишешь. Я вам ещё раз повторяю: Конрад не зверь на цепи!

Ученица выбежала прочь, с остервенением схватив свой меч и направившись на арену.

— Ты ведь можешь найти его с помощью магии! — вцепились в её платье Фрида.

— Да, могу! Но я не стану этого делать!

— Значит, я тебя заставлю, — чуть не рыча, воительница схватилась за топор.

Амелия отшвырнула её ударной волной в угол комнаты.

— Оставьте все его в покое! И меня тоже! Не стоит лезть к человеку со своим сраным мнением! Я дала ему шанс. И этого достаточно. Я понимаю, что ты его любишь и беспокоишься, но... Но он наёмник, Фрида! Наёмники всегда будут свободны душой! Ты прекрасно знала, на что ты шла, когда согласилась стать его женой. Характер Конрада не был ни для кого секретом. Так что хватит уже обманывать себя и думать, что сможешь приручить его и спасти. Мы все здесь одиноки! Каждый волен сам распоряжаться своей судьбой.

— Одиноки, ты говоришь, — поднялась на колени аливитянка и рассмеялась утробным смехом, обнажив полностью зубы. — А не сама ли ты только что говорила о том, что Тара

спасала тебя. Она была рядом! И сейчас ты просишь меня бездействовать, когда мой муж на краю от возможной гибели. Ты чертова сука и лицемерка! — она метнула в неё кинжал, но Амелия успела уклониться от лезвия.

— А ты не устала меня ещё сукой называть? Когда-нибудь я тебя точно в дерьмо коровье превращу! И я... — она ударила кулаком по столу, — Я вовсе не лицемерка! Тара была рядом, потому что я этого хотела. Конрад же уехал, потому что так сам пожелал.

— Ты хочешь сказать, что ему наплевать на меня? — Фрида выпрямилась в полный рост.

Волшебница закатила глаза и сделала глубокий вдох.

— Фрида... Он любит тебя! Но он навсегда в душе останется чертовым наёмником... Ты не в силах его удержать на месте. Никто его не удержит, если ему взбредет в голову какая-то идея!

— Ни одна идея не стоит того, чтобы рисковать ради неё своей жизнью и жизнями всех остальных.

— А вот про жизни остальных ты зря сказала. Конрад бы никогда не стал подвергать чужие жизни опасности. Он взял с собой Иорика не просто так. Он знает, что если кому и хватит духа покончить с ним, так это Бэбкоку.

— Поэт остановит сына безмолвного. Да... Какие ещё сказки расскажешь?

— Иорик успеет в случае чего предотвратить беду! Никто так не хладнокровен, как писатели, когда дело касается других людей, а не их самих. Он сможет среагировать вовремя.

— Все сходится к тому, что Конрада ждет смерть, — слезы начали подступать к глазам Фриды.

— Нет, — помотала головой Амелия. — Это ты всё видишь только в одном свете. Но у исходов жизни много граней. Однако ты забываешь об этом и не видишь их, потому что сильно любишь его. И эта любовь затмевает твой разум. Все влюбленные в этом похожи. Вы всегда плачете раньше времени, потому что боитесь потерять. И это нормально. Но пользы от этого никакой!

— Так поехали, найдем его! И все будет как надо.

— Как надо тебе, но не ему, Фрида. Пойми ты это уже! Наши жизни всегда висят на волоске, где бы мы не прятались от смерти. Так дай же ты ему, черт возьми, свободу успеть сделать то, чего он хочет. Директриса Эрлин как-то сказала нам с подругами, что радость кроется в самых обычных прихотях. И не стоит отговаривать людей от их воплощения, ибо это отнимет у них больше, чем жизнь. Такие люди потеряют сами себя и больше никогда не найдутся. Я помню, как Карлин как-то будучи ещё юной ученицей, мечтала о шерстяном сером костюме с широкими штанинами, едва прикрывающими колени. Но в таком нельзя было ходить девушкам в те времена, и тем более, чтобы голени были открыты. Её бы строго осудили за это в обществе. Но она очень сильно его хотела. Засыпала с улыбкой на лице, думая только о том, что ей его купят. Однако её родители, само собой, его не взяли. Ибо они беспокоились за неё, что другие ученики будут над ней злобно подшучивать и доведут до слез их дочь. Но они также не понимали, что Карлин бы в этом костюме уже ничто бы не расстроило. Ей было бы наплевать на мнение окружающих. В результате, когда Карлин настрого запретили даже упоминать о её желании, у неё пропал аппетит. В школе она даже не старалась учиться. А потом она заболела. Пролежала в лихорадке много дней. Состояние было очень плохим. Лекари и ведьмы-целительницы ничего не могли сделать.

— И чем все закончилось?

— Тем, что Тара напомнила про этот костюм матери с отцом. И они помчались и купили ей его. Так она уже через день начала есть такими порциями, что кухарка едва успевала готовить. А через три дня уже была на ногах. А пока до этого лежала в постели и смотрела на свой костюм, то радовалась и предвкушала, как бы скорее только его надеть. Когда она прошлась в нём по городу и появилась в школе волшебства, все, конечно, были в шоке от её смелости. Но она была такой довольной и сияла, словно солнце. И над ней пробовали поиздеваться из-за костюма маги со старших курсов, но Карлин совсем не обращала на них внимания. А когда они так и не прекратили злобно шутить над ней, то мы после школы: я, Тара и Карлин подождали их и сбросили в яму клозета. Так от них ещё две недели дерьмом воняло.

— Вы, будучи ещё маленькими, справились со старшими по курсу?

— Нет ничего такого, с чем бы мы втроем в своё время не справлялись. Мы уже тогда были сильны в заклинаниях. Правда, нас потом строго отчитали, и родителям моих подруг пришлось выплатить деньги на покупку одежды для тех учеников. Но ты теперь понимаешь, почему не стоит искать Конрада? Что бы ему не пришло в голову, дай ему осуществить свою мечту. Он ведь не ребенок и понимает все риски.

— Но я не смогу теперь спокойно спать ночами, думая о том, где он и как он.

Олдиар

Перед наёмниками возвышалась высокая песочного цвета стена графства Морской Полвиль. Треугольные башни торгового города Олдиара виднелись среди проплывающих облаков. Морской прибой разбивал волны о прибрежные скалы. Чайки громко перекрикивались над водой.

Стражники в красных кафтанах и в шлемах с длинными хвостами сновали неустанно назад и вперёд между бастионами.

— Чувствуешь, какой здесь свежий воздух, — обратился Конрад к поэту.

— Не знаю, по мне так воняет рыбой!

— Дурак ты, брат. Это пахнет золотыми монетами, — усмехнулся друг. — Если получим земли, то помимо плодородной почвы и пастбищ на равнинах, будем иметь доступ к рыболовному ремеслу. У нас, возможно, даже будет свой корабль.

— Ага, осталось только убить монстра из лавы. Делов-то. И ещё неизвестно, не отберут ли у нас после этого всё назад. Мы не одни такие умники желаем поселиться в этом богатом крае.

— Отобрать у узревших ураган? Я бы с удовольствием посмотрел на таких безумцев.

— Конрад, пока что безумцы здесь только мы!

— Не называй меня по имени. А то оно слишком меня опережает. Но при наших обстоятельствах это может сыграть против нас.

— А нас вообще сюда пропустят?

— Не думаю, что у них есть выбор. Правда, наверное, сначала над нами горько посмеются. Главное, что мы не больны чумой и никаких признаков её не имеется.

Западная граница Дормана

Рыцарь Джеральд заслонил рукой королеву, выступив вперёд.

— У вас последний шанс, — бросил он ей и ринулся на врагов.

Но упрямая Тисса не переменяла своего решения:

— Нет! Эти сволочи не откроют ворота, — она взволнованно сжала эфес шпаги ладонью.

Дыхание Её Величества то и дело замирало на ходу. Было слышно, как извиваются сосуды под кожей, словно канаты от бешеного прилива крови. Джеральд, прикрываясь щитом, отбивался от варвара с секирой. И Тисса вовремя успела прикрыть его со спины от смертельного удара. Но её тут же ударили в челюсть и выбили оружие. Один из захватчиков пнул её в грудь, повалив в снег. На рыцаря же набросились трое с мечами. Первый, но не смертельный удар пришелся ему в шею. Второй проткнул почку, и третий уже пришелся в голову. Джеральд рухнул на землю, окропив её струями крови. Голубые глаза застыли на месте, будто драгоценные алмазы. Но совсем скоро черви будут обглаживать их, царствуя в черепе.

— Вы не получите за меня выкуп! — с надрывом в голосе выдала королева, сплевывая кровь.

Она выхватила из сапога кинжал и навела его острие себе под ребра.

— Стойте! — прокричал спрыгнувший с верхней галереи, ухватившись за цепь, Рогир.

Не успели двое варваров сообразить, в чем дело, как орк превратил их грудные клетки в груды осколков с помощью булавы. Её Превосходительство, уже было попращавшаяся с жизнью, вскочила и вновь подхватила шпагу. Руки сковывал дикий холод. Но один широкоплечий варвар метнулся к ней, чтобы захватить в ценные заложники. Главарь орков же был занят схваткой на мечах с другим.

Тисса осталась наедине с врагом. Мужчина с щетиной угрожал ей мечом. Но она дерзко отпугивала его неустанными взмахами шпаги. Тогда захватчик вышел из себя и рванулся вперёд, стараясь щитом выбить её из равновесия. Однако правительница Дормана харкнула ему в лицо и, пригнувшись, со всего размаха вонзила лезвие в область подбородка.

— Вы не ранены? — подбежал к ней Рогир, покончивший с оставшимся варваром.

— Я в порядке! Где ваши войска, черт возьми? — она вперила в него разгневанные глаза.

— Тише!

— Что? — Тисса стиснула крепко зубы.

— Послушайте! — орк поднял вверх указательный палец. — Слышите? — он ухмыльнулся. — Они здесь!

После своих слов тот поспешно взбежал по лестнице, чтобы взглянуть на то, что творится за пограничной стеной. Королева с надеждой на лице смотрела на его движения и реакцию.

Рогир поднял вверх меч, приветствуя свою армию, сгущавшуюся, будто гигантский рой пчёл. Среди орков мужчин были и женщины-орки, являющиеся капитанами среди отрядов.

Ни один мускул не дергался на их уверенных лицах. Золоченая кольчуга на высоких телах покрывалась кусками внутренних органов врагов: эльфов и варваров. Зелёные сапоги с

высокими голенищами обтягивали их крепкие мощные ноги. Женщины орчьего народа не уступали по ярости и силе мужчинам. Одна орчиха широким мечом-дао вылитым вместе с причудливыми узорами, изображающими лисью стаю, снесла одновременно две эльфийских головы.

— Ваше Величество, мой народ здесь! Мне пора к ним! — оповестил радостно ту Рогир, спустившись вниз к двери.

— Замечательно! Могу я вас попросить, пожалуйста, оставить парочку эльфов и варваров для допроса.

— Это вы отлично успели заметить! Обычно мы в живых никого не оставляем.

— Мне пора отправляться к раненым, — она кивнула ему.

— Постойте, Ваше Величество, я должен задать вам вопрос...

— Рогир, сегодня я Тисса. Просто Тисса — дочь Дормана, — перебила его королева, понуриив голову и опустив руки в карманы. — Я вас слушаю!

— Тисса, — улыбнулся ей орк, — вы что, действительно убили бы себя сегодня, если бы я не успел к вам на выручку?

— Варвары бы потребовали за меня слишком большой выкуп у эльфов. Так как я не сомневаюсь, что за всей этой идеей стоит Эриндел. И тогда бы лирианец вытряс все до последнего из дорманцев. Лучше уж умереть...

— Так выходит, Эриндел бы, скорее всего, желал бы убить вас, чтобы навсегда обезопасить своё правление от ваших законных посягательств на корону в будущем. Ведь, как я успел понять, народ Дормана очень вам предан, как поступками, так и мыслями.

— Ну, не обобщайте, Рогир, здесь найдутся и мои враги. Например, те, кто с радостью бы воровал из государственного бюджета. Да и прочие сволочи, думающие только о себе.

— Ну да, понимаю... — орк оперся о клинок меча. — Так все же куда лучше было бы для вас и для ваших подданных, если бы вы уехали вовремя или вовсе не приезжали сюда. Вы ведь это понимаете? — он пристально смотрел на неё.

— Рогир, вы же знаете ответ. Или это риторический вопрос, чтобы выставить меня дурой? Ох... Конечно, я все понимаю. Да! Я чувствую себя самой настоящей дурой! Взбалмошной женщиной, недостойной престола. И я уже тысячу раз пожалела о том, что я осталась здесь. Но знаете, если бы даже был способ отмотать время назад, я все равно поступила бы точно так.

— Нет, Тисса, — помотал головой орк, — вы не женщина. Вы королева! А королевы не могу вести себя сообразно обычной оценке. Вы очень слабы телом и никогда не держали оружия в руках, никогда не находилось в эпицентре битвы. Да и к тому же вы носите дитя... Но, черт меня побери, то, что я сегодня увидел, — он усмехнулся. — Вы, прекрасно осознавая глупость своего поведения и свою слабость, все же остались. И я заметил в вашем взгляде ужас, но вы не отступили. Вот этот ваш поступок сказал о вас все! Вы храбрее и благороднее многих из моих и ваших лучших воинов. И это сущая правда! Те мужики с юного возраста учатся боевому искусству, и они сотни раз закалялись в битвах. Нас, всех мужчин, приучили к храбрости. Даже самые трусливые из нас стараются подражать храбрым, ибо иначе мы не можем. Но женщинам из вашего общества подобная трусость простительна, ибо вы слабы и созданы для другого. Однако, Тисса, вы меня, признаюсь, очень поразили. Клянусь, если бы вы с детства занимались только боевым искусством, то вы бы брали любые крепости за самые короткие сроки. У вас самое храброе сердце не только среди женщин, но и средимужчин. И да, вы, возможно, совершили с политической точки

зрения глупый поступок. Но, поверьте, никто и никогда не будет достоин престола Дормана так, как вы! И признаюсь честно, раньше, несмотря на то, что я слышал о вас только хорошее, и даже когда я лично с вами познакомился, я все же вас презирал. Вы казались мне самодовольной, властолюбивой, начитанной барышней, которой выпал случай стать женой короля когда-то. Но теперья горд, что мы бились сегодня вместе, — он протянул ей свою крупную шершавую ладонь с отросшими кривыми ногтями.

Тисса ласково пожала её.

— А теперь мне все же пора за стену.

— В этом сумасшествии я чуть про Бедфорда не позабыла. Вы случайно не видели моего родственника? Он жив?

— Да, он командовал пушками. А вот и смотрите сами, он спускается, — Рогир указал пальцем на лестницу.

— Бедфорд, ты как? — прокричала она ему, пока тот сам направлялся к ним.

Двоюродный брат вытер пот со лба и прокашлялся:

— Все хорошо, Ваше Величество! Все хорошо! Мы выстояли. Но нужно добить захватчиков. А вот у вас что с лицом? Вас что били? Кому-то все-таки удалось пробраться? Где были чертовы рыцари?

— Бедфорд, со мной тоже все в порядке. Не волнуйся! Меня не так напугала моя собственная возможная смерть, как то, что мне самой пришлось убить двоих. Проткнула их шпагой!

— Что за безумие! А куда все остальные глядели? Ти... Ваше Величество, если бы я знал, если бы я видел, что кому-то удалось пробраться, то я бы был возле вас. Не стоило мне вас оставлять! Не стоило вообще сюда везти!

— Бедфорд, успокойся, — она положила свою ладонь ему на кисть. — Ничего бы ты не изменил. Да и никто ни в чем не виноват. И вообще, мое слово — закон, — королева печально усмехнулась.

Двоюродный брат отвел её подальше и повернул к себе лицом.

— Тисса, я тебя с детства знаю. Не держи ты слезы, плачь уже! Я же вижу, как тебя всю трясет.

Правительница улыбнулась и тут же разрыдалась, уткнувшись лицом ему в плечо, пропитавшееся порохowymi клубами. Бедфорд обнял ее, похлопав по спине.

— А теперь я тебя слушаю! Что ты чувствуешь после своего боевого крещения?

— Ах, Бедфорд, я не смогу больше ничему радоваться. Все, что происходит, похоже на проклятие. Я так старалась избежать всего этого, но это невозможно! Убивать... Почему жизнь такая? Неужели никак иначе?

— Ты хочешь сказать, что тебе жаль тех ублюдков, что пытались вторгнуться на нашу землю? Они избили тебя, а затем бы, получив выкуп, убили бы.

— Я не знаю, — она вскинула голову к небу. — Просто мне страшно... Страшно, что выбора нет. Только не здесь, Бедфорд. Либо тебя сожрут первым, либо ты сожрешь. Вот как устроен мир. А я не хочу так. Не хочу в этом участвовать.

— Не хочешь, значит, — брат поджал нижнюю губу. — Если ты не хочешь, то позволь себе умереть, а своим подданным, людям, которым ты принесла клятвы, позволь им стать рабами захватчиков, позволь и им умереть. Вот он, выбор! А ты говорила, что его нет. Я помню, что после смерти Розгальда ты думала о том, чтобы бросить все и сбежать инкогнито. Ты хотела жить одна где-нибудь в глуши. Но ты так и не сбежала. И ты никогда

этого не сделаешь! Тебя не так воспитали. Если ты взяла на себя бремя ответственности, то донесешь его до конца. Так что прекрати страдать из-за непостижимой мечты! Я знаю, почему ты начала этот разговор. Ты хочешь понять, как спасти свою совесть в собственных глазах. Но, Тисса, спасать нечего. Она чиста. Ты не сбежала. Ты пытаешься делать как лучше для всех! А вот если бы ты сбежала и стала просто наблюдательницей того ужаса, что творится в мире, то твоя совесть стала бы грязнее, чем у всех наших врагов, вместе взятых. Ты находишься на своём месте! И все ты делаешь, черт возьми, правильно, хотя во многом можно было бы проявить и побольше разума. Но суть в том, что ты не стала злом, убив двух варваров, покушавшихся на тебя. Ты бы стала злом, попивая мирно чай вдали от всего этого. Мир бы от твоего отречения не стал бы лучше!

— Но что, если, оставаясь, я делаю его хуже? Вот в чем вопрос...

— Ты? Хуже? — Бедфорд захлопал глазами, широко улыбаясь. — Тисса, ты просто дура! Какая же ты дура. Я даже отвечать не стану на этот абсурд! — он развел руками и направился за стену.

— Так все же да или нет? — прокричала ему вслед сестра.

Но тот так и не ответил. Лишь рассмеялся, не оборачиваясь.

* * *

При возвращении обратно в столицу люди королевы успели допросить пленников. Так Тисса узнала, что варварам первыми написали эльфы — Советники из Лириана. И эти же советники передавали указания эльфам-воинам при помощи актов, заверенных печатями короля и их подписями.

В Остбоне королева осведомилась насчет конъюнктуры на других границах. На Юге аливитянки под предводительством Ханны разбили союз варваров и эльфов. Дела обстояли плохо только на Востоке и Севере. Со стороны Хайриана не было вестей, а из области диких земель, где стоял коннетабль с её армией, в любой момент может случиться прорыв из-за огромного наплыва варваров.

Уставшая от переживаний и от дороги, Её Превосходительство, просмотрев почту и выслушав гонцов, отправилась принимать ванную. Из которой той долго не хотелось выбираться. Как у нас часто бывает, что мы не спешим заниматься делами, которые не вызывают у нас никакого удовольствия.

Переодевшись, королева вошла в зал заседаний, где её вместе с пэрами и лордами ожидала Карлин в своём настоящем облике.

— Господа, — Тисса подняла руки и попросила тишины. — Одна из самых сильных ведьм нашего ковена — Карлин, тайно, по моему личному приказу находилась в Лириане под прикрытием. Дабы мы могли больше узнать о нашем враге Эринделе. Так что, — она взглянула на ведьму, — Карлин, прошу вас! Вам слово.

Чародейка вскрыла ящик, стоящий у ее ног, и принялась выкладывать на стол головы эльфийских советников. Отвратительные миазмы расползлись от них в помещении. Люди невольно отшатнулись. Тисса поднесла к носу платок, пропитанный парфюмом.

— Как вы могли заметить, все советники Лириана мертвы...

— Тут не хватает только головы Мабалии Тью, — заметил внимательный и худощавый пэр.

— Все верно, — продолжила Карлин, спрятав головы обратно и приказав унести их. — Я перевоплотилась в неё на эльфийских землях. А сама Мабалия в данный момент находится у нас в гостях.

— Больше не в гостях, — сухощаво изрекла правительница Дормана. — У нас есть уже показания от многих пленных эльфов, — она погладила по холке Голиафа, сидевшего рядом с её тронem. Пёс завилял хвостом, раскрыв пасть. — И все они указали на то, что приказы им выдавали советники. Там стояли их подписи под печатью короля. Так что Мабалию отвели в камеру для допросов.

— В таком случае, ваша информация сходится частично с моей. Разве только за исключением королевской печати, — Карлин сомкнула руки. — Когда я была Мабалией, то из разговоров с Эринделом поняла, что та являлась его любовницей, — по залу пронесся гул неодобрения. — И король эльфов признался ей, то есть в тот момент мне, о том, что его кто-то подставляет в собственном совете и хочет свергнуть. И он не нашёл ничего лучше, чем разделаться со всеми ими тайно. Ибо он высказался, что за его спиной плетут козни. Якобы это кто-то из совета затеял переворот и приказал выкрасть наши запасы Илайя. А затем Эриндел убил любовницу, но мне повезло... Я выжила. Король приказал отрубить всем советникам головы и отправить сюда в знак доверия. Что он нам не враг, что он сам обманут своими же подданными. И, судя по его словам, высказанным в порыве настоящего душевного волнения, он всегда готов был выступить с нами в союзе против Узгулуна, потому что прекрасно понимает всеобщую проблему. Но именно поэтому он не видит поводов к ненужным переговорам.

— Благодарю, Карлин, — Тисса смотрела в пол, похрустывая пальцами. — Оплата за вашу помощь государству ожидает вас в казначействе.

— В таком случае, почему говорилось о том, что на приказах стояла печать Эриндела? — воскликнул лорд.

— Господа, у нас есть лишь слова. Самих документов на руках нет. К тому же печать могли спокойно использовать и без ведома Эриндела. Советники имели доступ в палаты. Но нам придется во всем этом разобраться. Посмотрим последующую реакцию короля и дождемся результатов допроса Мабалии, — королева приложила пальцы к носу.

В этот момент внутрь с письмом вошёл паж.

— Ваше Величество, послание из Лириана! Только что доставлено.

— Давайте быстрее сюда! — королева протянула руку и пробежала сначала письмо глазами.

Все с любопытством ждали, о чем там говорилось. Тисса обратила голову к ним и передала письмо по рядам.

— Эриндел сообщает в нём то, что нам поведала уже Карлин. И в знак извинения за своих скверных подданных, оказавшихся предателями, заявляет, что предоставляет нам полностью свою армию, чтобы помочь против наших врагов. Также говорит, что его личный орден занимается розыском украденного у нас Илайя.

— И нам стоит верить ему? — спросили из зала.

— Все зависит от времени! Но что-то мне подсказывает, что выбора у нас нет. Орки и аливитянки и так достаточно выручили Дорман. На днях они с наших Южных и Западных границ выступают в свои земли. Большого просить от них мы не имеем право. Но наши постовые вышки на Севере молчат. И это меня пугает больше, чем вести с Востока. Тем не менее, на Востоке все крайне плохо. Ричард пишет о больших наших потерях. Варваров

слишком много пребывает со стороны диких земель. Они словно саранча. И предупреждает, что есть опасность прорыва. Долго нашей армии там не выстоять в одиночку. Жизни наших воинов утекают, будто вода сквозь пальцы. Мы уже не в том положении, чтобы тянуть с решением. Так что не вижу смысла дожидаться допроса. Ситуация против нас. И думаю, что головы советников Лириана достаточно красноречиво говорят нам о расположении Эриндела, — Тисса закусил верхнюю губу, сморщив лоб. — Так или иначе... Поддержка нам требуется прямо сейчас. Людей сильно-сильно не хватает. Но одна я такое решение принимать не собираюсь. Не в этот раз, — она помотала головой. — Все это еще слишком рискованно. Так что мне важно знать ваше мнение! Кто за то, чтобы сейчас же попросить магов с помощью портала перенести армию эльфов к Восточной границе? Поднимите руку! И затем те, кто против.

Получилось двадцать пять "за" и семь "против".

— Хорошо, — кивнула королева. — Передайте сейчас же приказ в ковен! Пусть действуют!

Conscientia est fortius quam infinitum. Non requirit argumentis et regit sine finibus.

Совесть сильнее вечности.

Не нуждается в доводах и царит без границ.

Остбон

Все горожане трудились в тот день блезир. Ни у кого не было усердного желания, ибо беспокойство полностью сковывало разум. С Восточной границы в любую минуту могли прорваться беспощадные варвары.

Циничные представители Дормана больше не выкидывали фортеля, дабы загрести в свои руки побольше добра.

Ирреальные страхи детей от жутких рассказов, поведенных родителями, неизбежно становились такими близкими, что, казалось, их можно было увидеть. По испуганным лицам взрослых они понимали, что зло рядом. Оно подбирается к ним всё быстрее, чтобы отнять самое ценное.

В палатах общин больше не говорят о неизбежных коллизиях на политической карте мира. Так как сами прекрасно понимают, что слова сейчас никому не нужны.

Грумы перестали вести себя почтительно по отношению к господам, чтобы получить от них лишнюю серебряную монетку. Бескровные губы, потухшие взоры, лишь с заторможенными движениями зрачков, откликающихся на резкие звуки, полностью описывали их угнетённое состояние от предстоящего вторжения.

Сложно предвосхитить исход, когда он зависит от не поддающихся подсчёту факторов.

На почтах перестали франкировать письма и посылки. Многие уже не надеялись дождаться ответов. А ведь враг ещё не вошёл в Дорман. Но вести, присылаемые с фронта, действовали, словно убийственный яд на всю жизнедеятельность.

Величественные залы графов, в которых устраивались пышные обеды и велись бонтонные беседы, теперь пустовали. Горничные даже не трудились раздвигать в них портьеры.

Обольстительницы, догарессы и виконтессы, живущие ради лжи и удовольствий, не ведут нынче своих игр. Они сидят в дорогих креслах, напиваясь вином, чтобы забыться спасительным сном. А маститые дамы и джентльмены молятся в храмах, украшенных золотом, стоя на коленях и лелея веру в лучшее для своих семей.

Болтливые и самовлюбленные выскочки теперь уж не прибегают к профанации своих успешных соотечественников.

Мечтательные, но холодные внешне леди с высокой самооценкой проводят часы в бельведерах с книгой в руках. Но взгляды их устремлены не на строки, а на заснеженные крыши домов и голые сизые леса. Они кусают губы и трагически вздыхают, но при этом не забывают о своих любовниках, которым, возможно, суждено умереть в бою.

Знатные селадоны не волочатся уже за женскими юбками и не ловят очами их утонченные открытые плечи. Эти мужчины прячутся в своих кабинетах, выкуривая трубку за трубкой. И желтея, как восковые фигуры в клубах дыма.

Некогда оживлённая столица Дормана походила в тот день на анахорета, забывшего о прелестях жизни и трясущегося от ожидания каких-либо вестей.

Всех дорманцев волновал только один вопрос: кто пожнет *fructus belli*. Они или

варвары?

Тисса сидела за завтраком, но так и не притронулась ни к блинам с икрой, ни к каше с ягодами, ни к рыбным котлетам.

— Ваше Величество, ещё чаю? — подошёл к ней лакей.

Королева швырнула одну из тарелок в стену. Подданные во дворце с пониманием переглянулись. Голиаф с невозмутимым видом обернулся к хозяйке и спокойно улегся под столом.

— Где чертовы эльфы? — королева, раздраженно теребя край ленты на платье, подошла к окну.

В дверь влетел покрасневший гонец, не снимая шапку:

— Ваше Величество, вы приказывали, если что, то прямо к вам немедленно идти! — обронил он, застыв в проёме с письмом.

На него все взглянули, как на безумца, нарушившего этикет в обществе правительницы. Но Тисса сама направилась к нему и молча, резким движением вырвала из его рук послание. В нём было следующее:

"Ваше Превосходительство, наше положение уже на самом краю бездны. Мой командир — коннетабль Ричард Тол мёртв. Погиб в схватке при защите бреши в стене. Варвары в несколько раз превосходят числом остатки нашей славной армии. Вы должны знать, что никто из дорманцев не отступает! После смерти уважаемого Ричарда Тола я — Гаврил Римон, как старший капитан, перенял временно его обязанности. И осмелюсь вам сказать, что мне даже не требуется отдавать приказы, ибо храбрые воины сами действуют так, как он них требует того честь и устав. Дорманцы рвутся в бой, хоть нас и осталось на данный момент меньше двух тысяч. И, скорее всего, когда вы получите это письмо, то мы уже будем мертвы. Но будем же надеяться на лучшее! Несмотря на это, среди ратников уныния нет. Ибо у каждого совесть здесь чиста. Мы делаем всё возможное, чтобы спасти наш Дорман.

Среди врагов имеется множество эльфов. И они обладают мощными магическими силами. В том, что у них запасы Илайя, можно уже не сомневаться. Без них они бы не смогли колдовать. Наши ведьмы и волшебники из гарнизона с трудом им противостоят.

Мне пора возвращаться к выполнению своего долга! Я могу лишь с уверенностью вам сообщить, что стоять будем до последнего. Но я обязан вам сказать, что прорыв случится в любую секунду. Необходимо любое подкрепление! И в том числе понадобится весь состав ковена!

Гаврил Римон"

Тисса скомкала бумагу в руках.

— Если через минуту здесь не будет директрисы Эрлин, тебя вздернут на виселице. Ты всё понял? — обратилась она замогильным голосом к посланцу.

Тот кивнул и, ничего не ответив, ринулся прочь, опрокинув лакеев с подносами.

Королева подошла к столу и принялась швырять все, что на нём имелось, о стены. Фрукты размазывались по ним и окрашивали своими соками дорогие ковры на полу. Голиаф раскрыл глаза от шума и решил убраться в место более тихое.

Когда леди Эрлин поспешно явилась во дворец, она застала Тиссу с безумным озлобленным взглядом. Её покрывал ледяной пот. Чем-то она напомнила ей Розгальда, когда тот стал вампиром.

— Значит так, слушайте меня внимательно, директриса Эрлин, — королева крепко

схватила её за плечи. — Чтобы через пять минут все, кто состоит в ковене, оказались на Восточной границе! Там среди варваров полно эльфов. И они используют магию Илайя. Скорее всего, прорыв уже произошёл. Но у вас должно получиться их сдержать. Действуйте!

Ведьма молниеносно кивнула и, заперхав накрахмаленным платьем, удалилась.

Королева направилась в пустующий зал заседаний и рухнула на трон, закрыв лицо руками. По щекам лились горячие слезы. Ей казалось, что ещё немного и она сойдет с ума. Боль и смерть каждого дорманца словно душили её. Правители, обладающие совестью, всегда перекладывают вину на себя, даже если сами не совершили никакой ошибки. Тисса лишь мечтала оберегать свой народ, но каждый раз, когда она понимала, что не имеет такой власти, чтобы спасти всех, мысли невольно разрывали её на части и бросали камни в её искренние надежды.

В двери раздался стук. Щвейцар громко кричал ей:

— Ваше Превосходительство, вы там? — дергал он запертую дверь.

Королева утерла слезы и со всей силы ударила кулаком в спинку кресла. Поднялась и выпустила подданного.

— В чем дело? Какие вести?

— Ваше Величество, эльфы... Они везде! С ними король Эриндел. Его армия в Остбоне. На площади не протиснуться.

— Что? Но какого черта они делают здесь! Я же просила ведьм перенести их сразу на Восточный фронт, — она разговаривала вслух, будто сама с собой.

В этот момент в камере для пыток

Мабалия Тю сидела на стуле с крепко связанными руками и ногами. Разбитые губы покрывала запекшаяся кровь, из ноздрей лилась свежая.

— Слушай, Мабалия, я пришла сюда, чтобы проникнуть в твой разум и узнать правду. Но учти, это будет весьма болезненно, — обращалась к ней Карлин.

— Болезненно? — усмехнулась эльфийка. — Посмотри, что со мной сделали ваши палачи!

Ведьма схватила её рукой за горло.

— Слушай сюда, сука, — Карлин трясло от ярости, — лирианцы выкрали наши ценные залежи! И сейчас эти ублюдки хотят захватить вместе с варварами наш дом! На Восточной границе гибнут тысячи моих соотечественников! Ты слышишь, мразь, тысячи! И среди них есть очень хорошие люди. Их ждут дома жены и дети! И ты еще удивляешься, что тебя здесь пытаются и выбивают твои миленькие зубки? Нам известно от других пленников, что это вы, советники, решили захватить власть! Мы, дорманцы — очень простой народ... Простой! Если нам причинить боль, то мы ответим такой болью, что вы все сохнете! Не нужно нас злить! Для любой подлости есть предел!

— Карлин... Тебя же так зовут? Скажи мне только одну вещь, вы видели мою подпись или подписи других советников, оставленные, как мне сказали, на приказах?

— Нет, но думаю, что Эриндел их скоро предоставит, когда явится сюда с армией, чтобы помочь нам!

— Карлин, если кто-то из советников и решил свергнуть Эриндела и захватить власть в Лириане и в Дормане, то это точно не я! Мне об этом ничего неизвестно... Я... Я люблю Эриндела, а он любит меня. Но мы скрываем эту любовь. Сами ведь понимаете, как бы это выглядело в свете. Однако мы планировали с ним обручиться спустя несколько лет после того, как я уйду с должности из совета. По мне еще незаметно, но я ношу наше с ним дитя.

Мальш или малышка будет бастардом, но нам-то какое дело. Эриндел сказал, что отречется от короны, чтобы мы могли с ним жить вдали от всех сплетен. Он хотел передать корону мужу своей сестры.

— Мабалия, у меня для тебя плохие новости, если это правда, — чародейка убрала локон волос за ухо. — Когда я была в твоём облике. Эриндел убил тебя! Но мне повезло. Мне удалось выжить. Эриндел убил всех советников. Якобы это кто-то из вас предаёт его. И чтобы не тратить время и не рисковать лицом на политической арене, он решил со всеми вами покончить. Вот такие дела.

— Проникни в мой разум и убедись, что я не соврала! Давай!

Ведьма не заставила себя долго ждать и приложила пальцы к её вискам. Голова Мабалии задергалась, и из углов рта побежали пенистые слюни. Закончив, Карлин открыла глаза.

— Как хорошо ты знала других советников? Ты слышишь меня? — Карлин ударила ей по щеке.

Эльфийка пришла в себя. Из глаз её медленно скатились две тонкие струи.

— Ну что ты можешь рассказать про остальных?

— Маргарита — моя лучшая подруга, и устроить переворот она не способна однозначно. У неё не тот характер. Можно вина?

— Где я тебе его здесь возьму? Ладно, — Карлин выглянула в коридор и обратилась к стражнику. — Передайте, пожалуйста, какому-нибудь лакею, чтобы срочно принесли кувшин с вином сюда и бокал.

— Ну! А дальше? — она вперила в эльфийку сосредоточенный взгляд.

— Карлин, у нас в совете хватало и мерзких личностей. А потому за каждого ручаться я не могу. Но неужели ты еще не догадалась, что эта ситуация может означать?

— Я сюда не догадываться пришла, а за фактами!

— Какие, к черту факты! — вскричала в бешенстве Мабалия. — Вы же даже не видели наших подписей, а я почему-то сижу здесь вся избитая! Вот такие дорманцы, выходит, справедливые?

— А не нужно доводить нас до предела!

— Знаешь, Карлин, а жестокость ведь всегда найдет себе оправдание! Не правда ли? Просто признай, что вы оступились! Совершили ошибку! Пока не поздно, попросите прощения! Еще все можно успеть исправить.

Ведьма повернулась к ней спиной и прислонилась лбом к каменной холодной стене. Сделав несколько глубоких вдохов, она развернулась и развязала путы эльфийки.

— Ты права... Мы перегнули с тобой палку, хотя не имели надлежащих аргументов. Отпустить тебя я сама не могу, но я сообщу сейчас королеве, что ты совершенно не при чем. Я попрошу прощения за себя. Ну а палачи потом тоже.

— Палачи! Что мне их прощение... Они рабы системы. Жалкие создания! Мне не нужны их извинения. Они лишь делают то, что им приказывают. Так что пусть лучше ваша королева попросит у меня прощения. Это же она все здесь решает.

— Мабалия, ты явно плохо знаешь Наше Величество! Она бы и без подсказок попросила прощения, когда осознала бы ошибку. Королева у нас очень совестливая, но, как ты заметила, слишком импульсивная. Ей бывает тяжело себя контролировать, когда народу грозит опасность. Единственная её проблема в том, что она хочет как лучше, но никогда не может смириться с тем, что все идет не по плану. Она перенимает чужую боль на себя... Вот

и срывается иногда, не успевая обдумать правильность поступков. Я не оправдываю её, потому что она наша правительница. Просто все ведь мы живые и чувствуем напряжение. И иногда нет времени, чтобы подумать как следует. Вот и все!

— Я понимаю... Но главное, чтобы этот выброс напряжения и импульсивность не зашли слишком далеко. Иначе может случиться так, что извинения приносить будет некому. Бывают такие грехи, которые уже не замолить в храмах. И не так уж важно, специально ты их совершил или нет. Но сейчас не об этом. Карлин, ты понимаешь, что выбивается из общей картины?

— Не совсем, — ведьма уселась на соседний стул.

— Я не ставила свою подпись под подобными приказами и не имею к ним отношения. А вам сообщили, что там стоят подписи всех советников и печать короля. Уверена, что Эриндел найдет тех, кто якобы видел, как кто-то из нас выносил из его кабинета печать. Это ведь совсем не проблема. Но ты должна знать, что я из последних сил сейчас держусь, чтобы сохранять спокойствие. Этот ублюдок убил меня... Понимаешь, что сейчас творится у меня внутри? Ты когда-нибудь любила?

— Да.

— А тебя предавали когда-нибудь те, кого ты всем сердцем любила?

— Всякое бывало.

— Но тебя явно не убивали? — из глаз Мабалии вновь хлынули слезы.

Карлин помотала головой, оперевшись ладонями о колени.

— Так вот... Больше всего я теперь уверена в том, что сволочь Эриндел никогда вам не предоставит тех приказов. И не потому, что он их не найдет среди мнимых предателей, а потому, что ему это вряд ли будет нужно. Но, я так полагаю, приказы были. Только подписи, возможно, фальшивые. Дело в том, что в Лириане прислушиваются не только к королю, но и мы в Совете имеем весомое значение. Если бы король один приказал напасть армии на Дорман или выкрасть Илайя, то наши бы воины имели недовольство. Никто ведь в здравом уме не желает войны. Но если все советники поддерживают правителя единогласно, то недовольным придется замолчать и смириться. Вот почему нас убили тайно, под покровом ночи. А сейчас у них есть Илайя. Никто из них не отступит, имея такую силу.

— Стоп! — волшебница проморгалась. — Даже если предположить подобное, то в таком случае я пока не понимаю... — зрочки её засеменили по камере. — А зачем Эриндел хочет отправить нам свою армию на помощь?

— А ты подумай хорошо...

— Черт! — Карлин вскочила. — Проклятье! — она схватилась за волосы. — Выходит, он хочет атаковать Дорман снаружи и изнутри. О, боги! Маги из ковена должны были перенести их к нашей Восточной границе. Мне нужно срочно обсудить этот вариант с королевой, — ведьма рванулась к дверному проему.

— Стой! — эльфийка ухватила её за рукав. — Карлин, обещаю тебе, что вы предоставите мне шанс убить его самой. Я не могу оставить все это так! Я успокоюсь только тогда, когда отомщу за себя и за подругу!

— Мстить никогда не излечит нанесённых ран, Мабалия! Легче не станет, разве только хуже.

— Он заслуживает смерти!

— Вот в этом я полностью соглашусь.

— После того, что я о нем узнала... Убить его должна я!

— Посмотрим! Мне нужно торопиться!

В этот момент к ним нагрянули лакей с кувшином вина и стражник. Эльфийка выхватила сосуд и сделала несколько жадных глотков.

— Вы почему пленницу развязали? — удивился стражник.

— Потому что у меня есть такие полномочия. Спросите у королевы.

— Кстати, насчет Её Превосходительства: она просила вас срочно явиться к ней и передать все, что вам удалось выпытать у пленницы. И она сейчас совсем не в духе. Так как армия эльфов, вместо того, чтобы сразу переместиться на фронт, зачем-то явилась в Остбон.

Ведьма с испугом покосилась на Мабалию.

— Он убьет её! Она не нужна ему живой! — только и успела крикнуть вслед советница помчавшейся со всех ног Карлин.

Эриндел взбежал по ступеням дворца. Тисса шла по коридору к нему навстречу, не имея больше ни капли терпения. С улицы начали доноситься крики о помощи.

Королева подхватила подол платья и ускорила шаг. Перед ней из внутренних ворот выскочил стражник.

— Ваше Величество, прячьтесь! Вам нужно срочно покинуть столицу! Эриндел нас предал! Его армия сейчас убивает мирных горожан! Мы обречены.

— Что... — Тисса опешила от такой жестокой вести.

Но едва подданный успел сообщить ей это, как сам правитель Лириана оказался позади того. Воин обернулся и прокричал Тиссе:

— Бегите! Бе... — но Эриндел разрубил магическим мечом его тело пополам.

Её Величество, не помня себя от ужаса, помчалась по коридору назад. Эльф с помощью волшебных пут выбил её из равновесия. Тисса повалилась на пол, сильно ударившись животом. Её тело пронзила резкая боль.

Карлин заранее применила магию невидимости. Она увидела все своими глазами. Ей пришлось прибегнуть ко всей своей воле, чтобы не убить тут же на месте Эриндела.

— Так ты ради победы предал собственных советников? — яростно уставилась на него глазами Тисса, сжимая руки в кулаки.

— Я никогда не был с ними в сговоре, — с ехидством улыбнулся эльф, подходя всё ближе. — Как же было легко заставить вас всех поверить в мою искренность, — он рассмеялся. — Более тупой бабы, как вы, я никогда не встречал. Мне повезло, что Розгальд мёртв. Ваш покойный супруг не был идиотом, как все вы! Тот бы сразу меня раскусил.

Правитель Лириана занёс над ней клинок. Но неизвестная голубая волна швырнула его головой о стену. Он выронил оружие. Тисса не стала разбираться и попыталась подползти, чтобы схватить оружие и освободиться. Карлин же поспешно сковала руки Эриндела цепями, не позволяющими колдовать. И после уже приняла вновь видимый облик.

— Карлин, как я рада! Это ты... — Тисса поднялась на ноги.

— Ваше Величество, где все представители ковена? Эти твари сейчас всех поубивают на улицах! Ваша стража уже мертва!

— Я отправила их всех на Восточную границу, — схватилась за живот Тисса.

Королева приблизилась к Эринделу, валявшемуся без сознания и с кровавой раной на голове. Она подставила лезвие к его горлу.

— Нет, Ваше Величество, это должна сделать другая! Та, которую он предал сильнее всех. Мабалия Тью — его любовница, и она совершенно не при чем. Пусть она с ним покончит. Вам же нужно спрятаться в потайных комнатах!

— Я, возможно, потеряю из-за этого ублюдка дитя. Я ударилась животом, — Тисса побледнела от боли.

— Ваше Величество, времени нет! Обещаю, Эриндела ждет жестокая смерть! Но вь сейчас же должны захватить с собой какую-нибудь из придворных дам и скрыться!

— А как же горожане? Вы слышите их крики! О боги!

— Я с этим разберусь!

— Там же целая армия!

— Я знаю. Но я могу становиться невидимой. Это весомое преимущество. К тому же я

сбегаю к колдунье Харпаге. Мы вместе с ней что-нибудь придумаем. Только ответьте мне: какая союзная армия сейчас всего ближе к нам?

— Аливитянки и майоты возвращаются с границы в Саркен через наши земли.

— Я поняла! А теперь поторапливайтесь.

Тисса боялась, что сама вот-вот лишится сознания. Она собрала всех выживших во дворце: лакеев, горничных, поваров и придворных дам. После чего спрятала их с собой в одном из потайных залов.

Карлин же оттащила Эриндела в камеру к Мабалии Тью и отдала приказ уцелевшим по воле случая мужчинам следовать за ней для защиты столицы.

— Принимай своего любовничка! — бросила она Мабалии и передала ей оружие. — Развлекись с ним хорошенько. А мне пора! Город в опасности.

На Восточной же границе Дормана магам из ковена удалось отбить вторжение и отбросить неприятелей. Леди Эрлин захватила в плен главаря варваров. Она переправила его через портал в Особон и застала полнейшую суматоху. Среди трупов дорманцев на кровавом снегу происходила чудовищная битва. Харпага верхом на гигантской многоножке стреляла огненными шарами по эльфам. Карлин с помощью колдовства пронизывала копьями лирианцев и сбрасывала их с башен. Повсюду хрустели раздробленные позвонки. Аливитянки и майоты секирами рубили врагов.

— Отлучилась, называется, на несколько часов из столицы, — вздохнула про себя директриса при виде побоища.

Главаря варваров бросили в темницу под присмотром ведьм. Глава ковена же направилась к Карлин, по дороге ударяя молниями эльфов.

— Я смотрю, у вас тут весело, — печально она взглянула на неё.

— А как на фронте? — вопросом на вопрос поинтересовалась чародейка, раскидывая толпу лирианцев ударной волной.

— Все в порядке... Если не учитывать того, что нам досталось, как всегда, больше, чем всем. Что эти сволочи даже детей не щадили? — директриса покосилась на истерзанные тела юных дорманцев.

— Как видите. Мрази никого в живых не оставляют.

— Карлин, я надеюсь, что Её Величество жива?

— Да! Я попросила её спрятаться во дворце. Только есть вероятность того, что она может потерять наследника.

— Этого нам ещё не хватало, — закатила глаза Эрлин. — Не говори только никому! Нельзя, чтобы кто-то знал. Только не сейчас. С ней кто-то есть?

— Придворные дамы должны быть.

— Я пойду к ней. Надо убрать посторонних. Я о ней позабочусь. Ты как? Справитесь тут?

— Да. Идите!

— А госпиталь работает? Здесь много раненых наших и союзников.

— Спрашиваете ещё, леди Эрлин. Наши лекари и не при таких обстоятельствах с поста не уходили. Все нормально. Вон, видите, — Карлин кивнула в направлении цветочного переулка. — Врачи и целительницы подбирают раненых. Харпага их прикрывает. Милая моя Харпага! Ох, что бы я без неё делала. Она всегда вовремя оказывается рядом. Черт меня побери, если её не наградят орденом после всего этого.

— Хорошо, я пойду к королеве. Кстати, а где эта сволочь Эриндел? Он что, прячется за

своими воинами?

— Он уже труп! Поверьте мне! — Карлин раскрутила в руках копьё и воткнула его в землю. Жёлтая вспышка расползлась от удара и поглотила эльфов, содрав с них кожу.

— Карлин, не оставляйте в живых этих ублюдков! Они все должны поплатиться за то, что напали на мирное население! — директриса похлопала её по плечу и направилась во дворец.

— А я и не собиралась, — высказалась вслух волшебница дрожащим от сбивчивого дыхания голосом.

Глаза Карлин были словно налиты свинцом гнева. Она помчалась к толпе эльфов, сгрудившихся в круг для защиты. По дороге ведьма никого не щадила, даже тех, кто поднимал куски ткани вместо флага в знак сдачи. Уже было поздно просить прощение. В те времена не умели испытывать жалости к тем, кто бьёт в спину. Эльфы сами вынесли себе смертный приговор, когда решили атаковать беззащитный город, в котором были только женщины и дети.

На соседней улице с площадью, Ханна, сидя в седле, сбила с ног лирианца в доспехах. Она ловко спрыгнула и не позволила тому успеть подняться. Аливитянка поставила ногу на его грудь и нанесла мощные удары секирой по голове. Так что шлем эльфа треснул.

Бедные горожане, кому повезло спастись, прятались в подвалах домов или на чердаках. Испуганные матери, обливаясь слезами, обнимали своих детишек, онемевших от ужаса. Пожилые старушки же пытались ухватить своих стариков, дабы удержать тех в домах. Но седовласые дорманцы, которым в своё время не раз доводилось быть на полях сражений, были неугомонны. В их хрупких дряхлых венах пробудилась молодая кровь. Они не могли сидеть в укрытии, когда повсюду насилуют их соотечественниц и четвертуют детей. Старики с суровым видом и с гордостью снимают со стен свои верные шпаги. Выходят на улицы и вспоминают прошлые навыки. Дрожащими от немогности руками они наносят верные выпады. И погибают в бою, как и думали умереть в прошлом. Не раз старики, будучи молодыми, прощались с жизнью перед предстоящими рассветами войны.

Одного такого заметил правитель майотов Линт. Пожилой человек в сером халате, с одноручным мечом и со щитом выскочил перед лошадью рослого эльфа и, поразив той две передних ноги, готовился вступить в схватку с врагом. Лиранец выполз из-под тяжёлой туши бьющейся от боли кобылы.

Старик молча его ждал с опущенными в гнев углами губ. Но эльф решил воспользоваться магией. Линт смекнул, что к чему, и покончил с тем, метнув ему в шею топор.

— Какого черта ты творишь! Кто тебя просил? Он был мой! — пожилой дорманец принялся браниться из-за того, что ему помешали сразиться с захватчиком.

— Послушай, старик, это не твоя война! — подошёл к нему Линт, вынимая из эльфа своё оружие. — Ты своё уже отвоевал! Позволь лучше нам заняться делом.

— Ты, щенок, ещё учить меня будешь! Я без тебя знаю, когда мне стоит защищать свой дом, — седовласый дорманец свирепо сверкнул на него голубыми глазами.

Линт широко улыбнулся, восторгаясь храбростью этого старика.

— Как вас зовут?

— Какое тебе дело, саркинянин! Ты что, думаешь, мы без вас бы не справились?

— Нет, ну что вы! — усмехнулся майот. — Просто вам лучше все же пойти в дом. У вас, верно, есть жена? Дети? Внуки? Неужели вы им не нужны? Кто же будет молодому

поколению передавать знания и учить уму разуму? — польстил он ему. — Дорман и так уже потерял многих. Подумайте об этом. Будущее поколение зависит от таких как вы. От вашего воспитания. Поберегите себя ради них. А с этими остроухими мы быстро покончим, не переживайте! Хорошо? К тому же вон как ваши ведьмы из ковена и оставшиеся стражники отлично работают. Через полчаса все будет кончено. Правда, вам лучше пойти в дом. С фронта скоро вернут очень много раненых. Понадобится любая помощь, любые свободные руки. В госпиталях и так уже мест нет. Ну так как?

Старик внимательно на него глядел из-под своих кустистых белоснежных бровей.

— Черт с тобой, саркинянин! — махнул на него морщинистой рукой дорманец. — У меня на фронте два внука сейчас находятся. Надеюсь, с божьей помощью они вернуться живыми, — он заковылял в дом.

Линт же добил вражеского коня, чтобы тот не мучился.

В камере Мабалии Тью

Эльфийка посадила Эриндела на пол, прислонив спиной к стене. Она сковала ему ноги и руки. А затем сделала узел на леске. Когда король эльфов пришёл в себя и, мыча от боли, открыл глаза, то тут же вскрикнул, увидев любовницу живой.

— Привет, дорогой, — улыбнулась ему Мабалия. — Ты ради власти решил, значит, убить меня и наше дитя! Какой же ты негодник, — она игриво провела пальцем по его носу.

— Что? Мабалия, послушай, я не понимаю, что происходит! Я убил бы тебя? Что ты несешь! Это клевета! Дорманцы хотят захватить Лириан! Это все их рук дело. Я лишь пытался позволить нам быть независимыми от всего мира.

— Эриндел, милый мой, ты просто тупая скотина. Которая даже извинения принести не способна. Ты никогда не умел признавать свою вину. Я что-то не видела никогда, чтобы дорманцы нападали на мирных эльфов. А вот ты, мразь, привёл армию и обрушил её на незащищенный город, когда все воины находились на фронте. Ты просто жалкий трус! Ты дерьмо, размазанное по подошве!

— Мабалия, что ты себе позволяешь! Я все еще твой король! — побледнел от злости эльф.

— Король? — рассмеялась советница. — Нет, сладкий, от короля здесь только одно название. Ты мерзкая ничтожная блоха, которую стоит раздавить.

Она стянула с него портки и поместила половой орган в кольцо из лески. И принялась медленно сдвигать леску, постоянно сжимая кольцо все больше и больше.

— Мабалия, давай сбежим вместе! Помоги мне! Подумай о нашем ребенке! Как он будет жить без отца? Я позабочусь о нашем будущем!

— Ребенке? Это ты о том ребенке, которого ты убил вместе с матерью? Эриндел, моему малышу не нужен такой отец, как ты. Я ему лучше скажу, что его отец простой рыбак, но с доброй душой. Не хочу, чтобы на него ложился позор папаши.

Правитель эльфов закричал и задержался. На пол хлынула кровь.

— Сука! Ты сука!

Советница отбросила его отрезанный половой орган в сторону. А затем, взяв инструмент для пыток, стала выковыривать ему глаза. Но на этом она сразу не остановилась. Перед убийством Мабалия ещё вбила ему в ноздри длинные раскаленные гвозди. И только потом всадила кинжал в самое сердце. Однако эльфийка не могла больше без ненависти смотреть на тело предателя. Поэтому она решила изуродовать его окончательно. Взяв в руки палицу, та била по нему почти без остановки. Так что от черепа совсем ничего не осталось.

Все превратилось в грудку кровавого мяса.

Только после этого эльфийка выронила оружие и повалилась на стул, чтобы перевести дух.

Потайной зал

Леди Эрлин выгнала всех посторонних подданных, так как их жизням теперь ничего не угрожало. Оставшись наедине с Её Превосходительством, ведьме пришлось бороться с кровотечением. Случился выкидыш. Принц был мёртв. Директриса с трудом остановила у королевы кровь и соединила разрывы. Тиссе она дала выпить бокал вина.

Долго обе женщины смотрели на крошечное ледяное тельце, закутанное в простыню. Правительница была словно в ступоре. Она ничего не говорила, не двигалась с места. Горе её было настолько сильным, что из глаз даже не проронилося ни одной слезинки.

Леди Эрлин очень переживала о том, что Её Величество может лишиться рассудка после гибели своего ребенка. Ведьма вышла на минуту за дверь, чтобы узнать все новости. Их она решила доложить королеве, чтобы напомнить ей об обязанностях. Дольше это могильное молчание продолжаться не могло.

— Ваше Величество, Эриндел мёртв. Его тело полностью растерзано его любовницей и советницей Мабалией Тью. С вашего позволения, её отпустили, так как она не имеет ко всему случившемуся никакого отношения. С армией Лириана же в столице покончено. Эльфийская армия погибла. Как, можно сказать, и наша. Победа досталась слишком большой ценой. И, Ваше Величество, я соболезную вашему горю. Вы потеряли дитя, Дорма потерял наследника. Но как бы жестоко это сейчас не прозвучало, но у вас нет времени, чтобы предаваться горю. Сами ведь понимаете, что у правителей не может быть личных проблем. Вы еще молоды! Выйдете еще замуж и подарите стране другого наследника. Заключите выгодный союз.

— А разве трон не может занять мой двоюродный брат? Или кто-то из родственников жен Ульфгарда? Или хотя бы дальние отпрыски дяди Розгальда? — наконец вымолвила Тисса, устремив на Эрлин пустующий взгляд.

— Ваше Величество, вы ведь понимаете, что поднимутся бунты! Народ хочет видеть на престоле вас! Все будут против дальних родственников. И все осознают, что вы сможете еще родить дофинов.

— Но ведь я оплошала. Эриндел обманул меня, словно глупую девушку.

— Попрошу заметить, Ваше Превосходительство, что решение принимали не вы одна! Но и пэры из палаты. Так что никто вас не обвинит в случившемся. Вы действовали согласно совести и соблюдали законы голосования. Но сейчас вам необходимо принять ванную и затем отправляться в зал советов. Там вы сообщите подданным о гибели несчастного дофина и уверите их в том, что собираетесь выйти замуж и подарить престолу нового наследника. Вы обязаны успокоить свой народ! И простите мне мои грубые, неуместные речи. Но вы принадлежите нам, а не себе! Как бы мы вас все не любили, как бы мы не сопереживали вам, как бы не старались оградить вас от обстоятельств. Но на это нет времени. Только не в нашем безумном мире! Вы все еще слабы, но жизнь ваша не в опасности. Я пошлю вам в купальню лекарственные травы, с которыми вы примите обязательно ванну. И также микстуру для приёма внутрь. Держитесь, Ваше Величество! — она пожала ей ладонь.

Тисса прижалась головой к её голове и теперь разрыдалась. Леди Эрлин плакала вместе с ней.

— Похороните малыша в царском склепе! — обратилась затем правительница к

директрисе. — И как там Остбон? Госпитали успевают принимать раненых?

— Там завал, Ваше Величество, но все уцелевшие горожане помогают врачам. Организовали дополнительные специальные пункты по всему Остбону. А за городом сейчас сжигают трупы. Их слишком много. Кстати, главарь варваров у нас в темнице.

— Выпытайте у него все про его народ и их расположение и слабые стороны, — Тисса приподнялась на подушке. — А затем убейте его. И мы добьем дерзких дикарей. И узнайте, пожалуйста, кто бился яростнее всех, защищая столицу. Я присужу орден и дарую награды.

— Здесь все просто! Это колдунья Харпага. Без неё бы Карлин не справилась и не успела бы позвать аливитянок с майотами. Но вот насчет варваров боюсь, что придется повременить. От нашей армии осталось всего ничего. Вся надежда на верных союзников. И что самое страшное, варвары могут нам понадобиться. Следующее дело касается серьезных вещей. Пятнадцать минут назад сюда прибыл раненый князь вурдалаков Вимон. У него жуткие вести. Многие вампиры мертвы. С севера мчится толпа мёртвых хайрианцев. Они двигаются с чудовищной скоростью и все сметают на своём пути. Из глаз их полыхает синий огонь. Они набрасываются на живых и перегрызают им глотки. Одного такого Вимону удалось привезти с собой в качестве пленника. Но тот словно не знает человеческую речь. Видимо, на Хайриан кто-то наслал сильное магическое проклятие. Варвары и эльфы на севере, кстати, тоже мертвы от их зубов. Так что нам нужно выяснить, что здесь к чему.

Королева поднялась с постели и надела халат.

— Значит так, директриса Эрлин, я сейчас переоденусь. А вы соберите всех срочно в зале советов. Ну и сами лично с помощью колдовства проникните в разум хайрианца.

— Слушаюсь!

Зал советов

Королева восседала на троне с мраморным точеным лицом, словно застывшая ледяная статуя. Пальцы её крепко сжимали подлокотники царственного кресла. О потере наследника уже было объявлено. Это сильно ударило по надеждам дорманцев. Тисса безучастным голосом оповестила их о том, что выйдет замуж повторно, и чтобы потом начали искать подходящих кандидатов.

В душе она спрашивала сама себя, желает ли ещё связать свою жизнь с кем-то любовными узами, но затем нервно усмехнулась. Правительница понимала, что о любви и речи быть не может. Она лишь надеялась, что будет испытывать к будущему супругу хотя бы каплю уважения. И, этого по её представлению, вполне достаточно, чтобы спасти королевскую кровь и помочь своим подданным.

Тисса ощущала, как разрушается. Её собственный внутренний мир давно пал под обломками горя. Позорная смерть мужа, а затем гибель ребенка. На ногах её держало только осознание того, что она уже совсем не та, что раньше. Королева больше не лелеяла мечты о личном счастье.

Она пала под обломками жизни и смирилась. Отключила чувства, решив стать орудием в руках народа и не более. Тисса боялась, что в ней проснется ненависть к подданным. И она всеми силами пыталась сохранять самообладание, чтобы не излить на них своё отчаяние. Ей хотелось лишь одного — уйти с достоинством, исполнив свой долг и сдержав клятвы. На большее правительница не рассчитывала, как, собственно говоря, и на меньшее. Ибо она несла ответственность за прошлое своих славных предков. Ее Величеству нельзя подводить заслуги мертвецов, боровшихся за честь своего имени.

У советников и министров, присутствующих на этом важном совещании, лица тоже были хмурыми. Новость, которую в последующую секунду поведала леди Эрлин, и вовсе свергла каждого в полнейший ступор. Она рассказала о своём внедрении в подсознание мертвого хайрианца. По рукам у дорманцев и у союзников пробежали мурашки после слов о безмолвных. Всем стало известно, что армия проклятых трупов охотится за наёмником Конрадом.

— Выходит, когда они найдут его, то воссоединят с семьёй оставшимися? — Тисса взглянула на директрису. — И, восстановив число силы, те уничтожат Барнар? Так получается?

Леди Эрлин рухнула на скамью, обхватив затылок руками, и ничего не ответила. Но это молчание было красноречивее любых пояснений.

В двери вбежал с дико бегающим взглядом один из герцогов Дормана.

— Ваше Величество! Ваше Величество! — отдышавшись, он рухнул на колени и утер потное лицо шляпой. — Узгулун вернулся! Его собственными глазами видел мой брат и его люди у Северо-Западной границы! Там же, где и армия мертвецов. Он с ними за одно! Прикрывает их сверху. Они все продвигаются на Юг. И убивают всех на своём пути! Деревни и города исчезают, словно пылинки на ветру!

Тисса даже поднялась от волнения с места и зашагала вокруг трона. Когда сытый Голиаф подбежал к ней игриво, чтобы она его погладила по голове, та гневно топнула ногой по полу. И пёс уселся, чтобы больше не донимать свою хозяйку, находящуюся не в духе. Он

лишь обиженно взирал на неё исподлобья своими круглыми грустными глазами.

— Вы сказали, что по данным слежки, вся эта армия безмолвных продвигается на Юг вдоль Западной границы? — Тисса похрустела шеей, глядя себе под ноги. — В той стороне расположен Саркен, а затем торговое графство Морской Полвиль. И в самом конце разворачивается Мертвая пустыня. Если их направление не изменится, то это говорит лишь о том, что наёмник Конрад находится где-то в тех краях. Черт! — она глубоко вздохнула. — И Узгулун на стороне безмолвных. Нет! Это полнейшее безумие, — Тисса обернулась к окну, где сидели Ханна и Линт. — Уважаемые союзники, вам что-нибудь известно о его точном местоположении?

— Лично мне нет, — повертел головой правитель майотов.

Ханна встала в полный рост и оперлась о подоконник. Она долго не решалась смотреть в глаза королеве, но все же заговорила:

— Ваше Величество, я мало знала Конрада, но мне хватило того времени, дабы понять, что он заслуживает уважения как человек. Поэтому мне тяжело сейчас это говорить... Но в связи с ситуацией молчать я не имею права. Одна из моих лучших воительниц и подруг по имени Фрида, помогла как-то Конраду сбежать от преследования, когда его обвиняли в убийстве дорманцев. Она, видите ли, ведунья. Она заранее знала, что он не имеет вины в тех преступлениях. И вы сами в этом уже убедились. Потрошителем был... В общем, был не он! И Фрида мне поведала о том, что её судьба связана с ним. Многим ведуньям свойственно знать заранее о своём муже. Некоторые из вас слышали, что Конрад со своим другом уезжали на Север. И само собой, я думаю, что Фрида была с ними. А теперь, если все обстоятельства сложить воедино. То мы можем сделать некий вывод... Безмолвные преследуют его. И если уж они двигаются на Юг, то выходит, что Конрад сейчас вернулся с Севера и находится в Саркене. Почему именно в Саркене? Потому что я ручалась ему в своей дружбе. И, скорее всего, Фрида тоже думает, что у нас он будет в безопасности. Но я хочу защитить свой народ! Если он действительно в Саркене, то находится в одном из моих главных и боевых поселений, где расположен дом Фриды. И сейчас туда направляются мертвецы из Хайриана и Узгулун! И я прошу всех лишь об одном — помогите моему народу! Мы, аливитянки, не раз спасали Дорман. А теперь и мы нуждаемся в помощи! Смерть Конрада в интересах всех государств! Так что прошу как можно быстрее собрать всех! Знаю, что после схватки с варварами и эльфами армия Дормана чудовищно поредела. Но как же другие? Нужно обратиться гномам, оркам, ко всем и, черт побери, и к самим варварам!

— Ханна права! — королева остановилась, сцепив руки за спиной. — Сейчас же попросите князя Вимона отправить срочное послание к оставшимся вампирам! Нам нужны все! Также, дорманцы, все, кто способен держать меч в руках, пусть готовятся отправиться в Саркен! Гаврил Римон, займитесь этим, — обратилась она к новому коннетаблю, возвратившемуся с Восточной границы. — И, писарь, пишите обращение к гномам! Пусть ведьмы помогут быстрее его доставить! И, само собой, к Рогиру! Его армия еще не должна далеко удалиться. И...приведите ко мне главаря варваров! Сейчас... Сейчас между всеми живыми должно наступить перемирие! У нас у всех общий враг! Если мы не объединимся, то подохнем, как мухи в кружке эля. И... передайте Мабалии Тью, что отныне ей придется в экстренной обстановке взять управление на себя! Пусть пишет в Лириан и сообщает им новость! Эльфы нам тоже нужны! Нужны любые силы! На все про всё восемь часов, не более!

В этот момент Карлин, еще ничего не ведая о том, что Тиссе известно насчет Конрада,

сидела у себя дома на кресле перед камином и пила ром, закусывая сыром с орехами. Рядом на диване сидела колдунья Харпага и курила трубку. Они с ней подружились, несмотря на разницу в возрасте. Битва в Остбоне против эльфов сблизила их быстрее, чем все долгие годы, так необходимые для проверки дружбы.

Карлин помнила просьбу тритона в Винетке. После которой тот изменил свой маршрут и уехал, ничего больше не сказав. Ей было тяжело хранить страшную тайну, но она искренне хотела спасти своего друга во что бы то ни стало. И обдумывала в голове план, как в случае чего отговорить королеву от преследования наёмника.

— Харпага, вам еще налить чаю?

— Нет, благодарю, Карлин! Я скоро домой поеду. Мне нужно птиц и скотину кормить. Но ты приезжай завтра вечером ко мне. Я хочу открыть банку с настойкой из ежевики собственного производства.

— Забьете какого-нибудь каплуна или утку на ужин?

— Да, это можно.

— Тогда я с радостью приеду, — улыбнулась ведьма.

— Карлин, тебе бы только пожрать! Молодая девка, а живот уже выпирает.

— Чего? Где это? Очень смешно, Харпага! У таких, как мы, никогда полноты не будет! У нас весь жир в бою уходит. Вы не знаете, как моя сестра любила поесть. Ела за четверых. И ничего... Нормально все было.

— Да я же пошутила, — усмехнулась колдунья. — Ладно, хорошо сидим! Но пора! — она поднялась и вытряхнула содержимое трубки в пепельницу.

— Я провожу! — Карлин опустошила одним глотком бокал и направилась за подругой к двери.

Выйдя на улицу, у ведьмы резко закружилась голова. Ей пришлось ухватиться за деревянную калитку, чтобы не рухнуть.

— Карлин, ты в порядке?

— Да. Только что-то в глазах потемнело немного. Наверное, зря я так много в последнее время налегаю на алкоголь.

— Ну, еще бы! — заметила Харпага.

Но Карлин потеряла сознание, и упав на снег, забилась в страшных судорогах. Из её рта выбивались невнятные вопли и крики.

Колдунья пыталась привести её в чувства, но странный приступ не прекращался. Она с трудом тащила её обратно в дом и ринулись в кабинет, где подруга ей прежде показывала полки со склянками из лекарственных трав и лечебных порошков.

В разуме же Карлин творилось следующее: с ней разговаривала сама богиня Алу. Волчиха сидела перед ней в поле, покрытом кровью и скелетами. Небо было чёрным и пустым.

— Карлин, слушай меня внимательно! — богиня пронизывала её своим грозным взглядом. Но пасть той не открывалась. Все слова передавались мысленно. — Если ты любишь свою семью, и если ты готова спасти всех волшебников, то тебе придется убить Конрада. Забудь все, что тебе говорил тритон. Безмолвных можно остановить, только уничтожив его! И, мы, боги, вам в этом поможем! Но даже многие из нас стали предателями под угрозой и страхом перед безмолвными. Им пообещали спасение! Но это все ложь! Это хитрые уловки! Знай лишь одно: я на вашей стороне. Я всегда помогала тем, от кого отвернулись остальные. Карлин, если Конрад выживет, то наш гнев прольется на вас!

Клянусь, что души твоих родных окажутся в преисподней! Все до единого! Я бы хотела обойтись без угроз, но времени осталось мало. Я хочу, чтобы ты ясно осознала опасность! Я должна быть уверена, что ты не предашь свой дом и верных Барнару богов! Если выберешь жизнь своего друга, то обречешь себя и других магов на вечные страдания! Вспомни, зачем мы даровали тебе спасение! Вспомни, зачем ты восстановила справедливость в мире мертвых! Если ты выберешь Конрада, то все твои прошлые достижения превратятся в прах. Я, правда, не хочу прибегать к угрозам, но все слишком серьезно. У меня нет выбора. Пойми всю суть предстоящей битвы! Не щади наёмника. Его жизнь — угроза для всех на Барнаре! Не совершай ошибку! Подумай о своей семье и о своих соотечественниках. Всемирный судья и Совет четырёх сами не понимают, что творят. Они пляшут под дудку других богов, наших врагов. Они верят, что смогут начать новую жизнь в ином мире. И хотят спасти Конрада, чтобы забрать его и использовать его энергию в новом мире.

— Карлин! Карлин, очнись! Ну же! Давай, жуй лепестки! Еще немного! — колдунья стояла над ней на коленях и пыталась что-то засунуть в рот из лечебного мешочка с сушеными травами.

Ведьма открыла глаза. Тьма постепенно отступала, и зрение возвращалось.

— Ты как?

— Э... — чародейка приподнялась, сидя на полу. — Все... Все в порядке. Я просто видимо сильно устала. Я мало спала, много пила... Ещё и это сражение. Все нормально. Мне нужно просто поспать.

— Давай я тогда позову кого-нибудь из госпиталя, чтобы с тобой посидели эту ночь! Или я быстро сбегаю до дома и вернусь!

— Что? Нет! Харпага, шутите? В госпитале и так дел невпроворот. У них тысячи раненых. Я же сказала, что все хорошо! — она встала. — Идите домой! Я хочу лечь спать. Я могу о себе позаботиться. Не стоит беспокоиться!

Тем временем разговор королевы с главарём варваров

Избитого главаря варваров привели в зал советов и поставили перед Тиссой на колени. Она приказала развязать его.

— Господин Дариус, можете подняться, — правительница окинула его непроницаемым взглядом. — Подайте, пожалуйста, ему стул!

Подданные живо исполнили приказание. Но стражники устроились позади него, держа руки на рукояти мечей.

На варваре находились штаны и кофта песочного цвета из тонко выделанной шкуры оленя. На одежде виднелись бурые пятна засохшей крови и маслянистые следы от пережеванного табака. На запястьях красовались кожаные браслеты с зелеными камнями в серебряной оправе. Черты лица его были грубыми. Квадратная челюсть ярко выдавалась вперед. Кожу покрывала щетина, отдающая синевой. Над правой бровью виднелся белый выпуклый шрам. Нос, видимо из-за частых переломов, косил немного вбок и имел большую горбинку. Под плоскими широкими ногтями сидела чёрная грязь. Все это выглядело очень мерзко. На выбритой голове тоже можно было заметить шрамы. Угольные брови его сильно клонились вниз по краям лица. От углов губ к носу волоклись глубокие морщины, словно русла высушенных рек. Чёрные злобные глаза покрывала пелена недалекого ума.

— Господин Дариус, вы еще явно не знаете, зачем вас привели сюда, — продолжила правительница.

— Уж точно не для того, чтобы выслушивать смертельный приговор от какой-то

никчемной бабы! — огрызнулся главарь и харкнул на пол.

Один из стражников собрался его ударить за оскорбление, но Тисса остановила его, резко подняв руку.

— Господин Дариус, вы можете называть меня какими угодно словами, мне сейчас без разницы. Потому что очень в скором времени. А отсчёт идет на дни! Мы все с вами умрем! Умрут дорманцы, эльфы, гномы, орки, аливитянки, майоты, вампиры — все до единого. Не останется зверей и даже деревьев. И варвары тоже исчезнут! Вы еще не знаете, но хайрианцы уже мертвы. Правда, они превратились в весьма подвижных и свирепых мертвецов, перегрызающих зубами плоть живых, что попадают им на пути. Когда ваши войска в союзе с эльфами напали на нас с Севера, хайрианцы всех их прикончили. Что же касается Эриндела, если вас интересует судьба вашего недавнего дружка, который решил вас использовать в достижении своих целей, а потом бросить, то он мёртв. И армия его тоже в самом плачевном состоянии. А если быть вернее, то никого из напавших на Остбон эльфов в живых не осталось. А теперь, наверное, к делу? Господин Дариус, вы хотите остаться в живых? И хотите ли вы, чтобы ваш народ тоже не исчез с лица Барнара?

— Если ты думаешь, что я буду просить пощады, то ты, сука, ошибаешься! — главарь варваров коварно улыбнулся, обнажив зубы, выбитые в нескольких местах.

— Нет, господин Дариус, мне не нужны ваши извинения и не нужны никакие клятвы! Но вот какое дело... Вы слышали об Узгулуне? Я вижу, что прекрасно слышали! А о безмолвных слышали? Помните рассказы своих предков? Так вот, безмолвные вернулись.

— Ты меня решила сказками напугать, мразь? — он сжал ладонь в кулак.

— Вы сейчас сами все поймете! Не торопитесь. Безмолвные в данный момент находятся, скорее всего, в Хайриане. Они убили население того государства и превратили их в своих рабов, но сами выбраться не могут. Пока не могут. Потому что их семеро. С восьмым удалось разобраться богам давным-давно. Но вот семерым удалось вырваться из ловушки, и они ищут сына одного из них. Видите ли, у восьмого есть ребенок от человека. Женщина эта родила, если считать по годам её сына, не так уж и давно в сравнении с тем временем, когда происходила битва с безмолвными. Но безмолвные способны выбирать жертву во времени. Один из них, тот, что восьмой, решил на всякий случай обеспечить себе безопасность. И, выходит, правильно сделал. Он проник в будущее и изнасиловал женщину, которая понесла дитя. Так он сохранил и спрятал свою кровь в будущем. Что ж... И мы знаем сейчас, кто его сын. Это наёмник без рода и прошлого по имени Конрад. Возможно, вы о нем и слышали. Весьма известное имя. Во всяком случае, в Дормане точно. И армия мёртвых хайрианцев вместе с Узгулуном ищут его, чтобы доставить к безмолвным. А когда это случится, те получат прежнюю мощь и свободу. И тогда мы все станем трупами. Я достаточно ясно изъяснилась, надеюсь, — королева встала и оперлась о спинку трона. — Именно поэтому все живые должны немедленно отправиться в Саркен, где предположительно находится Конрад, чтобы убить его и не дать возможности безмолвным забрать наёмника раньше. И если у вас есть хоть доля ума, то вы тоже отправитесь вместе с нами. Если мы проиграем, то вы тоже сдохнете! Но если нам всем повезет, то клянусь, что отпущу вас всех живыми и забуду про то, что вы напали на Дорман.

— И почему я должен верить?

— Самым главным доказательством моих слов служит тот факт, что вы все еще живы. Подумайте сами хорошенько, господин Дариус, стала бы я оставлять вас в живых? С какой стати мне не приказать, чтобы вам отрубили башку прямо сейчас? Так вы готовы биться с

нами плечом к плечу за свободу от проклятых безмолвных, забыв обо всем, что было между нашими народами?

— Мне нужно пожрать и выпить вина! И чтобы мне вернули мое копье и палицу! А еще пусть мне сделают золотые доспехи! Тогда я поговорю со своими людьми.

— По рукам! Но учтите, промедление в нашем случае касается смертью. Через восемь часов наши союзные армии должны встретиться для выступления!

Олдиар

Иорик с Конрадом подъехали к загородному поместью графини. Здание все было в чёрных тонах и имело две остроконечные башни со стрельчатыми окнами, увитыми по краям виноградными ветвями из бронзы. Во дворе перед парадным входом раскинулся большой фонтан со статуей черепахи в середине. Вдоль аллеи, ведущей к двери, шелестели своими листьями грациозные и крепкие вишневые деревья.

Пожилой загорелый швейцар в новой жёлтой ливрее расспросил их о причинах посещения. После чего приказал конюхам отвести жеребцов посетителей в конюшню, а сам проводил их в просторную приемную и попросил подождать.

Через пятнадцать минут они увидели и саму хозяйку дома. Это была женщина под пятьдесят лет, но сохранившая ещё красивые черты. На ней сидело очень пышное платье цвета массака. Из-под которого виднелась воздушная белая шемизетка. К кружевной косынке на голове был прикреплен свежий, но уже раскрывшийся бутон волкамерии, источающий в воздух насыщенный жасминово-ванильный аромат.

Графиню звали Гортензия. И лицо её несло отпечаток гордого характера, который был присущ её знаменитым предкам из этого края. Карие глаза ярко выделялись на коже жёлтого оттенка, свидетельствующей о возможных проблемах с печенью. Друзья решили, что у неё достаточно аванажный вид, несмотря на возраст, ибо она имела хороший вкус в одежде и держалась с величественной осанкой.

— Приветствую вас, господа! Мой швейцар передал мне, что вы называете себя: "УЗРЕВШИЕ УРАГАН", — она слабо улыбнулась одной стороной рта. — Что бы это не значило, проходите в мою гостиную, — графиня пригласила их рукой в соседнюю комнату.

Наёмники поклонились ей в честь знакомства и поспешили внутрь. Меблировка помещения тоже была в тёмных тонах. На стенах висели панно цвета коринки. На многочисленных жардиньерках располагались угольные горшки с пурпурными цветами.

Когда все уселись на мягкие кресла, обтянутые синим шёлком, Гортензия продолжила:

— Что же вас привело в наше графство? Я могу чем-то вам помочь? Я вся внимание, — как и подобает истинным аристократам, она, находясь сама в несчастном положении, поставила себя в покровительственное положение.

Мужчины даже переглянулись от неожиданности, решив, что здесь в их помощи, возможно, и не нуждаются вовсе.

— Тогда, с вашего позволения, я перейду сразу к делу, — начал Конрад. — До нас дошли слухи, что в Морском Полвиле бушует монстр Херуфе. Он убивает девственниц. Поэтому предлагаем вам наши услуги по уничтожению чудовища из лавы. А взамен желаем получить здесь плодородные земли, что идут вдоль равнины за городским холмом. Вместе с хозяйством и с животными, само собой. А также лицензию на морскую торговлю и выход в порт, — закончив, он облизнул губы.

— А вам не кажется, что вы уж слишком много затребовали? — Гортензия постучала ногтями по столику из красного дерева.

— Мадам, видите ли, до нас также дошли слухи и о том, что у большинства местных уже погибли дети от рук Херуфе. И народ здесь из-за отчаяния и бессилия может впасть в крайности. К примеру, у вас есть дочь, и она до сих пор жива. Ну и к тому же вы, как

графиня, не смогли защитить свое население. И их злость в скором времени может пролиться на вашу семью. Но вы не торопитесь покидать графство, так как это ваш дом. И в связи с этим, я считаю, что наше требование не такое уж и чрезмерное. Мы спасем Морской Полвиль от монстра и спасем вашу дочь. А если бунт все же поднимут, то мы выступим на вашу защиту. Так что такая плата за все это очень даже приемлема.

— И все же, кто вы такие? Откуда у вас подобная самоуверенность в том, что вы одолеете Херуфе?

— Мы УЗРЕВШИЕ УРАГАН, и это все, что вам стоит знать о нас. А насчет уверенности скажу лишь то, что мы доказываем свои возможности делом, а не словами, — наёмник закинул ногу на ногу. — Так что если вы не хотите покидать свой дом и при этом думаете о жизни дочери, то вам стоит начать писать наш с вами договор.

— Слишком много наглости в ваших словах, молодой человек, — графиня закатила глаза. — Где доказательства, что, когда мы заключим официальную сделку, вы исполните задуманное?

— Все довольно просто, — вмешался Иорик. — В договоре вы укажете условия, необходимые для выполнения передачи нам земель и лицензии. Так все будет иметь юридическую силу защиты. Договор потеряет действительность, если мы вас обманем. Да и мы будем спокойны, что после уничтожения монстра вы не дадите попятный ход.

— Я графиня, а не шарлатанка! Люди, подобные мне, всегда держат слово!

— Что ж, это прекрасно! Приступим к заключению сделки! — Конрад улыбнулся.

Гортензия позвала служанку и попросила принести в гостиную бумагу, перья с чернилами и штамп с её родовым гербом. Через несколько часов договор был составлен на двух листах. Поставив печати и подписи, наёмники забрали один лист документа себе, а другой оставили хозяйке дома.

— Ваше время пошло, господа! — объявила она, приподняв одну бровь, и позвонила в колокольчик. — Проводите, пожалуйста, гостей, — обратилась она к швейцару.

Когда они вышли на улицу, им подвели их коней.

— И что, Конрад, как мы убьем Херуфе? Где его искать? — спросил друг, после того, как они остались одни.

— По дороге решим!

— По дороге куда?

— Иорик, нам нужно с тобой собрать ингредиенты для зелья.

— Ты собираешься одолеть чудовище с помощью зелья? — нахмурился поэт.

— Да, друг мой, да! — вздохнул Конрад, взбираясь в седло.

— И оно правда поможет?

— Я не знаю. Надеюсь! — усмехнулся тот.

Бэбкок с недоумением на него покосился, скорчив недовольную гримасу. Но после рассмеялся во весь голос.

— Чего смеешься, Иорик? Нам не до смеха будет, если это не сработает. Потому что мечами нам с ним не справиться. Да и пушками тоже. Стражникиграфини явно уже пробовали эти способы.

— С чего ты решил, что пробовали?

— Потому что было бы очень глупо, если бы они не попробовали. Но явным доказательством этого служит договор у нас в сумке. Стала бы разве графиня его подписывать, если бы не опустила руки, испробовав уже все средства? Ты меня поражаешь,

брат! Где-то ты умный, а где-то глуп, как осёл.

— Ослы вовсе не глупые! — огрызнулся тот.

Друзья весь день провели в разъездах по окрестностям. Конрад собирал корни цветов, растущих на болотах. И от тех исходил зловонный, жуткий запах. Затем срывал лепестки крошечных жёлтых цветов на сочных зелёных лугах. Все это толкли в ступке до однородной каши и добавляли в неё, помешивая против часовой стрелки, кровь зубра. Затем полученную смесь нагревали над костром. Иорика тошнило от усиливающегося все больше запаха.

— Я надеюсь, это все? Или нам еще понадобится что-то мерзкое?

— Ещё нужна скорлупа грецкого ореха, кружка колодезной пресной воды и куриная голова.

— Я вот не понимаю, как это поможет уничтожить монстра? Или он тоже чувствителен к запахам и, почуяв нас издали, убежит подальше из этих мест?

— Это очень старинный рецепт зелья, Иорик. Настолько старинный, что никто уже и не знает, почему нужны именно эти составляющие.

— А ты откуда его узнал?

— Как-то давно я помогал горожанам отбить обратно их крепость у разбойничьей банды. А к крепости той примыкал один из первых храмов в Западных землях. Я, как истинный наёмник, всегда посещаю при возможности религиозные дома, но с одной целью — чтобы почитать что-то полезное в библиотеках. Ибо монахи ведут записи всего и обо всем. И хранят их долгие годы. Так что после успешной победы над преступной шайкой я туда и заглянул. Но храм был заколочен. Ради любопытства я пробрался внутрь. Там все было покрыто толстым слоем пыли и ограблено. Но на полу я случайно заметил неровность и поскреб пальцами. Это был припечатанный чьим-то сапогом к земле отрывок рукописи. Я его и изучил. В нём как раз и был рецепт зелья против огненных тварей из недр вулканов.

— Что-то звучит это все слишком не ободряюще. Монахи же собирали информацию обо всем. Выходит, и глупости у них в рукописях тоже имелись.

— Я и не отрицаю.

Друзья, приготовив два зелья, устроились на ночь в поле. Темно-синее небо накинulo на себя сетку из сверкающих бус. Иорик быстро уснул, но ему снились кошмары, поэтому поэт проснулся спустя два часа сна.

— Ну что, твари не видать? — спросил он, протерев глаза.

— Пока тишина.

— Я вот что забыл узнать. А зелье нам нужно будет ему в пасть залить?

— Естественно!

— А если он её не откроет?

— Черт, а ведь ты прав. Нам нужна девственница. Он её начнет проглатывать, и мы зелье зальём.

— Скажи, что ты пошутил, — Бэбкок глядел на него, тупо моргая глазами.

— Ты мне уже надоел. Не можешь иронию от правды отличить? Что у тебя с мозгами в последнее время? Значит так, сидим и ждем монстра. И у каждого из нас будет один шанс, чтобы попасть.

— А почему только один шанс? Почему бы нам не сделать кучу заготовок из зелья?

— Вот если тебе не лень, дружище, иди и делай. А я свою энергию зря тратить не собираюсь. К тому же Херуфе не дурак. Он заподозрит в конце концов, что фляжка с этой отравой для него опасна.

— Что это? Кажется, земля дрожит! — Иорик взволнованно уставился на свою ладонь, покоящуюся на траве.

— Приготовься. Пора! Тварь выбралась за новыми жертвами.

— Я не готов, как можно быть к такому готовым!

— Да черт с тобой! Я сам все сделаю! — выругался Конрад.

Вдали на холмах замаячили странные огненные полосы в воздухе и две горящих круглых точки. Это был Херуфе. Лава его тела виднелась через трещины в корковом слое из сланцевой породы.

Конрад притаился у земли и пополз к нему навстречу. Приблизившись на расстояние выстрела, он решил разозлить монстра и тем самым осуществить задуманное. Наёмник поднялся в полный рост на ноги и прицелился в голову чудищу их лука. Стрела вонзилась прямо в глаз и тут же начала плавиться и гореть. Херуфе зарычал, обнажив серые большие клыки. Он передвигался ловко и быстро за счёт широких лап с цепкими когтями. Равновесие он удерживал при помощи длинного хвоста.

Конрад сделал кувырок с фляжкой в руках, когда монстр рванулся в его сторону. И встав в позицию, снова выстрелил. Чудовище раскрыло пасть и наёмник швырнул зелье, но промахнулся, ибо тот задрал голову вверх. Пробка на сосуде выпала и месиво вытекло все в траву. Наёмник не на шутку испугался. Тварь ударила своими лапами рядом с ним. Конрад ощутил полыхающий жар из его нутра.

Иорик подскочил к другу и упав рядом с ним на спину, со всей силы швырнул фляжку в глотку Херуфе. Монстр, даже не ощутив её, проглотил зелье.

— Бежим, Иорик, бежим! — Конрад вскочил и помчался в сторону леса. — Оно не сразу подействует.

Мужчины со всех ног бежали под укрытие густого леса. Бэбкок, несмотря на страх, улыбался. Конрад в тот момент решил, что самые отважные и чокнутые люди — это все же поэты.

Херуфе гнался за ними почти до самого леса. Но вскоре его голова зарылась в землю от падения. Он издал свой последний вопль, корчась в судорогах. И окончательно затих. Лава под его каменной шкурой медленно угасала, пока совсем не застыла.

Друзья радостно закричали и обнялись.

— Я спас тебе жизнь, — улыбнулся Иорик после того, как отдышался.

— Да пошел ты! Ты лучше вспомни, сколько раз я тебя спасал от смерти. Так что это не считается. Зелье-то вообще-то я создал. А значит, мы живы благодаря мне!

— И это твоя благодарность? — взвизгнул поэт.

— Ты её от меня не дождешься! — расхохотался наёмник и прилег на траву, созерцая звезды и вдыхая морской свежий воздух.

Утром друзья получили обещанную им лицензию на морскую торговлю и большие участки земли со всем хозяйством. От которого им предстояло собирать хорошую ренту. Конрад написал письмо Фриде, где попросил приехать её вместе с Бригидой и Амелией.

Но ведьма избрала более быстрый способ и использовала короткие порталы для перемещения по Саркену, так как когда-то она путешествовала по этим землям.

Конрад ждал, что Фрида с Амелией станут кричать на него. Но сильно удивился, когда женщины не сказали ни одного осуждающего слова.

Жена наёмника очень обрадовалась новому дому. Каждого из них ожидало богатое имение с работниками. Иорик объяснил женщинам, что вскоре на ренту они смогут

приобрести свой корабль.

Но не успели ещё УЗРЕВШИЕ УРАГАН обвыкнуться в Олдиаре, как в один из вечера их настигла шокирующая весть.

Когда они все сидели за большим столом, ужиная в двухэтажном доме Конрада и Фриды, в дверь постучали. Путник был в длинном сером плаще до пола. Когда он его сбросил, то друзья увидели, что вместо ног у него копыта.

— Кентавр? — произнёс вслух наёмник, сплющив губы. — Что ж... Проходите! Милости просим к нашему очагу! Вы по какому-то делу или просто путешествуете? — затем он обратился к жене: — Фрида, приготовь, пожалуйста, для нашего гостя место за столом.

— Да, конечно! Вы будете вино, эль или, может быть, чай? — поинтересовалась она у нежданного путника.

Кентавр почесал свою короткую чёрную вьющуюся бороду и окинул их всех жёлтыми глазами с квадратными зрачками. Копыта его зацокали, когда он вошёл внутрь.

— Конрад, я пришёл к тебе! Мы ждали, что ты явишься сюда раньше, но ты задержался. Поэтому времени звать тебя на Совет Четырёх нет.

— Вы знаете мое имя, — прищурился наёмник. — И что еще за Совет? Можно как-то побольше подробностей? Кто вас послал? И зачем?

Все насторожились.

— Я сейчас все вам объясню! Но учтите, что времени осталось слишком мало. На рассвете начнется крупная битва! — кентавр скрестили руки на груди.

Он поведал им о Всемирном Судье и о пророчестве, в котором говорилось, что только Конрад раз и навсегда сможет избавить Вселенную от безмолвных. Он рассказал им о Совете Четырёх, что служит Судье. И о том, что Совет так называется из-за четырёх рас, входящих в него: кентавров, тритонов, грозowych дьермунгов и серпантесов.

— Подождите, кто, черт возьми, такие грозowych дьермунги и серпантесы? — перебил кентавра Иорик. — Я первый раз о них слышу.

— Завтра во время битвы вы их увидите! Мы все будем биться на вашей стороне. На рассвете Узгулун явится вместе с армией мертвецов из Хайриана сюда, чтобы забрать Конрада. Но также сюда подоспеют армии аливитянок, майотов, варваров, орков, вампиров, гномов, эльфов и дорманцев. Они явятся, чтобы убить Конрада и разобраться с Узгулуном и мертвецами. А на вашей стороне будем только мы! Четыре расы явятся, чтобы Конрад мог выиграть время. Завтра тебе придется покончить с безмолвными!

— Стойте! Что? — Фрида тяжело задышала. — Я не хочу биться со своим народом! Неужели им всем нельзя объяснить, что смерть Конрада лишь отсрочит нападение безмолвных? Надо сообщить им то, что вы сообщили сейчас нам!

— Уже поздно! Люди всегда действуют в зависимости от существующей обстановки, а не в надежде на долгосрочные перспективы. Никто из них не станет рисковать покоем, который можно достичь сейчас. Они не станут верить и полагаться на Конрада, что он сможет убить безмолвных. Ибо он все еще этого не сделал. Это большой риск для всех! Прибавьте к этому риску ограниченное время, и люди перестанут здраво мыслить в таких условиях. Они знают, что смерть Конрада освободит их от гибели на долгий срок. Но они не знают, сможет ли Конрад действительно одолеть безмолвных. Людям свойственно верить в силу оружия, а не в пророчества. Это проклятие присуще многим живым.

— Как... Как мне это остановить? Вы знаете? — наемник, побледнев, уставился на кентавра.

— Да! И для этого ты должен пойти прямо сейчас со мной.

— Но куда? — вмешалась Фрида.

— Это вас не касается! Нам стоит поспешить!

Конрад обернулся к жене и взял её за плечи.

— Послушай меня, я вернусь! Обязательно! Я сделаю все, что он меня зависит. Только прошу тебя, будь завтра осторожна! Я не знаю, может, вам стоит куда-то уехать, чтобы... Чтобы не сражаться со своими же. Черт! — он рассек воздух кулаком.

— Конрад, — жена обхватила его за ладонь. — Я буду ждать! И я буду биться вместе с четырьмя расами на твоей стороне! Ты мой муж. Если повезет, то ты успеешь предотвратить самое страшное! Иди! Давай, иди! Ну же! — она кивнула ему на прощание.

— Конрад, может, мне с тобой? — подбежал к двери Иорик.

— Он должен пойти один! — отрезал кентавр.

— Все нормально, брат! Увидимся завтра! И... И постарайся не помереть раньше времени! Ладно?

— Ладно... — поэт махнул рукой.

Конрад при выходе бросил взгляд на Бригиду.

— Я завтра, возможно, встречу отца! Завтра будет тот день, когда я должна сама убить его!

Наёмник подошёл к ней и обнял.

— Удачи тебе! — сказал он ей на ухо и вышел вместе с кентавром.

— Дорманцы — мой народ, — Амелия рухнула на стул и залпом осушила кружку с пивом. — Знаете, чего я не понимаю. Почему бы, к примеру, нам не договориться с ними? Ну, хотя бы в том, чтобы одолеть всем вместе Узгулуна и мертвецов. Тогда бы у нас у всех была передышка. И не пришлось бы биться со своими соотечественниками! Разве я не права? Кто-то должен поехать и поговорить с ними! Я отправлюсь прямо сейчас!

— Они не станут тебя слушать, — Фрида уселась рядом. — Так выстраивается боевая тактика.

— О чем ты?

— Ну, смотри! Есть риск, что в совместной схватке их армия понесет больше потерь. И тогда им сложнее будет отбить у нас Конрада. Потому что для своего же спокойствия они захотят, чтобы он находился у них в руках. Так что они выберут другой вариант. Поставят ставки вслепую! Так как там будет шанс остаться в плюсе.

— Но и уйти в большой минус.

— Да, но данный риск их оправдывает. Они в любом случае не смогут во время совместной битвы доверять нам. И поэтому на это они не пойдут. Я хорошо знаю Ханну. Она выберет битву одновременно против двух врагов, нежели затем повторную битву. И ещё неизвестно при каких соотношениях встроенную в будущем. В общем, чтобы ты им не сказала, они не согласятся. Завтра будет битва трёх армий. И армия мертвецов и Узгулуна будет против всех.

— Это безумие!

— Полнейшее!

Конрад с кентавром выехали за Олдиар.

— Так почему я должен был поехать один? Что мне нужно сделать, чтобы остановить завтра это кровопролитие?

— Ты поехал один, потому что твои друзья только бы мешались и задерживали тебя.

Тебе необходимо отправиться на драконью гору. И там, в пещере, прыгнуть в раскаленную лаву! Если пророчество верное, то ты выживешь и найдешь там кнут силы. С помощью него ты сможешь ускорить развитие своего могущества. И так ты одолеешь безмолвных. Так что держи карту! И действуй!

— Я верно понял? Я в лаву должен прыгнуть?

— Именно!

— Я же умру!

— Значит, мы все умрем! — хладнокровно заметил кентавр и покинул наёмника.

В проклятых землях стучат наши сердца.

Мы потеряли друг друга, выбирая себя.

Но вспомню черты твоего я лица,

Чтобы улыбнуться в небеса уходя.

БИТВА ЗА МИР

Утро только начиналось. Туман крался прочь с равнины, укрываясь в канавах и кустах. Звёзды на небе угасали, словно отходя ко сну, чтобы не видеть предстоящего кровопролития. Союзная армия уже расположилась обширным лагерем в Морском Полвиле.

На рыжей кобыле с флагом к ним мчалась Амелия. Из-под копыт вылетали куски влажной земли.

На королеву надевали кольчугу её покойного мужа и серебряные доспехи. К ней в шатёр быстрым шагом вошёл брат.

— Тисса, тебе лучше не вмешиваться! В разгар сражения тебе никто не сможет гарантировать полной безопасности!

— Бедфорд, заставь уже работать свои мозги! Прошу! Хотя бы ради меня, — правительница Дормана обернулась к нему, окинув решительным взглядом.

— Тисса, ты не воин! Твоё место не здесь, а на троне!

— Бедфорд, если мы проиграем эту битву, то уже не будет иметь никакого значения, кто находится у власти. Если нам суждено умереть, то я предпочитаю пасть вместе со всеми! Это лучше, чем затем трястись от страха во дворце и ожидать, когда нагрянут безмолвные. Неужели ты думал, что я просто стану смотреть со стороны?

— Но...

— Хватит! — она прервала его грозным криком. — Я буду командовать своими лучниками. Вопрос закрыт!

В шатёр влетел слуга.

— Ваше Величество, с их стороны прискакал гонец! Это ведьма из ковена, Амелия!

— Если она на их стороне! То значит, она больше не из ковена! — заметила Тисса. — Я сейчас выйду к ней.

Королеве застегнули пурпурный плащ на шее. Она поправила на руках кожаные перчатки и вскочила на своего белоснежного жеребца.

Когда их лошади с ведьмой поравнялись, Амелия начала первой:

— Ваше Превосходительство, к чему все это? Есть пророчество, что знает Всемирный Судья. Конрад — единственный, кто способен раз и навсегда уничтожить безмолвных! Дайте ему немного времени. Наш с вами общий враг сейчас — это Узгулун и армия мертвецов. Нам нужно биться с ними, чтобы они не забрали Конрада.

— Амелия, неужели вы думаете, что я хочу всех этих смертей? Дорман и так потерял многих! Знаете, я думала, что вы преданы своему народу! Но я ошибалась. Пока вы пропадали неизвестно где, нас атаковали эльфы и варвары. Ваши братья и сестры из ковена верно служили мне! Они спасли Остбон! И теперь вы хотите, чтобы я вам верила? Все думали, что вы мертвы! Что Узгулун вас убил! Но вот вы здесь абсолютно живая. И Узгулун тоже жив. Да и к тому же вы защищаете Конрада, чья жизнь пророчит всем нам гибель! И вы правда думаете, что я стану рисковать? Я королева и не имею на это права! Я предана

дорманцам, в отличие от вас! Так что лучше выдайте нам наёмника! Если у вас, конечно, осталась хоть капля любви к вашим соотечественникам.

— Ваше Величество, вы совершенно все не так поняли! — Амелия помотала головой. Кобыла под её ногами взмахнула своим длинным хвостом. — Я рискнула своей жизнью, чтобы переместить Узгулуна подальше. И я сделала это ради дорманцев, ради всех живых! Не смейте клеветать на меня! Я не стану этого терпеть. Я всегда была предана Дорману и его правителям! Но боги спасли мне жизнь. Они вернули меня, чтобы я убила Конрада. Но это были боги, которым наплевать на Барнар. Единственный, кто всегда думал о всех нас — это Всемирный Судья. Я рада, что не убила своего друга, ибо тоже дала ему шанс, как и Судья дал всем нам шанс. Пророчество! Ему стоит верить! Только ему!

— Амелия, послушайте! У нас больше не осталось времени. Мертвецы вот-вот будут здесь и Узгулун. Безмолвные до сих пор живы. Не морочьте мне голову. Выдайте наёмника! Никто в здравом уме не станет рисковать, полагаясь на пророчество!

— Конрад — мой друг! Вы его не получите! — отрезала чародейка.

— В таком случае мы заберем его силой! Это вы выбрали войну, а не я!

— Знаете, что забавно, Ваше Величество, — по лицу Амелии пробежала нервная судорога. — мы войны тоже не хотим! Просто вы боитесь ошибиться. И из-за вашего страха сегодня прольется много крови! И она будет не на моих руках, не на руках моих друзей! Вы все напуганы и видите только один способ, самый кровавый! Но так поступают бездушные глупцы! Храбрые люди с добрым сердцем никогда бы на подобное не пошли! Так что не смейте говорить мне, что войну выбрали мы! Моя совесть всегда была и остается чистой! Ибо я сегодня буду сражаться за своих друзей и за жизни всех вас, и за жизни будущих поколений! А вот вы сейчас можете попроситься со своей чистой совестью! Вы её больше никогда не вернете! Потому что вы решили выбрать самый лёгкий, самый зримый путь. Вы решили пойти на поводу у своих страхов!

— С меня довольно! — Тисса с яростью сжала поводья в руке. — На нашей стороне истина!

— Поверьте мне, сегодня она точно не с вами!

— Время покажет! Встретимся на поле сражения! — королева развернула кобылу и вернулась к войскам.

Амелия тоже собиралась развернуться, но заметила впереди Карлин. Она замерла на месте. Карлин бросилась к ней, однако остановилась в двух шагах. Амелия спрыгнула на траву и хотела её обнять, но подруга отстранила ту рукой.

— Так ты жива, — произнесла Карлин.

— Как видишь. Тара приходила ко мне во сне... Как она умерла?

— А ты как думаешь? Она пожертвовала своей жизнью ради спасения магов.

— Карлин, нам нужно с тобой поговорить! Мы должны все это остановить!

— Ничего не выйдет. Ко мне приходила богиня Алу. Если не убить Конрада, то души моих родителей и сестры попадут в ад.

— Так она угрожала тебе! Но, Карлин, ты ведь понимаешь, что тот, кто угрожает, всегда не прав?

— Амелия, на одной чаше весов моя семья, а на другой — пустые слова о пророчестве! И я выберу семью. Прости!

— Что? Алу сволочь! Она предала Барнар и обманула тебя! Неужели ты мне не веришь? Карлин, мы же друзья. Друзей не предают! Так нельзя!

— Семейю тоже не предадут!

— Карлин, нет! — закричала Амелия. Тело забила дрожь. Слезы подступали и душили её. — А как же я? Кто я для тебя? Пустое место теперь? А Конрад? Ты что, хочешь сказать, что у тебя поднимется рука убить нас? Ты сама-то себя слышишь? Я бы никогда не стала тебе лгать! У Всемирного Судьи нет никакой выгоды! Он пытается предоставить всем шанс! Ты-то хотя бы не будь трусихой, как королева! Доверься мне! И к тому же на нашей стороне демоны. Даже они понимают, что единственный способ спасти Барнар — это спасти Конрада. Мы сможем с ними договориться. И мы спасем души Тары и твоих родителей. Почему ты не хочешь меня услышать?

— Амелия! — Карлин бросилась к ней и крепко обняла. По её щекам хлынули полыхающие слезы.

— Вместе мы со всем справимся! Обещаю!

Карлин отстранилась и вытерла лицо рукавом.

— Нет, Амелия... Прости! Я не могу так рисковать... Не могу! — чародейка резко развернулась и ушла обратно.

Амелия прискакала в лагерь четырёх рас. И увидела Фриду, бесцельно метавшую кинжал в землю.

— Как прошли переговоры? — спросила её аливитянка, не поднимая головы.

Ведьма уселась с ней рядом и взглянула на горизонт, где мерцала рыжая предрассветная полоса.

— Солнце уже всходит... Скоро прольется кровь, — изрекла Амелия.

— Я так и думала, — Фрида подняла глаза к небу. — Значит, буду сегодня биться насмерть со своими друзьями. — Я тоже буду! — чародейка закусилa нижнюю губу.

Но как? Как потом с этим жить? — она обернулась к Амелии.

— Я сейчас виделась с Карлин... Я тебе говорила про неё. Это все так... Так... — она тяжело вздохнула, сдерживая эмоции. — Я не знаю, как с этим жить, Фрида! Не знаю... Но, возможно, живых-то и не останется. Все здесь сдохнем! Но правда на нашей стороне! — Амелия положила воительнице руку на плечо.

— Да... Только от этого не легче.

— Кому как! Мне только это сил и придает!

— Как ты думаешь, Конрад ведь успеет вернуться вовремя?

— УЗРЕВШИЕ УРАГАН не питают надежд. У нас есть путь, который мы обязаны пройти до конца! И путь этот верен. Будь что будет...

Тисса тем временем, стоя на коленях, молилась всем богам, чтобы те защитили их союзные войска. За палаткой разносилось множество звуков перед подготовкой к сражению. Командиры собирали своих ратников возле себя. Пехота и лучники занимали позиции. Боевые кони возбужденно ржали, встряхивая гривами. Тут и там были слышны быстрые шаги, стук брони и топот копыт. А затем все смолкло. Королева поднялась и вышла.

Восход был красивым. По небу юрко сновали ласточки. Серо-голубое небо все больше окрашивалось в жёлтые теплые тона. Прохладный морской воздух крепко бодрил. Тисса невольно вспомнила слова ратника насчет рассвета перед боем. И она прощалась со своей жизнью, жадно охватывая все вокруг взглядом.

Правители других народов стояли со своими воинами и глядели на недвижимую вражескую армию. Барабаны начали отбивать ритм. В каждом из отрядов затрубили в рог. Ратники обнажили мечи. Воздух пронизывали отважные восклицания отдающих приказов. У

королевы волосы встали дыбом на руках.

— Пора! — сказала она и вскочила в седло, чтобы примкнуть к своим лучникам на холме.

Две армии занимали собой всю равнину. Они ринулись друг на друга, словно две бушующих волны. Щиты их столкнулись в ближнем бою. Хлынула первая кровь.

Грозовые дьермунги — полупрозрачные люди, чьи тела покрывали, будто жилы, малиновые молнии, бились с эльфами. Если бы не сила Илайя, лирианцам было бы не выстоять против них и секунды. Грозовых дьермунгов способна убить только магия. Эльфы, используя посохи, атаковали их оранжевыми лучами, расщепляя врагов на частицы. Дьермунги же в ответ били грозowymi мощными зарядами, вырывающимися из ладоней. Лрианцев, не успевших уклониться от ударов, парализовало на месте. Смерть наступала практически сразу.

Войско демонов с серой кожей и с большими чёрными глазами сражалось серпами, защищенными тёмной магией. Против них выступили все члены ковена. Колдуны и ведьмы применяли порталы, чтобы нападать сразу с двух сторон и тем самым укрываться от разрушительной силы демонического оружия. Демоны бросали свои серпы в волшебниц, которые бумерангом возвращались обратно. Одна царапина, наносимая ими, заражала кровь за секунды. Кожа магов покрывалась чёрными полосами, и из их ртов и глаз лилась чёрная жидкость. Они корчились в страшной предсмертной агонии. Другие сражающиеся наступали на их тела, ломая кости. Ведьмы ковена часто создавали жёлтые магические щиты и применяли взрывные волны.

Орки, майоты и аливитянки атаковали с трёх флангов большое войско серпантесов. Серпантесы представляли собой расу, похожую на людей, но с большими змеиными головами, как у кобры. Они на метр были способны плевать опасным ядом. И превосходно орудовали короткими копьями. Дисциплина их доходила до совершенства, словно сражается одно целое существо. Они молниеносно перегруппировывались и протыкали насквозь воительниц и майотов. Многие орки же с трудом успевали уклоняться от яда. Они задыхались и умирали прямо в эпицентре сражения.

Тритоны на суше являлись обычными воинами в человеческом обличье. Но вместо мечей применяли трезубцы с вылетающими из них на огромной скорости лезвиями. Они бились с варварами и гномами. Лезвия тритонов вбивались под броню медведей, на которых воевали гномы. Звери, истекая кровью, пронзительно рычали и, не слушая больше хозяев, металась по полю, сбивая всех на своём пути. Варвары взмахами палиц отражали удары тритонов и переламывали им ребра. Лучники Тиссы прикрывали их с холма. Стрелы дорманцев пронзали шеи и ноги тритонам.

Вампиры вместе с пехотой Дормана бились с кентаврами. Вурдалаки переламывали кентаврам ноги или вскакивали на спины, разрывая зубами горло. Кентавры отбивались длинными двуручными мечами. Один из них насадил на клинок сразу двух дорманцев.

Вскоре на этом побоище объявились мертвецы из Хайриана. Они нагрянули, словно дикая лавина. Мощь их обрушилась на всех. Первыми под удар попали аливитянки и тритоны. Мертвецы руками вырывали им кишки, нападая со спины. Хайрианцы, обладающие чудовищной скоростью, вгрызались при любой возможности всем в плотки. Они пожирали тритонов, будто орда блох. Их было слишком много.

Узгунун не заставил себя долго ждать. Повелитель хаоса напал на смертных с неба, разрывая тела в клочья. Своим мечом он сносил сразу сотню врагов.

Дела принимали самый плачевный оборот. Из-за океана крови земля словно уходила из-под ног. Трупов было столько, что приходилось сражаться прямо на них и слышать, как хрустят их кости. Любая рана означала смерть. Битва шла на время. О раненых никто не заботился. Раненых давили заживо их же соотечественники.

Никогда ещё Барнар не упивался так болью и не содрогался от жестокости.

Коннетабль Гаврил Римон вместе с пехотинцами держал оборону к югу от холма. Им пришлось сомкнуться в круг, отбивая атаку кентавров. Но долго бы их щиты не выдержали. Гаврил придумал приём.

— Значит, слушайте мне внимательно, братцы! Мы отступим ближе к холму, где Её Величество с лучниками сможет прикрыть нас. Насчет три, открываем щиты и перерубаем ноги первой волне кентавров. Затем сразу бьем вверх! После закрываемся с боков и сверху вновь щитами, образуя черепаху. Лучники добьют остальных! Начали!

Дорманцы скользили к холму по красной траве, из последних сил сдерживая атаку кентавров.

— Три! — прокричал Гаврил.

Кентавры напирали на них большой толпой. Щиты дорманцев резко открылись, и враг попался в ловушку. Кентавры с кровоточащими ногами повалились вперёд. Пехотинцы добились их, отрубив головы. И скрылись за щитами.

Тисса на холме махнула рукой. Тысячи стрел закрыли собой небосвод. Своими колкими остриями они пронизывали тела кентавров, превращая их в решето.

Рогир со своим отрядом орков пробирался в кольцо серпантесов. По его приказу воины разделились на две линии. Тем самым вырезая врагов изнутри. Его ратники, не успевшие заметить ядовитых плевков, падали возле его ног, корчась в агонии. Рогир, прикрывая щитом лицо и шею, отрубал серпантесам сначала ступни, а затем, ломая их копья, пронзал клинком головы.

Князь вурдалаков Вимон бился на другом фланге с кентаврами. Его воины выстроили трамплин из щитов. За секунду Вимон промчался по нему и прыгнул ногами на спину командира кентавров. Но не успел он свернуть ему шею, как тот столкнул его резким ударом локтя и выбил у вампира оружие. Но князь вскочил. Его ратники бросили ему топор, и тот поймал его за рукоять на ходу. Вимон засадил лезвие топора глубоко в грудь кентавра и впился в его шею, набираясь сил от крови.

Узгулун помчался к холму, где стояли лучники. Ошарашенная его приближением, Тисса закричала:

— Всем назад! В укрытие!

Но было уже поздно. Повелитель Хаоса своим мечом превратил дорманцев в обрубки из костей и плоти. Королева выжила только благодаря тому, что её конь поскользнулся и покатился с холма. Тисса отделалась лишь ушибами и переломом мизинца на левой руке. Вскрикнув от боли и выбравшись из-под мертвого коня со сломанной шеей, она добежала от своего артиллерийского отряда.

— Пли по этой твари! Пли! — отдала она приказ, подходя к ним с растрепанными волосами, покрытыми комками грязи.

Сотни пушек навели на Узгулуна, и их ядра разозлили того ещё больше. Но это помогло отвлечь его внимание от сражающихся внизу.

Все расы и народы в тот момент походили друг на друга в одном. Их глаза с расширившимися зрачками были полны безумия. Их лёгкие дышали воздухом, наполненным

кровью и зловонием пота. Сердца работали с бешеной скоростью. Уши оглохли от криков умирающих.

На Иорика Бэбкока набросился на медведе гномий дож Бофур. Своими смертоносными лапами зверь растерзал бы поэта, если бы тот своевременно на тренировках с Конрадом не подтянул свои навыки. Бэбкок успешно уклонился. Отпрыгнув на безопасное расстояние, он метнул кинжал в голову медведю и вспорол тому щеку. Животное пришло в ярость. Куски его щеки сильно кровоточили, болтаясь на ветру. Через них можно было разглядеть его зубы. Медведь поднялся на задние лапы, несмотря на тяжёлую броню. Бофур цепко держался на нём, чтобы не свалиться. Поэт метнулся вперёд и всадил меч в открытый участок шеи у медведя, пронзив её чуть не насквозь. Иорик вовремя откатился вбок, испачкавшись в склизкой земле. Медведь от опасной раны повалился, тяжело задышав. Бофур с секирой в руках и в квадратном серебряном шлеме спрыгнул с него.

— Ты ответишь за это, ублюдок! — обратился он к поэту.

Бэбкок решил промолчать и приготовился к схватке с дожем. Гном раскрутил двустороннюю секиру и совершил выпад на противника. Иорик пригнулся и, крепко ухватившись за щит, ринулся на Бофура. Лезвия их оружия сцепились и заскрежетали. Несмотря на свой рост, дож был сильнее поэта. Бэбкок не смог долго сопротивляться и удерживать секиру. Поэтому он отскочил на два шага назад и вспомнил слова Конрада насчет того, чтобы дать противнику атаковать первым. Иорик стал ждать. И тут ему пришла безумная идея, которая может стоить ему ног и жизни. Когда дож вновь замахнулся на него сбоку, пытаясь разрубить поэта пополам. Тот подпрыгнул и коснулся ногами секиры, что была к нему в горизонтальном положении. Так поэт смог приблизить свой меч к лицу гнома. Острие его меча вонзилось прямо в рот Бофура.

— Так-то! — Иорик улыбнулся.

Среди гор трупов к западу от холма встретились Амелия и директриса Эрлин.

— Амелия, как ты могла предать нас? Я ведь с детства тебя знаю, — глава ковена печально взглянула на неё.

— Я никогда никого не предавала! Из нас двоих здесь сейчас предательница только вы! Вы предали весь Барнар! Только вы еще этого не понимаете. Но ещё не поздно сделать правильный выбор. Эрлин, помогите нам продержаться! Прощу! — парировала ведьма.

— С тобой все понятно! Бедная девочка, видимо, любовь совсем лишила тебя разума! Променять страну и друзей на мужика. Не такого я была о тебе мнения! Защищайся, Амелия!

— Что? Но все совсем не так!

Однако директриса уже произнесла заклинание. Сиреневая вспышка вырвалась из её ладони. Амелия создала двойной щит. Брови её нахмурились.

— Я устала, директриса, очень устала доказывать вам всем правду! Пусть за меня всё теперь скажет магия!

Амелия со злобой стиснула зубы. Её глаза стали белыми. Огненные волосы на голове поднялись вверх.

— Шейян амена!!!

Из её рта вылетели маленькие жёлтые пылинки. Целый рой. Они врезались в тело Эрлин. И принялись сжигать его изнутри. Это была страшная, мучительная смерть. Глава ковена билась в луже грязи и крови. Глаза её сжигал ведьминский огонь изнутри. По щекам Амелии потекли две струи слёз. Она резко отвернулась, чтобы не видеть больше этого.

В этот момент на арене сражений появились боги. Дахман — бог мудрости в образе гигантского орла с крыльями, напоминающими лезвия, пронесся в высоком парении над людьми и затем в свободном падении ринулся вниз на Узгулуна. Он атаковал повелителя хаоса с воздуха, а с земли к нему на помощь пришёл Ингварид — бог войны и смерти. Он мчался в колеснице, запряженной вепрями с красными глазами. Бык держал в руках огромный топор. На глазах его покоилась повязка. Узгулун направил свой меч на шею Дахману, но тот взмахом крыльев оттолкнул его волной. И тут же подлетел к нему и, вцепившись лапами повелителю хаоса в плечи, принялся наносить ранения. Его перья вспарывали серую кожу Узгулуна до костей. И тварь решила улизнуть от него вниз. Однако там его поджидал Ингварид. Бог войны отрубил его щупальца. И повелителю хаоса пришлось снова взлететь. Он задумал мечом расщепить Ингварида с высоты. Однако Дахман своим крылом отрубил ему руку с оружием. И Узгулун с диким воплем, обливая всех внизу алой кровью, метнулся в сторону. Ингварид с земли метнул в него топор, расколов грудину. Дахман же поднял клинок и отсек Узгулуну голову. Тот пал за смертью от своего же меча. Труп его рассеялся в прах.

Сражающиеся смертные не особо обращали внимание на схватку богов. Им хватало своих проблем. Фрида увидела рядом с собой Ханну. Правительница Саркена направлялась прямо к ней, убивая по пути тритонов.

— Конрад, ну где же ты? Где? — тихо вырвалось из уст Фриды. — Я не собираюсь с тобой драться, Ханна! — обратилась она к подруге, когда та подошла к ней близко.

— Ты хоть и предала свой народ, но ты все еще остаешься аливитяжкой. А аливитянки никогда не отказываются от битвы! — заявила Ханна и набросилась на неё с мечом.

Фриде пришлось защищаться.

— Конрад не представляет угрозы! Он, наоборот, всех спасёт! — кричала воительница, укрываясь за щитом от ударов.

— Ты так говоришь, потому что он твой муж! — парировала Ханна, пиная в её щит со всей силы.

Фрида упала на спину.

— В таком случае, зачем его защищают четыре расы! Они верят в пророчество! Это пророчество — единственный для всех шанс на спасение!

Но Ханна уже занесла над ней клинок. Фриде пришлось совершить кувырок.

— Ты правда хочешь этого, Ханна? Мы же с тобой с детства дружим... Неужели ты способна всё это забыть сейчас?

— На войне убивают, а не треплются с врагом!

— Но я тебе не враг!!! — теряя самообладание, закричала Фрида.

Ханна заколебалась на секунду, но затем нахмурила лоб.

— Ты не с нами! Выходит, ты враг!

Правительница Саркена рассекла ей голень. Фрида захромала. Пот и грязь жгли рану. Но она все еще стояла в боевой стойке и отражала удары Ханны. Ей даже удалось выбить её меч. Однако та сняла с пояса топор и обманным движением снизу вверх нанесла удар. Если бы Фрида вовремя не успела отпустить щит, то растеряла бы свои кишки. Она сделала разворот и проткнула Ханне правую лопатку. Воительница запустила топор в подругу, сгибаясь от боли. Топор отрубил Фриде на ноге два пальца. Она обронила меч и, яростно закричав, набросилась со спины на Ханну. Своей крепкой рукой она обхватила её шею, а второй свернула. Мёртвая правительница Саркена повалилась головой вперёд, погрузившись

в лужу крови. Фриду всю пробирала нервная дрожь. Амелия заметила ее и помогла остановить кровь в ранах.

— Соберись! Слышишь меня? Соберись! — ведьма обхватила её голову ладонями.

Фрида молча кивнула ей и подхватила своё оружие.

Дахман хватал орков и дорманцев лапами и переламывал им клювом головы. Сзади на него выбежала богиня природы и охоты Алу. Чёрная волчица подпрыгнула и вцепилась ему пастью в брюхо. Они вместе полетели кубарем вниз. Но Дахман не спасся. Алу разодрала клыками и когтями богу мудрости весь живот. Облизываясь, она проглотила его сердце.

В самом центре кровавой равнины Иорик Бэбкок закрывался щитом от выпадов правителя майотов Линта. Он уже выдыхался. Голова гудела от шума вокруг. Лоб постоянно приходилось вытирать от солёного пота, льющегося на глаза. Майот вспорол поэту кожу возле локтя. Из сосудов хлынула яркая кровь. Иорик закричал от боли. Линт собирался нанести сокрушительный удар. Но Бригада бросилась к другу на помощь и перерубила мечом копьё врага. Бэбкок быстро среагировал и разрубил голову Линта наискось, обнажив черепные кости.

Поблизости объявился сам Властелин Ада. Его красное тело было выше деревьев. Удары оружия и магия не причиняли ему никакого вреда. Между его рогов сверкала черная шарообразная молния. Полностью белые глаза наводили ужас. За спиной его проступали длинные отростки с лезвиями, напоминающие скорпионьи лапы. Одним таким отростком он пригвоздил к земле богиню Алу, пронзив ту насквозь. Волчица, извиваясь, заскулила. Властелин Ада обхватил руками её челюсти и разорвал пасть. Зелёные глаза богини потухли.

Амелия пришла на помощь к кентаврам и столкнулась лицом к лицу с двоюродным братом королевы. Бедфорд, заметив ведьму, приказал своему сильно поредевшему отряду отступить. Но было поздно. Амелия, используя магию, подняла их высоко вверх и обрушила вниз. Бедфорд погиб на месте. Через его проломленный череп можно было увидеть извилины мозга с костными осколками.

Бог растений — Морлок напал на Властелина Ада. Корни деревьев сковали его ноги и руки. Морлок, покрытый зелёным мхом, направил огромный заточенный кол в грудь Властелина Ада. Но тот использовал шарообразную молнию. Оружие Морлока разлетелось в щепки. Властелин Ада с помощью разрушительных ударов чёрной молнии разорвал свои путы и выстрелил в Морлока своими отростками с лезвиями. Морлок со скрипом упал на колени. Властелин Ада приблизился к нему. Его чёрная молния пронзила Морлока в лоб. Оставив в нём огромную дыру. Морлок был повержен.

Бригада же в этот момент встретилась лицом к лицу со своим отцом Дариусом. Копья их схлестнулись. Дариус имел большую мышечную массу. Девчушке с трудом удавалось отводить от себя острие копья. Но настроена она была решительно. Ученица Конрада вспоминала все, чему он её обучил. Не забывала дышать и давать мышцам расслабиться. Она ждала ударов главаря варваров и постоянно перемещала вес на ногах.

— Я прикончу сначала тебя, а затем твою никчемную мать! Как вы посмели сбежать от меня, суки!

— За мать ты сейчас ответишь, ублюдок! Я займу твое место и вырежу всех твоих трусливых псов, служащих тебе! — она злобно улыбнулась, выводя его из себя.

— Ты займешь мое место? Не смей меня, блоха!

— Я наматаю твои кишки вот на это самое копьё! — Бригада коварно рассмеялась.

Дариус раскрутил копьё и разорвал Бригиде кожу на правой голени. Но девчушка,

стиснув зубы, даже не вскрикнула.

— Это все, на что ты способен, червяк убогий?

Главарь варваров пришёл в бешенство и форсированно атаковал. Он сбивал все её удары щитом, подступая все ближе. Бригада с разбега врезалась щитом в его щит и, подкинув своё копьё в руку, перехватила его в другом месте на ходу и всадила с полуразворота отцу под ребра. Дариус закричал от острой боли, перед тем, как потерять сознание. Бригада отрубилась ему голову и привязала её за спиной, чтобы затем, показав ту варварам, стать новым главарем.

Бог огня Дум сражался с Ингваридом. Дум имел человеческий облик, но достигал в росте гор. Вместо кожи и лица у него полыхало снаружи яркое серебристое пламя. При одном взоре на него можно было ослепнуть. Но Ингварид не видел его присутствия, а чувствовал. Дум поджег шерсть вепрей, и те понесли колесницу. Ингвариду пришлось спрыгнуть с неё. Бог войны бросил свой топор в сердце Дума, но тот разделился на две части, и оружие пролетело мимо. Так Ингварид остался безоружным. Дум подхватил его своими руками и запихал целиком к себе в глотку. Можно было услышать вопли Ингвариды, сгоравшего заживо в желудке Дума.

Карлин же нашла Амелию и снесла её с ног ударной магической волной. Амелия обернулась и, поднявшись, застыла на месте.

— Защищайся! — сухо обратилась к ней Карлин.

— Карлин, прошу тебя...

Глаза Карлин окрасились в пурпурный цвет.

— Терра вортекс! — прокричала она и взлетела вверх.

Мельчайшие частицы земли скоростным коричневым вихрем ворвались в ноздри Амелии и в рот. Из глаз ведьмы полились слезы. Она повалилась на землю. Её лёгкие изнутри разрывала земля. Это был конец. Правда, Амелия попыталась все же создать щит, но Карлин добила её сверху, обрушив на голову подруге тяжёлый валун. Из-под камня хлынула кровь и кусочки мозгов Амелии.

Это все видела Бригада. Она старалась успеть на помощь к Амелии, но на неё набросились вампиры, и ей пришлось отбиваться.

В тридцати четырех метрах от них бог плодородия и любви Хед состязался с Думом. Гигантский красивый олень песочного цвета с ветвистыми, длинными и острыми на концах рогами, имел добрый вид. Но только его полностью голубые холодные глаза настораживали. С ними он казался неукротимым и непредсказуемым. Его серебряные копыта несли его быстро и легко. Он был способен бегать как по земле, так и по небу. Дум пытался схватить его руками и сжечь. Но Хед был быстрее. Бог любви и плодородия вонзил свои рога Думу в спину, и из её ран хлынула прозрачная вода. И с земли внутрь поползла вьющаяся трава. Дум старался поджечь её, но ничего не выходило. Дум попытался вырваться и сдвинуться с места. Тогда Хед принялся пронзать его со всех сторон. Через все раны протиснулась жизнь: вода и растения. Дума заживо съедали растения и на них вырастали яркие и сочные апельсины. Вскоре от тела Дума ничего не осталось. Оно все заросло апельсиновыми деревьями.

Бригада, покончив с вампирами, выследила Карлин и, достав лук, прицелилась ей в спину. Стрела вошла прямо в сердце. Ведьма рухнула головой в грязь. Иорик, увидевший эту сцену, ринулся к телу Карлин, но она уже была мертва. Он вопросительно взглянул на Бригиду мокрым взглядом.

— Она убила Амелию. Размозжила ей валуном голову, — замогильным голосом произнесла девчушка.

— Это её подруга... Карлин. И моя подруга... — Бэбкок не успевал вытирать слезы.

— Иорик, этот мир сошёл с ума? Да? Потому что я уже ничего не понимаю. Друзья проламывают друг другу головы.

— Здесь сегодня все сошли с ума! — крикнул поэт, сжав ладонь в кулак.

Харпага, заметив труп Карлин, ринулись на Бригиду и Иорика. Она мчалась на панцирной сороконожке. В руках у неё был посох. В глазах полыхала злоба. Ещё бы секунда и УЗРЕВШИЕ УРАГАН были бы мертвы. Но к ним на помощь подоспел Хед. Бог любви и плодородия снес колдунью рогами из седла. Её посох был бессилён перед ним. Хед большим копытом размозжил Харпаге всю грудную клетку. Из её рта хлынула тёмная кровь. И глаза, смотревшие в небо, начали стекленеть.

Выживших осталось совсем мало. Вся эта равнина больше походила не на поле сражения, а на общую свежую могилу. Десятки врагов из последних сил бились друг с другом. День уже клонился к вечеру. Не было сантиметра, не покрытого чьими-то кишками. Кровь не успевала впитываться в землю и уже собиралась в ручьи.

Но, наконец, появился Конрад. Его появление предвещал яркий белый портал. Наёмник вышел из него и был шокирован количеством смертей. За всю свою жизнь он столько не видел. За ним в воздухе парили трупы длинных безмолвных с язвами на телах. В руках у него был яркий жёлтый кнут. Он опустил тела безмолвных. И ударил кнутом о траву, поднимая брызги крови. Между воюющими появились жёлтые купола. Все живые не могли их покинуть, пока этого не захочет наёмник. Конрад закричал громовым голосом, пока все взоры были обращены к нему:

— Я Конрад — сын одного из безмолвных! И я убил сегодня их всех! Вот их тела! Все кончено! Хватит проливать кровь друг друга!

Он выпустил правителей, и те посмотрели на тела безмолвных вблизи. Тисса упала на колени.

— Конрад, прости! Я не знала, что пророчество правдиво...

— Просите лучше прощение у мёртвых, что пали сегодня по вашей вине! Хотя, думаю, что они его вам вряд ли дадут.

— Я же хотела как лучше! Я...

— Мне-то что до этого! — отрезал наёмник. — Вам ведь с этим жить! Их кровь на ваших руках. И их призраки будут приходить к вам каждый день.

Конрад пошел искать жену. Он увидел её в возбуждённом, шокированном состоянии. Фрида сидела на коленях возле тела Ханны. Конрад обрадовался, что они жива и крепко обнял её. Она взглянула на него отстранёнными блуждающими глазами.

— Конрад, где ты был? — тихо спросила она. — Ты ведь опоздал! Оглянись... Все мертвы... Что осталось от нас внутри? Ничего! Почему ты опоздал? Я убила её! Понимаешь? Убила!

— Фрида, я спешил, как только мог! Я не мог быстрее! Прости меня! Прости! — он поцеловал её в голову. — Ты не ранена? Что у тебя с пальцами? Нужно обработать рану.

— Оставь меня в покое! Дай мне побыть одной.

— Хорошо! Хорошо! — он поднялся.

И отправился искать Бригиду.

— Бригида! Бригида!! — с каждым разом он кричал все громче, боясь найти её

погибшей.

Вскоре он её заметил. Она помчалась к нему навстречу и разрыдалась у него на груди.

— Все кончено! Все позади! Слышишь, Бригида?

— Конрад... — она подняла на него раскрасневшиеся глаза. — Амелии больше нет... Её убила Карлин. Я пыталась спасти Амелию, но не успела. И... Затем я убила Карлин. Иорик сейчас сидит там, возле их тел. Пойми, я не могла иначе. Мне пришлось это сделать. Я защищала своих!

— Бригида, ты ни в чем не виновата! — Конрад, пошатываясь, побрел к Бэбкоку.

Он шёл словно в тумане. Слезы застилали глаза. Иорик с бледным лицом сидел над трупами ведьм. Конрад рухнул рядом на колени и пронзительно закричал. Жуткая боль разрывала его сердце.

Тем временем Рогир, правитель орков, подошел к Тиссе, которой накладывали на палец шину.

— Мир спасён... — вздохнул он.

— Да, только Мир этот выстроен на костях его жителей, — повернула к нему голову королева. — И в том моя вина!

— Почему же ваша? Она наша! Мы все виноваты. Мы все не верили в пророчество. Кровь павших на руках у всех нас.

ЭПИЛОГ

Десять лет спустя

Тисса вышла замуж за Рогира и родила на свет двух принцев. Тем самым окончательно примирился некогда два враждующих народа.

Во всех странах и графствах выстроили статуи Всемирного Судьи. Они символизировали свободу выбора и надежды. Но также в некоторых землях до сих пор поклонялись богу Хеду. В знак уважения за то, что он был одним из выживших богов, что не предал Барнар и сражался на стороне истины.

Конрад со своей семьёй вернулся из кругосветного путешествия на корабле. И сейчас приехал в Винетку на ежегодные соревнования по лошадиным скачкам. В смотровой ложе вместе с ним, помимо семьи, был командир северного гарнизона Талейран. Конрад спас его из бастиона, окружённого мертвецами из Хайриана. Он вернул ему свой долг. И ещё с ними находился Рив со своей супругой, что воспитывали и помогали Конраду, когда он был молод. Наёмник подарил Риву дорогого и породистого жеребца. И Рив решил выдвинуть его для участия в скачках, хотя самцы в них никогда не побеждали.

Конрад постоянно осматривался по сторонам.

— Ты кого-то ищешь? — поинтересовался Иорик.

— Да. Свою дочь!

— Какую? Они же все здесь.

— Старшую, — улыбнулся Конрад.

— А что, Бригида должна приехать? — обрадовался Бэбкок.

К ним среди лавок пробиралась Бригида. Она сильно вымахала в росте. На лице её был тёмный загар.

— Отец! — она помахала Конраду рукой.

После долгой разлуки они крепко обнялись.

— Я скучала! — Фрида провела с нежностью ладонью по её лицу.

— Я тоже очень по всем вам соскучилась! — широко улыбнулась правительница

варваров.

— Как там дела в диких землях? Удалось все наладить? — наёмник обнял её за плечи, прижав к себе.

— Это больше не дикие земли, отец. Мужчины не имеют отныне права бить и насиловать женщин. И с работорговлей покончено. Хотя мне это стоило огромных трудов. Было много серьезных стычек с местными. Но я справилась!

— Никто и не сомневался, что ты справишься, Правительница Варваров! — Иорик пожал ей руку. — А где твоя корона?

— Да ну её к черту! Она неудобная!

Друзья рассмеялись.

— А это что за чудесные малютки? — Бригида взглянула на светловолосых девочек-тройняшек в голубых платьицах.

— Это наши дочери, — весело ответил Конрад, обнимая Фриду.

— Как хорошо, что они внешностью похожи на маму, а не на тебя! — заметила Бригида. — А то у них были бы такие же страшные уши и носы!

Фрида начала хохотать. Конрад напустил на себя смешной обиженный вид.

— Ну и как же вас зовут, красавицы? — Бригида с улыбкой склонилась к ним.

— Меня зовут Тарлин, — начала своим детским голоском та, что стояла справа с пышным бантом на голове. — Меня называли в честь двух сестер ведьм: Тары и Карлин. Они спасли всех магов!

— А меня, — почесала щеку та, что в центре, — зовут Амелия. Это имя носила сильная чародейка, сражавшаяся в битве за Барнар.

— Меня зовут Грегориана, — девочка слева откинула кудри назад. — Это в честь славного наёмника, что сражался вместе с моим папой против Узгулуна.

— Какие у вас замечательные имена! Вы должны носить их с гордостью! — отозвалась правительница варваров.

Конь Рива пришёл на скачках первым. Это событие вошло в историю.

Все друзья очень обрадовались и поднялись с мест, хлопая в ладоши и поздравляя Рива.

В этот момент за их спинами натянулась тетива лука. Возмужавший и подросший Мелькор — сын оборотня Лайена, явился отомстить.

— Это тебе за отца!

Стрела сорвалась и на огромной скорости полетела в направлении головы Конрада.

Ветер ворвётся внезапно...

Конец!

Больше книг на сайте - Knigoed.net